КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Мартъ.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1887 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. ХУДОЖНИКЪ. *(Окончаніе)*. 385

II. МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.—**П. Кузьмичевскаго**. 412

III. ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВѢЕВИЧА СБИТНЕВА. (Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ). *(Продолженіе)*. . . 459

IV. СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО.—**С. Венгрженовскаго**. 469

V. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ.—**А. М. Туренна** 494

VI. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО КІЕВА конца XVIII ст.—Сообщ. **С.Писаревъ** 537

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Полтавскій адресъ-календарь на 1887 г. Составленный подъ редакціею секретаря полтав. губерн. стат. комитета Д. А. Трощинскаго.—*Н. Н. Бакая.*—б) Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. ворон. губ. стат. комитета. Воронежъ. 1886 г. т. I—II.—*Н. С.*—в) A. v. Schweiger Lerchenfeld. Zwischen und Kaukasus. Wien. Pest. Leipzig. 1886. (А. ф. Швейгеръ Лерхенфельдъ. Отъ Дуная до Кавказа).—*В. Я.*—г) Харьковскій календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю). Изд. харьков. губерн. стат. комит. подъ редакціей П. С. Ефименка.—*Д. Чеп—аго.*—д) В. Шенрокъ. Ученическіе годы Гоголя. Москва 1887 г.—*В. Г.* 545

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ исторіи одного при-сеймскаго села.—*Н. Добротворскаго*—б) Архивная справка по поводу «Записокъ И. М. Сбитнева».—*Н. Сумцова.*—в) Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни.—*О. Л—ю.*—г) Изъ записной книжки.—*М. Комарова.*—д) Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березнѣ.—Сообщ. *В. К—шъ.*—е) Маленькое поясненіе къ «Кобзарю» Т. Г. Шевченка.—*А. Г.*—ж) Коротенькое воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ.—*Н. М. Кибальчичъ.*—з) По поводу 25-ти лѣтія «Филологическихъ Записокъ».—*Н. С.* 565

Продолжается подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ХУДОЖНИКЪ.

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

По полученіи этого письма я написалъ моему пріятелю, что не къ выставкѣ, а можетъ быть и къ святой недѣлѣ пріѣду къ нему въ гости и что пріѣду къ нему прямо на квартиру, какъ Штернбергъ пріѣзжалъ. Я написалъ это для того собственно, чтобы избавить его отъ неотвязчиваго мичмана. Я, правду сказать, опасался за его еще неустановившійся молодой характеръ. Чего добраго, какъ разъ можетъ сдѣлаться двойникомъ безпардоннаго мичмана; тогда прощай все: и геній, и искусство, и слава, и все очаровательное въ жизни. Все это уляжется, какъ въ могилѣ, на днѣ всепожирающей рюмочки. Примѣры эти къ несчастію весьма и весьма даже нерѣдки, въ особенности у насъ въ Россіи. И что за причина? Неужели одно пьяное общество можетъ умертвить всякій зародышъ добра въ молодомъ человѣкѣ? или тутъ есть еще что нибудь для насъ непонятное? А впрочемъ народная мудрость вывела одно заключеніе: скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я тебѣ скажу, кто ты таковъ. А Гоголь, вѣроятно, тоже не безъ основанія замѣтилъ, что русскій человѣкъ, коли хорошій мастеръ, то непремѣнно и пьяница. Что бы это значило? Ничего больше, я полагаю, какъ недостатокъ всеобщей цивилизаціи. Такъ, напримѣръ, сельской или другой какой писарь въ кругу честныхъ безграмотныхъ мужичковъ все

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., февральск. кн., стр. 193—236.

равно, что Сократъ въ Аѳинахъ, а посмотрите, самое безнравственное, безпросыпное животное, потому именно, что онъ мастеръ своего дѣла, что онъ одинъ единственный грамотѣй между сотнями простодушныхъ мужичковъ, на счетъ которыхъ онъ упивается и распутничаетъ, а они только удивляются его досужеству и никакъ не могутъ себѣ растолковать, что бы такое значило, что такой умнѣйшій человѣкъ и такой великій пьяница! А простакамъ и не въ домекъ, что онъ одинъ между ними мастеръ письменнаго или другого какого дѣла, что нѣтъ ему соперника, что давальцы его навсегда останутся ему вѣрны, потому что, кромѣ его, не къ кому обратиться. Онъ себѣ, спустя рукава, кое какъ дѣлаетъ свое дѣло и легкіе заработки пропиваетъ. Вотъ по моему одна единственная причина, что у насъ коли мастеръ своего дѣла, то непремѣнно и горькій пьяница. А кромѣ этого замѣчено и между цивилизованными націями, что люди, выходящіе изъ круга обыкновенныхъ людей, одаренные высшими душевнымн качествами, всегда и вездѣ болѣе или менѣе были чтителями, а нерѣдко и усердными поклонниками веселаго бога Бахуса. Это уже, должно быть, непремѣнное свойство необыкновенныхъ людей.

Я лично и хорошо зналъ геніальнаго математика нашего О. (а математики вообще люди не увлекающіеся); съ нимъ мнѣ случилось нѣсколько разъ обѣдать вмѣстѣ. Онъ, кромѣ воды, ничего не пилъ за столомъ. Я и спросилъ его однажды:

— Неужели вы никогда вина не пьете?

— Въ Харьковѣ еще когда-то я выпилъ два погребка, да и забастовалъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ простодушно.

Не многіе однакожъ кончаютъ двумя погребками, а непремѣнно принимаются за третій, не рѣдко и за четвертый, и на этомъ-то роковомъ четвертомъ кончаютъ свою грустную карьеру, а нерѣдко и самую жизнь.

А онъ, т. е. мой художникъ, принадлежалъ къ категоріи людей страстныхъ, увлекающихся, съ воображеніемъ горячимъ, а это-то и есть злѣйшій врагъ жизни самостоятельной, положительной. Хотя я далеко не поклонникъ монотонной, трезвой аккуратности и вседневной однообразной воловьей дѣятельности, но не скажу, чтобы я былъ и открытый врагъ положительной аккуратности.

Вообще въ жизни средняя дорога есть лучшая дорога, но въ искусствѣ, въ наукѣ и вообще въ умственной дѣятельности средняя дорога ни къ чему, кромѣ безвременной могилы, не приводитъ.

Въ художникѣ моемъ хотѣлось бы мнѣ видѣть и моего великаго необыкновеннаго художника и самого обыкновеннаго человѣка въ домашней жизни; но эти два великія свойства рѣдко уживаются подъ одной кровлей.

Сердечно желалъ бы я предвидѣть и предотвратить все вредно дѣйствующее на молодое воображеніе моего любимца, но какъ это сдѣлать, не знаю. Мичмана я рѣшительно боюсь, да и отъ сосѣдки нельзя ожидать ничего добраго; это ясно, какъ день. Теперь еще это могло бы кончиться разлукой и слезами, какъ обыкновенно кончается первая пламенная любовь, но при содѣйствіи тетушки, которая ему такъ понравилась съ перваго разу, кончится все это факеломъ Гименея, и, дай Богъ мнѣ ошибиться, развратомъ и нищетой.

Онъ мнѣ прямо не говоритъ, что онъ влюбленъ по уши въ свою ученицу, да и какой юноша прямо откроетъ эту священную тайну. По одному слову своей обожаемой онъ бросится въ огонь и въ воду, прежде чѣмъ выговорить ей словами свое нѣжное чувство. Таковъ юноша любящій искренно. А бываютъ ли юноши любящіе иначе?

Что бы хоть сколько нибудь отвлечь его отъ сосѣдокъ, съ умысломъ не упоминаю о нихъ ни слова. Я совѣтовалъ ему посѣщать, какъ можно, чаще Шмидта, Фицтума и Іоахима, какъ людей необходимыхъ для его внутренняго образованія, навѣщать старика Кольмана, котораго добрые совѣты по части пейзажной живописи ему необходимы, и каждый Божій день, какъ храмъ искусства, посѣщать мастерскую Карла Павловича, и во время этихъ посѣщеній сдѣлать для меня акварелью копію съ «Бахчисарайскаго фонтана». А въ заключеніе описалъ ему всю важность предстоящей программы, для которой онъ долженъ посвятить всего себя и всѣ свои дни и ночи до самаго дня экзамена, т. е. до октября мѣсяца. Такой срокъ и такого роду занятіе мнѣ казались достаточными, чтобы хотя немного охладить первую любовь. Я писалъ ему, что если мнѣ нельзя будетъ на

все лѣто оставаться въ столицѣ, то къ осени я непремѣнно опять пріѣду собственно для его программы.

Письмо мое, какъ я и ожидалъ, имѣло свое доброе дѣйствіе, но только въ половину: программа ему удалась, а сосѣдка увы! Но зачѣмъ прежде времени поднимать завѣсу таинственной судьбы? Прочитаемъ еще одно и послѣднее его письмо.

Волею или неволею, не знаю, а знаю только то, что вы меня жестоко обманули, мой незабвенный благодѣтель. Я дожидалъ васъ, какъ самаго дорогого моему сердцу гостя, а вы, Богъ вамъ судья... И зачѣмъ было обѣщать! А сколько было хлопотъ мнѣ съ моими жильцами? На силу выжилъ. Михайловъ, правда, сейчасъ же согласился, но неугомонный мичманъ дотянулъ таки до самой весны, т. е. до страстной недѣли и на разставаньи мы чуть было съ нимъ не поссорились: онъ непремѣнно хотѣлъ остаться и на святую недѣлю, но я рѣшительно сказалъ ему, что я васъ дожидаю.

— Эка важная фигура вашъ родственникъ, въ трактирѣ можетъ поселиться,—сказалъ онъ, покручивая свои глупые усы.

Меня это взбѣсило, и я готовъ былъ уже надѣлать, Богъ знаетъ, какихъ дерзостей, да спасибо Михайловъ остановилъ меня. Я не знаю, что ему особенно понравилось въ нашей квартирѣ; вѣроятно только то, что она даровая, не нанятая. Зимой, бывало, Михайловъ по нѣсколько ночей дома не ночуетъ и днемъ изрѣдка заглянетъ и сейчасъ же уйдетъ, а онъ только и выйдетъ пообѣдать да напиться пьянымъ и опять лежитъ на диванѣ, или спитъ, или трубку куритъ; но послѣднее время онъ было уже и чемоданъ съ бѣльемъ притащилъ, и когда я совсѣмъ уже отказалъ отъ квартиры, такъ онъ все еще приходилъ нѣсколько разъ ночевать—просто безсовѣстный! И еще одна странность, до самого его выѣзда въ Николаевъ (онъ переведенъ въ Черноморскій флотъ) я его каждый день вечеромъ, возвращаясь изъ класса, встрѣчалъ или въ корридорѣ, или на лѣстницѣ, или у воротъ. Не знаю, кому онъ дѣлалъ вечерніе визиты. Но Богъ съ нимъ, слава Богу, что я отъ него избавился.

Какіе успѣхи сдѣлала въ продолженіи зимы моя ученица, просто чудо! Что если бы ее начать учить въ свое время, изъ нея могла бы быть просто ученая. И какая она сдѣлалась скромная, кроткая, просто прелесть! Дѣтской игривости и наивности и тѣни не осталось.

Правду сказать, мнѣ даже жаль, что грамотность, если это только грамотность, уничтожила въ ней эту милую дѣтскую рѣзвость. Я радъ, что хоть тѣнь той милой наивности осталась у меня на картинѣ. Картинка вышла очень миленькая; огненное освѣщеніе, правда не безъ труда, но удалось. Прево предлагаетъ мнѣ сто рублей серебромъ, на что я охотно соглашаюсь, только послѣ выставки. Мнѣ непремѣнно хочется представить мою милую ученицу на судъ публики. Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ вы не обманули меня въ другой разъ и пріѣхали къ выставкѣ, а она въ нынѣшнемъ году особенно будетъ интересна: многіе художники, и наши, и иностранцы изъ-за границы, обѣщаютъ прислать свои произведенія, въ томъ числѣ баронъ Берне, Годенъ и Штейбенъ. Пріѣзжайте, ради самого Апполлона и девяти его прекрасныхъ сестрицъ!

До сихъ поръ моя программа идетъ тупо; не знаю, что дальше будетъ. Композиціей Карлъ Павловичъ доволенъ, больше ничего не могу вамъ о ней сказать. Съ будущей недѣли примусь въ плотную, а до сихъ поръ я ее какъ будто бѣгаю. Не знаю, что это значитъ? Ученица моя и та уже начинаетъ понукать меня. Ахъ, если-бъ я вамъ могъ разсказать, какъ мнѣ нравится это простое доброе семейство! Я у нихъ, какъ свой родной. Про тетушку и говорить нечего: она постоянно добрая и веселая. Угрюмый и молчаливый дядюшка—и тотъ иногда оставляетъ свои бумаги, садится съ нами около шумящаго самовара и изподтишка отпускаетъ шуточки, разумѣется, самыя не замысловатыя. Я иногда позволяю себѣ роскошь, разумѣется, когда липняя копѣйка зазвенитъ въ карманѣ, угощаю ихъ ложей третьяго яруса въ Александринскомъ театрѣ, и тогда всеобщее удовольствіе безгранично, особенно если спектакль составленъ изъ водевилей; а ученица и модель моя нѣсколько дней послѣ такого спектакля и во снѣ, кажется, поетъ водевильные куплеты. Я люблю или, лучше сказать, обожаю все прекрасное

какъ въ самомъ человѣкѣ, начиная съ его прекрасной наружности, такъ само, если не больше, и возвышенное, изящное произведеніе ума и рукъ человѣка. Я въ восхищеніи отъ свѣтски образованной женщины и мущины тоже. У нихъ все, начиная отъ выраженій до движеній, приведено въ такую ровную стройную гармонію; у нихъ во всѣхъ пульсъ, кажется, бьется одинаково. Дуракъ и умница, флегма и сангвиникъ это рѣдкія явленія, да едва-ли они и существуютъ между ними, и это мнѣ безконечно нравится; не на долго однакожъ это можетъ быть, потому что я родился и выросъ не между ними, а грошовымъ воспитаніемъ своимъ и подавно не могу равняться съ ними, и потому-то, не смотря на всю очаровательную прелесть ихъ жизни, мнѣ больше нравится семейный бытъ простыхъ людей, такихъ, напримѣръ, какъ мои сосѣди. Между ними я совершенно спокоенъ, а тамъ все чего-то какъ будто боишься. Послѣднее время я и у Шмидтовъ чувствую себя не ловко, и не знаю, чтобы это значило. Бываю я у нихъ почти каждое воскресенье, но не засиживаюсь, какъ это прежде бывало. Можетъ быть это отъ того, что нѣтъ милаго незабвеннаго Штернберга между нами. А кстати о Штернбергѣ. Я недавно получилъ отъ него письмо изъ Рима. Да и чудакъ же онъ препорядочный! Вмѣсто собственныхъ впечатлѣній, какія произвелъ на него вѣчный городъ, онъ рекомендуетъ мнѣ, и кого-же вы думаете? Дюпата и Перонеза! Вотъ чудакъ! Пишетъ, что у Лепри видѣлъ онъ великій соборъ художниковъ; въ томъ числѣ и Иванова, автора будущей картины: «Іоаннъ Предтеча проповѣдуетъ въ пустынѣ». Русскіе художники подтруниваютъ надъ нимъ изподтишка, говорятъ, что онъ совсѣмъ завязъ въ Понтійскихъ болотахъ и все таки не нашелъ такого живописнаго сухого пня съ открытыми корнями, который ему нуженъ для третьяго плана его картины, а нѣмцы вообще въ восторгѣ отъ Иванова. Еще встрѣтилъ онъ въ кафе Греко безмѣрно расфранченнаго Гоголя, разсказывающаго за обѣдомъ самые сальные малороссійскіе анекдоты. Но главное, что онъ встрѣтилъ при въѣздѣ въ вѣчный городъ, въ виду купола св. Петра и въ виду безсмертнаго великана Колизея, это качуча, граціозная, страстная, такая, какъ она есть въ самомъ народѣ, а не такая чопорная, нарумяненная, какъ ее видимъ на сценѣ. Вообрази себѣ, пишетъ онъ,

что знаменитая Тальони копія съ копіи того оригинала, который я видѣлъ безплатно на римской улицѣ. Но для чего мнѣ дѣлать выписки, я вамъ пришлю его письмо въ оригиналѣ. Тамъ вы и про себя кое что не безъинтересное прочитаете. Онъ, бѣдный, все еще вспоминаетъ о Тарновскихъ. Вы ее часто видите, скажите, счастлива-ли она съ своимъ эскулапомъ? Если счастлива, то не говорите ничего про нашего друга, не тревожьте пустымъ воспоминаніемъ ея тихаго семейнаго покоя; если же нѣтъ, то скажите ей, что другъ нашъ Штернбергъ, благороднѣйшее созданіе въ мірѣ, любитъ ее до сихъ поръ также искренно и нѣжно, какъ и прежде любилъ. Это усладитъ ея сердечную тоску. Какъ-бы человѣкъ ни страдалъ, какія бы ни терпѣлъ испытанія, но если онъ услышитъ одно привѣтливое сердечное слово, слово искренняго участія отъ далекаго неизмѣннаго друга, онъ забываетъ гнетущее его горе хоть не на долго, хоть на часъ, на минуту, онъ совершенно счастливъ, а минута полнаго счастія, говорятъ, замѣняетъ безконечные годы самыхъ тяжелыхъ испытаній.

Прочитывая эти строки, вы улыбнетесь, мой обожаемый друже, и, чего добраго, подумаете, не терплю ли я какого нибудь испытанія, потому что такъ красно разсуждаю объ испытаніи. Божусь вамъ, у меня никакого горя, а такъ что-то взгрустнулось. Я совершенно счастливъ, да и можетъ ли быть иначе, имѣя такихъ друзей, какъ вы и милый незабвенный Виля. Не многимъ изъ людей выпадаетъ такая сладкая участь, какъ выпала на мою долю, и если-бы не вы, пролетѣла-бы мимо меня слѣпая богиня; но вы ее остановили надъ заброшеннымъ бѣднымъ замарашкой. О, Боже мой, Боже мой! я такъ счастливъ, такъ безпредѣльно счастливъ, что мнѣ кажется, я задохнусь отъ этой полноты счастья, задохнусь и умру. Мнѣ непремѣнно нужно хоть какое нибудь горе, хоть ничтожное; а то сами посудите, что-бы я не задумалъ, чего бы я не пожелалъ, все мнѣ удается. Всѣ меня любятъ, всѣ меня ласкаютъ, начиная съ нашего великаго маэстро, а его любви, кажется, достаточно для совершеннаго счастья.

Онъ часто заходитъ ко мнѣ на квартиру, иногда даже и обѣдаетъ у меня. Скажите, могъ-ли я тогда думать о такомъ счастіи, когда я въ первый разъ увидѣлъ его у васъ въ этой самой квартирѣ. Многіе и весьма многіе вельможи-царедворцы не удостоены

такого великаго счастья, какимъ я, неизвѣстный нищій, пользуюсь. Есть-ли на свѣтѣ такой человѣкъ, который не позавидовалъ-бы мнѣ въ настоящее время?

На прошедшей недѣлѣ заходитъ онъ ко мнѣ въ классъ, взглянулъ на мой этюдъ, сдѣлалъ на скоро кое-какія замѣчанія и вызываетъ меня на пару словъ въ корридоръ. Я думалъ, что и онъ знаетъ какой секретъ, и что-же? Онъ предлагаетъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на дачу къ Уваровымъ обѣдать. Мнѣ не хотѣлось оставить классъ, и я началъ было отговариваться, но онъ мои резоны назвалъ школьничествомъ и неумѣстнымъ прилежаніемъ, замѣтивъ, что пропустить одинъ классъ ничего не значитъ.

— А главное,—прибавилъ онъ: я вамъ дорогою прочитаю такую лекцію, какой вы отъ профессора эстетики никогда не услышите.

Что я могъ сказать на это? Убралъ палитру и кисти, переодѣлся и поѣхалъ. Дорогой однакожъ и помину не было объ эстетикѣ. За обѣдомъ, какъ обыкновенно, былъ веселый общій разговоръ, а послѣ обѣда уже началась лекція. Вотъ какъ было дѣло.

Въ гостиной за чашкой кофе старикъ Уваровъ завелъ рѣчь о томъ, какъ быстро летятъ часы и какъ мы не дорожимъ этими алмазными часами, особенно юноши, прибавилъ старикъ, глядя на сыновей своихъ.

— Да вотъ вамъ животрепещущій примѣръ, подхватилъ Карлъ Павловичъ, показывая на меня: онъ сегодня оставилъ классъ, чтобы только побаклушничать на дачѣ.

Меня, какъ кипяткомъ, обдало, а онъ, ничего не замѣчая, прочиталъ мнѣ такую лекцію о всепожирающемъ быстролетномъ времени, что я теперь только почувствовалъ и понялъ символическую статую Сатурна, пожирающаго дѣтей своихъ. Вся эта лекція была прочитана съ такой любовью, съ такой отцовской любовью, что я тутъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, заплакалъ, какъ ребенокъ, уличенный въ шалости.

Послѣ всего этого, скажите, чего мнѣ не достаетъ? Васъ, только одного вашего присутствія недостаетъ мнѣ. О, дождусь-ли я той радостной великой минуты, въ которую обниму васъ, моего родного, моего искренняго друга? А знаете что? Не напишите вы мнѣ, что пріѣдете ко мнѣ къ Святой, я непремѣнно посѣтилъ бы васъ прошедшею зимой; но видно, святые на небѣ позавидовали

моему земному счастію и не допустили этого радостнаго свиданія.

Не смотря, однакожъ, на всю полноту моего счастья, мнѣ иногда бываетъ такъ невыносимо грустно, что я не знаю, куда укрыться отъ этой гнетущей тоски. Въ эти страшно продолжительныя минуты одна только очаровательная ученица моя имѣетъ на меня благотворное вліяніе. И какъ-бы мнѣ хотѣлось тогда раскрыть ей мою страдающую душу, разлиться, растаять въ слезахъ передъ нею!.... Но это оскорбитъ ея дѣвственную скромность, и я себѣ скорѣе лобъ разобью объ стѣну, чѣмъ позволю оскорбить какую-бы то ни было женщину, тѣмъ болѣе ее, ее прекрасную и пренепорочную отроковицу.

Я, кажется, писалъ вамъ прошедшей осенью о моемъ намѣреніи написать съ нея весталку въ *pendant* прилежной ученицѣ. Но зимою трудно было достать лиліи или бѣлой розы, а главное мнѣ мѣшалъ несносный мичманъ; теперь-же эти препятствія устранены, и я думаю между дѣломъ, т. е. между программою привести въ исполненіе задушевный мой проэктъ, и тѣмъ болѣе это возможно, что программа моя немногосложна, всего три фигуры: это Іосифъ толкуетъ сны своимъ соузникамъ виночерпію и хлѣбодару. Сюжетъ старый, избитый, а потому-то нужно хорошенько его обработать, т. е. сочинить. Механической работы тутъ не много, а впереди еще слишкомъ три мѣсяца времени. Вы мнѣ пишете о важности моей, быть можетъ, послѣдней программы и совѣтуете, какъ можно прилежнѣе изучать ее или, какъ вы говорите, проникнуться ею. Все это прекрасно, и я совершенно убѣжденъ въ необходимости всего этого. Но, единственный мой друже, я боюсь выговорить: весталка меня болѣе и постоянно занимаетъ. Программа это второй планъ весталки, и какъ я не стараюсь поставить ее на первый планъ, нѣтъ, не могу—уходитъ, и чтобы это значило, не знаю! Думаю прежде окончить весталку: она у меня уже давно начата. Окончу да и съ рукъ долой; тогда свободнѣе примусь за программу.

Программа! Я что то недоброе предчувствую съ моею программой. И откуда берется это роковое предчувствіе? Не отказаться ли мнѣ отъ нея до слѣдующаго года? Но потерять годъ времени... чѣмъ вознаградится эта потеря? Вѣрнымъ успѣхомъ? А кто поручится за этотъ успѣхъ? Не правда ли, я боленъ. Я дѣйствительно

немножко какъ будто бы рехнулся, я становлюсь похожимъ на «Метафизика» Хемницера. Бога ради, пріѣзжайте, возстановите мою падающую душу.

Какой я однако безсовѣстный эгоистъ! На какомъ основаніи я почти требую вашего визита? Во имя какой разумной идеи вы должны оставить ваши занятія, ваши обязанности и ѣхать за тысячу верстъ для того только, чтобы увидѣть какого-то полуидіота?

Прочь недостойное малодушіе! Ребячество, ничего больше, а я уже, слава Богу, допущенъ къ программѣ на первую золотую медаль! Я уже человѣкъ кончающій... Нѣтъ, нѣтъ, художникъ, начинающій свою, быть можетъ, великую карьеру. Мнѣ стыдно предъ вами, мнѣ стыдно самого себя. Если только не имѣете крайней надобности, то, Бога ради, не ѣздите въ столицу; не пріѣзжайте по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не окончу мою программу и мою задушевную весталку. А тогда если пріѣдете, т. е. къ выставкѣ, о! тогда моя радость, мое счастье будетъ безконечно. Еще одно, и странное и постоянное мое желаніе: мнѣ ужасно хочется, чтобы вы хоть мимоходомъ взглянули на модель моей весталки, т. е. на мою ученицу. Не правда ли, странное, смѣшное желаніе? Мнѣ хочется показать вамъ ее, какъ самое лучшее, прекраснѣйшее произведеніе божественной природы; и, о самолюбіе! какъ будто и я споспѣшествовалъ нравственному украшенію этого чуднаго созданія, т. е. выучилъ ее русской грамотѣ. Не правда ли, я безконечно самолюбивъ? А, кромѣ шутокъ, грамотность придала ей какую-то особенную прелесть. Одинъ маленькій недостатокъ въ ней, и это маленькое несовершенство недавно я замѣтилъ: какъ мнѣ кажется, она не охотно читаетъ. А тетенька ея давно уже перестала восхищаться своею грамотницей Пашей.

Послѣ праздниковъ далъ я ей прочитать Робинзона Крузо. Чтожъ бы вы думали? Она въ продолженіи мѣсяца едва-едва прочла до половины. Признаюсь вамъ, такое равнодушіе меня сильно огорчило, такъ огорчило, что я началъ уже раскаиваться, что и читать ее выучилъ. Разумѣется, я ей этого не сказалъ, а только подумалъ; она же какъ будто подслушала мою думу: на другой же день дочитала книгу и въ вечеру за чаемъ съ такимъ непритворнымъ увлеченіемъ и съ такими подробностями разсказала безсмертное твореніе Дефо своей равнодушной тетенькѣ, что я

готовъ былъ расцѣловать свою ученицу. Въ этомъ отношеніи я нахожу много общаго между ней и мною. На меня иногда находитъ такое деревянное равнодушіе, что я дѣлаюсь совершенно ни на что не способенъ, но со мною, слава Богу, эти припадки непродолжительны бываютъ. А она, и что для меня непонятно, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ меня неугомонный мичманъ, сдѣлалась какъ-то особенно скромнѣе, задумчивѣе и равнодушнѣе къ книгѣ. Неужели она?... Но я этого допустить не могу: мичманъ созданіе чисто антипатическое, жесткое и едва ли онъ можетъ заинтересовать женщину самой грубой организаціи. Нѣтъ, это мысль нелѣпая. Она задумывается и впадаетъ въ апатію отъ того, что ея возрастъ такой, какъ увѣряютъ насъ психологи.

Я вамъ надоѣдаю своей прекрасною моделью и ученицей! Вы чего добраго, пожалуй, подумаете, что я къ ней неравнодушенъ. Оно дѣйствительно на то похоже: она мнѣ черезвычайно нравится, но нравится такъ, какъ что-то близкое, родное, нравится, какъ самая нѣжная сестра родная.

Но довольно о ней. А кромѣ ея въ настоящее время мнѣ и писать вамъ больше не очемъ. О программѣ теперь писать еще нечего, она едва подмалевана, да и по окончаніи ея я вамъ писать не буду. Мнѣ хочется, чтобы вы о ней въ газетѣ прочитали, а больше всего мнѣ хочетя, чтобы сами ее увидали. Я говорю съ такою самоувѣренностью, какъ будто уже все кончено, остается только медаль взять изъ рукъ президента и тушъ на трубахъ прослушать.

Пріѣзжайте, мой незабвенный, мой сердечный другъ! Безъ васъ мой тріумфъ не полный будетъ, потому не полный, что вы одинъ единственный виновникъ моего настоящаго и будущаго счастья.

Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Не обѣщаю вамъ писать вскорѣ. Прощайте!

P. S. Бѣдный Демскій и вскрытія Невы не дождался: умеръ, и умеръ, какъ истинный праведникъ, тихо, спокойно, какъ будто бы заснулъ. Въ больницѣ Маріи Магдалины мнѣ часто удавалось наблюдать за послѣдними минутами угасающей жизни человѣка, но такого спокойнаго, равнодушнаго разставанья съ жизнью я не видѣлъ. За нѣсколько часовъ передъ кончиной я сидѣлъ у его кровати и читалъ вслухъ какую то брошюру легкаго содержанія. Онъ слушалъ, закрывши глаза, и по временамъ едва замѣтно при-

поднимались у него углы рта, это было что-то въ родѣ улыбки. Чтеніе продолжалось не долго: онъ раскрылъ глаза и, обратя ихъ на меня, едва слышно проговорилъ:

— И охота же вамъ на такіе нустяки дорогое время тратить!

И переводя духъ, прибавилъ:

— Лучше бы рисовали что нибудь, хоть съ меня.

Со мной по обыкновенію была книжка или такъ называемый альбомъ и карандашъ. Я началъ очерчивать его сухой, рѣзкій профиль; онъ опять взглянулъ на меня и сказалъ, грустно улыбаясь:

— Не правда ли, спокойная модель?

Я продолжалъ рисовать. Тихонько растворилась дверь, и въ дверяхъ обернутое чѣмъ-то грязнымъ показалось грязное лицо квартирной хозяйки; но, увидя меня, она спряталась и дверь притворила. Демскій, не раскрывая глазъ, улыбнулся и далъ знать рукою, чтобы я наклонился къ нему. Я наклонился. Онъ долго молчалъ и наконецъ едва внятно, со вздрагиваньемъ проговорилъ:

— Заплатите ей, Бога ради, за квартиру. Дастъ Богъ, сквитаемся.

Со мною не было денегъ, и я тотчасъ пошелъ на квартиру. Дома меня, не момню, что-то задержало: тетушкинъ кофе или что-то въ этомъ родѣ, не помню. Пришелъ я къ Демскому уже передъ закатомъ солнца. Комнатка его была освѣщена ярко оранжевымъ свѣтомъ заходящаго солнца такъ ярко, что я долженъ былъ на нѣсколько минутъ глаза зажмурить. Когда я раскрылъ глаза и подошелъ къ кровати, то подъ одѣяломъ уже остался только трупъ Демскаго, въ такомъ точно положеніи, какъ я его оставилъ живымъ; улыбка на полъ-линіи не измѣнилась; глаза закрыты, какъ у спящаго. Такъ спокойно умираютъ только праведники, а Демскій принадлежалъ къ сонму праведниковъ. Я сложилъ ему на груди полуостывшія руки, поцѣловалъ его въ холодное чело и прикрылъ одѣяломъ; нашелъ хозяйку, отдалъ ей долгъ покойника, просилъ распорядиться похоронами на мой счетъ, а самъ пошелъ къ гробовщику. На третій день пригласилъ я священника изъ церкви св. Станислава, взялъ ломового извощика и съ помощью дворника мы вынесли и поставили скромный гробъ на роспуски, и двинулись съ Демскимъ въ далекую дорогу. За гробомъ шелъ я, патеръ Посяда и маленькій причетникъ. Ни одна нищая не сопутствовала намъ, а ихъ не мало встрѣчалось дорогою. Но эти бѣд-

ные тунеядцы, какъ голодныя собаки, носомъ чуютъ милостыню; отъ насъ онѣ не предвидѣли подачи и не ошиблись; ненавижу я этихъ отвратительныхъ промышленниковъ, спекулирующихъ именемъ Христовымъ. Съ кладбища пригласилъ я патера на квартиру покойника, не съ тѣмъ, чтобы тризну править, а затѣмъ, чтобы показать скромную библіотеку Демскаго. Вся библіотека заключалась въ небольшомъ едва сколоченномъ ящикѣ и состояла изъ 50 съ чѣмъ-то томовъ, большею частью историческаго и юридическаго содержанія, на языкахъ: греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Ученый патеръ весьма неравнодушно перелистывалъ греческихъ и римскихъ классиковъ весьма скромнаго изданія, а я откладывалъ книги только на французскомъ языкѣ. И странно, кромѣ Лелевеля, на польскомъ языкѣ только одинъ крошечный томикъ Мицкевича самаго лубочнаго познанскаго изданія, больше ничего не было. Не ужели онъ не любилъ своей родной литературы? Не можетъ быть. Когда библіотека была разобрана, я взялъ себѣ французскія книги, а всѣ остальныя предложилъ ученому патеру. Добросовѣстный патеръ никакъ не соглашался пріобрѣсти такое сокровище совершенно даромъ и предложилъ на свой счетъ положить гранитную плиту надъ прахомъ Демскаго. Я съ своей стороны предложилъ половину издержекъ, и мы тутъ же опредѣлили величину и форму плиты и надпись сочинили. Надпись самая не хитрая: Leonard Demsci mort. anno 18.... Покончивши все это и взявши всякій свою долю наслѣдства, мы разстались, какъ давнишніе пріятели. Странно однако жъ, неужели покойный Демскій не приближалъ къ себѣ и самъ не приблизился ни къ кому, кромѣ меня? Въ квартирѣ его я никогда никого не встрѣчалъ; но когда выходили мы съ нимъ на улицу, на улицѣ часто встрѣчались его знакомые и по пріятельски здоровались, а нѣкоторые даже пожимали ему руку. И все это были люди порядочные. И то правда, такъ называемый порядочный человѣкъ посѣтитъ ли труженика бѣдняка въ его мрачной лачугѣ? Грустно! Бѣдные порядочные люди!

Прощайте еще разъ. Не забывайте меня, мой незабвенный благодѣтель!

Изъ этого [illegible]странnаго и пестраго письма я вычиталъ во первыхъ, что художникъ мой, какъ и слѣдуетъ быть истинному ху-

дожнику, въ высокой степени благородный и кроткій человѣкъ. Простые люди не могутъ такъ искренно, такъ безкорыстно прилѣпляться къ такимъ горькимъ, всѣми покинутымъ бѣднякамъ, каковъ былъ покойникъ Демскій. Въ этой прекрасной, безкорыстной привязанности я ничего не вижу особеннаго, это обыкновенное слѣдствіе взаимнаго сочувствія всему великому и прекрасному въ наукѣ и въ человѣкѣ. По своей природѣ и по завѣщанію нашего божественнаго Учителя мы всѣ должны быть таковы. Но увы! весьма и весьма немногіе изъ насъ соблюли Его святую заповѣдь и сохранили свою божественную природу въ любви и цѣломудріи. Весьма немногіе! И потому-то намъ и кажется необыкновеннымъ чѣмъ-то человѣкъ, любящій безкорыстно, человѣкъ истинно благородный. Мы, какъ на комету, смотримъ на такого человѣка и, насмотрѣвшись до-сыта, боясь, чтобы наше грязное, себялюбивое существо не такъ рѣзко самимъ намъ бросалось въ глаза, начинаемъ и этого чистаго человѣка пачкать, сначала скрытой клеветой, потомъ явной, а когда и эта не взяла, обрекаемъ его на нищету и страданія. Это еще счастіе, если запремъ его въ домъ умалишенныхъ, а то-просто вѣшаемъ, какъ самаго гнуснаго злодѣя. Горькая, но увы, истина! Я однакожъ не кстати зарапорговался. Второе, что я вычиталъ изъ нескладнаго письма моего возлюбленнаго художника— это то, что онъ, сердечный, самъ того не замѣчая, влюбился по уши въ свою хорошенькую вертлявую ученицу. Это въ порядкѣ вещей, это хорошо, это даже необходимо, тѣмъ болѣе художнику, а иначе закоптится серце надъ академическими этюдами. Любовь есть животворящій огонь въ душѣ человѣка, и все, созданное человѣкомъ подъ вліяніемъ этого божественнаго чувства, отмѣчено печатью жизни и поэзіи. Все это прекрасно, но только вотъ что: эти, какъ называетъ ихъ Любельтъ, огненныя души удивительно какъ неразборчивы въ дѣлѣ любви. И часто случается, что истинному и самому восторженному поклоннику красоты выпадаетъ на долю такой нравственно-безобразный идолъ, что только дымъ кухонаго очага ему въ пору, а онъ, простота, куритъ предъ нимъ чистѣйшій фиміамъ. Очень и очень немногимъ этимъ огненнымъ душамъ сопутствовала гармонія. Отъ Сократа, Бергама и до нашихъ дней одна и та же безобразная нескладица въ обыденной жизни. И къ большему горю, эти огненныя души влюбляются со-

всѣмъ не по кавалерійски, а хуже всякаго самаго мизериаго пѣхотинца, т. е. на всю жизнь. Вотъ что для меня непонятно! И чего я боюсь въ моемъ художникѣ? Пожалуй и онъ закабалитъ, по примѣру всемірныхъ геніевъ, свою нѣжную воспріимчивую душу какому нибудь сатанѣ въ юпкѣ. И хорошо еще, если онъ подобно Сократу и Пуссену, шуточкой отдѣлается отъ домашней сатаны и пойдетъ своею дорогой, а въ противномъ случаѣ прощай наука и искусство, прощай поэзія и все очаровательное въ жизни, прощай на вѣки! Сосудъ разбитъ, драгоцѣнное муро пролито и съ грязью смѣшано, а лучезарный свѣтильникъ мирной артистической жизни погасъ отъ ядовитаго дыханія домашней мѣдяницы. О, если бы могли эти свѣточи міра обойтись безъ семейнаго счастья, какъ бы прекрасно было! Сколько великихъ произведеній не потонуло бы въ этомъ домашнемъ омутѣ и остались бы на землѣ въ назиданіе и наслажденіе человѣчеству. Но увы! и для генія вѣроятно, какъ и для нашего брата, домашній каминъ и семейный кружокъ необходимъ. Это вѣрно, потому что для души, чувствующей и любящей все возвышенно-прекрасное въ природѣ и въ искусствѣ, послѣ высокаго наслажденія этой обаятельной гармоніей необходимъ душевный отдыхъ; а сладкій этотъ успокоитель утомленнаго сердца можетъ существовать только въ кругу дѣтей и доброй любящей жены. Блаженъ, стократъ блаженъ тотъ человѣкъ и тотъ художникъ, чью такъ несправедливо называемую прозаическою жизнь осѣнила прекрасная муза гармоніи! Его блаженство, какъ Господнее, необъятно.

Въ наблюденіяхъ своихъ по дѣлу семейнаго счастья я вотъ что замѣтилъ. Замѣчаніе мое относится вообще къ людямъ, но особенно къ вдохновеннымъ поклонникамъ всего благого и прекраснаго въ природѣ; они то бѣдные и бываютъ тяжкою жертвою своего обожаемаго идола—красоты. И ихъ винить нельзя, потому что красота вообще, а красота женщины въ особенности дѣйствуетъ на нихъ всесокрушительно. Иначе и быть не можетъ, а это то и есть мутный всеотравляющій источникъ всего прекраснаго и великаго въ жизни.

Какъ такъ? закричатъ неистовые юноши: красавица, Богомъ созданная для того только, чтобъ услаждать нашу исполненную слезъ и треволненій жизнь! Правда, назначеніе ея отъ Бога такое,

да она то, или, лучше сказать, мы ухитрились измѣнить ея высокое божественное назначеніе и сдѣлали изъ нея бездушнаго, безжизненнаго идола. Въ ней одно чувство поглотило всѣ другія прекрасныя чувства: это эгоизмъ, порожденный сознаніемъ собственной всесокрушающей красоты. Мы еще въ дѣтствѣ дали ей почувствовать, что она будущая раздирательница и зажигательница сердецъ нашихъ. Правда, мы ей только намекнули; но она такъ это быстро смекнула, такъ глубоко поняла и почувствовала эту будущую силу, что съ того-же рокового дня сдѣлалась невинной кокеткой и домогильной поклонницей собственной красоты. Зеркало сдѣлалось единственнымъ спутникомъ ея жалкой одинокой жизни. Ее не можетъ перемѣнять никакое воспитаніе въ мірѣ. Такъ глубоко упало случайно брошенное нами зерно себялюбія и неизлечимаго кокетства.

Таковъ результатъ моихъ наблюденій надъ красавицами вообще, а надъ привилегированными красавицами въ особенности. Привиллегированная красавица ничѣмъ не можетъ быть, кромѣ красавицы: ни любящей кроткой женой, ни доброй нѣжной матерью, ни даже пламенной любовницей. Она деревянная красавица и ничего больше; и было-бы глупо съ нашей стороны и требовать чего нибудь больше отъ дерева.

Вотъ почему я и совѣтую любоваться этими прекрасными статуями издали, но никакъ съ ними не сближаться, а тѣмъ болѣе не жениться, въ особенности художникамъ и вообще людямъ, посвятившимъ себя наукѣ или искусству. Если необходима красавица художнику для его любимаго искусства, для этого есть натурщицы, танцовщицы и прочія мастерицы цеховыя, а въ домѣ ему, какъ и простому смертному, необходима добрая любящая женщина, но никакъ не привиллегированная красавица. Она, привиллегированная красавица, на одно только мгновеніе освѣтитъ яркими, ослѣпительными лучами радости мирную обитель любимца Божія, а потомъ, какъ отъ мелькнувшаго метеора, такъ отъ этой мгновенной радости и слѣда не останется. Красавицѣ, какъ истинной актрисѣ, необходима толпа поклонниковъ, истинныхъ или ложныхъ, для нея все равно, какъ для древняго идола; были-бы поклонники, а безъ нихъ она, какъ и древній кумиръ, прекрасная мраморная статуя и больше ничего.

Не всякое слово въ строку, говоритъ наша пословица; бываютъ-же исключенія и между красавицами: природа безконечно разнообразна. Я глубоко вѣрую въ это исключеніе, но вѣрю, какъ въ самое необыкновенное явленіе, потому-то я такъ остороженъ въ своемъ вѣрованіи, что, проживя уже между порядочными людьми слишкомъ полвѣка, такого чуднаго явленія еще ни разу не видѣлъ. А нельзя сказать, чтобы я принадлежалъ къ числу мизантроповъ или къ числу безпардонныхъ хулителей всего прекраснаго. Напротивъ, я самый неистовый поклонникъ прекраснаго, какъ въ самой природѣ, такъ и въ божественномъ искусствѣ.

Недавно со мною вотъ что случилось. Далеко, очень далеко отъ порядочнаго или цивилизованнаго общества, въ захолустьи, почти необитаемомъ, досталось мнѣ прозябать довольно не короткое время, и въ это самое захолустье залетѣла, только не случайно, свѣтская красавица; такою по крайней мѣрѣ она впослѣдствіи сама себя называла. Вотъ я знакомлюсь; а я, нужно вамъ замѣтить, на знакомства не очень тугъ. Знакомлюсь, наблюдаю новую знакомку-красавицу, и о чудо изъ чудесъ! Ни тѣни сходства съ прежде видѣнными мною красавицами. Не одичалъ ли я въ этой пустынѣ? думаю себѣ. Нѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина: и умная, и скромная, и даже начитанная, и, что называется, ни тѣни кокетства. Мнѣ совѣстно самому стало за свою наблюдательность, и я всякую недовѣрчивость въ сторону и дѣлаюсь не то, что поклонникомъ, это ремесло мнѣ не далось, а дѣлаюсь добрымъ, искреннимъ пріятелемъ. Не знаю, за что, но и я ей понравился, и мы сдѣлались почти друзьями. Я не навосхищаюсь моимъ открытіемъ, такъ даже, что въ старомъ сердцѣ пошевелилось нѣчто больше обыкновенной простой привязанности, и чуть чуть было не сыгралъ роль водевильнаго стараго дурака. Случай спасъ, и самый обыкновенный случай. Однажды по утру,—я былъ принятъ ими въ домѣ, какъ свой, такъ, что они меня часто на утренній чай приглашали,—такъ однажды по утру я замѣтилъ у нея надъ самымъ затылкомъ въ мелкія косички заплетенные волосы. Мнѣ это открытіе не понравилось. Я прежде думалъ, что у нея естественно завиваются волосы на затылкѣ, а это вотъ что! И это-то самое открытіе остановило меня въ признаніи въ любви. Я снова сталъ простымъ добрымъ пріятелемъ. Почти ежедневно разговаривая о

литературѣ, музыкѣ и прочихъ искусствахъ съ образованной женщиной, совѣстно же сплетничать. Въ этихъ разговорахъ я замѣтилъ, и то уже на другой годъ, что она весьма поверхностна и о прекрасномъ въ искусствѣ или въ природѣ говоритъ довольно равнодушно. Это немного поколебало мою вѣру. Далѣе, нѣтъ на свѣтѣ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ такой книги, которой бы она не читала, и ни одной не помнитъ. Я спросилъ причину. Она сослалась на какую-то женскую болѣзнь, которая отшибла у нея память еще въ дѣвицахъ. Я простодушно повѣрилъ. Только замѣчаю, какіе нибудь пошленькіе стишки, читанные ею еще въ дѣвицахъ, она и теперь читаетъ наизусть. Послѣ этого мнѣ стало совѣстно говорить съ ней о литературѣ, а послѣ этого вскорѣ я замѣтилъ, что у нихъ ни одной книжки въ домѣ, кромѣ памятной на текущій годъ. По вечерамъ зимою они играли въ карты, если собиралась партія; но это, думалъ я, изъ приличія, а того и не замѣчалъ, что она была ужасно не въ духѣ, ежели ей не удавалось составить партію: у ней сейчасъ же начинала страшно голова болѣть. Ежели партія собиралась у мужа, то она, какъ ни въ чемъ не бывало, садилась около стола и смотрѣла въ карты игроковъ, какъ бы въ свои собственныя, и это милое занятіе часто продолжалось уже далеко за полночь. Я, какъ только начиналась эта бездушная сцена, сей часъ же выходилъ на улицу. Отвратительно видѣть молодую, прекрасную женщину за такимъ безчувственнымъ занятіемъ. Я тогда совершенно разочаровался, и она казалась мнѣ просто полипомъ или вѣрнѣе, настоящей привилегированной красавицей.

И еслибы продлилось ея уединеніе еще годъ, другой, въ этомъ темномъ углу безъ кровожадныхъ обожателей, т. е. безъ львовъ и онагровъ, я увѣренъ, что она бы одурѣла или сдѣлалась бы настоящей идіоткой. Состоянія полуидіотки она уже достигла, а я то, я то простофиля! Вообразилъ себѣ, что вотъ наконецъ открылъ Эльдорадо, а это Эльдорадо просто деревяная кукла, на которую я впослѣдствіи не могъ смотрѣть безъ отвращенія.

Прочитывая эту грозную сентенцію красавицамъ, иной подумаетъ, что я второй Буонароти въ этомъ родѣ,—ничего не бывало! Такой же самый поклонникъ, какъ и любой изъ леопардовъ, и можетъ быть еще и неукротимѣе; а дѣло въ томъ, что люблю

открывать мои убѣжденія во всей ихъ наготѣ, не смотря на чинъ и званіе; притомъ же я это дѣлаю теперь собственно для друга моего, художника, а не съ намѣреніемъ печатать свое мнѣніе о красавицахъ. Боже меня сохрани отъ этой глупости! Да меня тогда сестра родная готова была бы повѣсить на первой осинѣ, какъ Іуду предателя..... Впрочемъ она не красавица: ее нечего опасаться.

Гдѣ же начало этого зла? А вотъ гдѣ начало: въ воспитаніи. Если нѣжныхъ родителей Богъ благословитъ красавицей дочкой, они сами начинаютъ ее портить, предпочитая ее другимъ дѣтямъ, а объ образованіи своей любимицы они вотъ что думаютъ и даже говорятъ: зачѣмъ напрасно убивать дитя надъ пустою книгою? Она и безъ книги и даже безъ приданаго сдѣлаетъ себѣ блестящую карьеру. И красавица дѣйствительно дѣлаетъ блестящую карьеру. Предсказаніе родителей сбылось, чего же больше? Это начало зла, а продолженіе,—я впрочемъ не увѣряю, а только предполагаю —продолженіе вотъ гдѣ.

Наше любезное славянское племя, хотя и причисляется къ семейству кавказскому, но наружностью своею немногимъ взяло передъ племенами финскимъ и монгольскимъ, слѣдовательно у насъ красавица явленіе весьма рѣдкое. И это рѣдкое явленіе, едва только изъ пеленокъ, мы начинаемъ его набивать своими нелѣпыми восторгами, себялюбіемъ и прочею дрянью и наконецъ дѣлаемъ изъ него деревянную куклу на шарнирахъ, на подобіе той, какую живописцы употребляютъ для драпировокъ.

Въ странахъ, которыя Богъ благословилъ породою прекрасныхъ женщинъ, тамъ онѣ должны быть обыкновенными женщинами, а обыкновенная женщина по моему есть самая лучшая женщина.

Къ чему-же это я развелъ такую длинную рацею о раздирательницахъ сердецъ человѣческихъ, въ томъ числѣ и моего? Кажется, въ назиданіе моему другу. Но я думаю, что это наставленіе будетъ для него совершенно лишнее, да и весталка его, сколько могъ я заключить изъ его описаній, едва-ли способна залѣзть поглубже въ сердце художника, который такъ прекрасно чувствуетъ и понимаетъ все возвышенно прекрасное въ природѣ, какъ мой пріятель. Это должна быть быстроглазая, курносенькая плутовка, въ

родѣ швеи или бойкой горничной, а подобные субъекты не рѣдкость, и онѣ совершенно безопасны.

А вотъ такіе субъекты, какъ ея шелковая тетушка, они тоже нерѣдки, но чрезвычайно опасны. Тетушка ея, хотя и сладко онъ ее описываетъ, напоминаетъ мнѣ гоголевскую сваху, которая на вопросъ искателя невѣсты: оженитъ ли она его? отвѣчаетъ: «охъ, голубчикъ! да такъ ловко, что и не услышишь». Пріятель мой, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ гоголевскимъ героемъ, и въ этомъ отношеніи я за него почти не опасаюсь. Огонь первой любви хотя и жарче, но за то и короче. Но опять, какъ подумаю, нельзя и не опасаться, потому что эти удивительные браки безъ «*услышанія*» очень часто случаются не только съ умными, но даже съ осторожными людьми, а въ другѣ моемъ я большой осторожности не предполагаю, это добродѣтель не художника. На всякій случай я написалъ ему письмо, разумѣется, не назидательное. Боже меня сохрани отъ этихъ назидательныхъ посланій! Я написалъ ему дружески, откровенно, чего я опасаюсь и чего онъ долженъ опасаться; указалъ ему безцеремонно на милую тетеньку, какъ на самую главную и самую опасную западню. На письмо мое я не получилъ однакожъ отвѣта, вѣроятно оно ему не понравилось. Худой знакъ, подумалъ я; а впрочемъ въ продолженіи лѣта онъ былъ занятъ программой, такъ не мудрено, что могъ забыть о моемъ письмѣ. Но прошло лѣто, прошелъ сентябрь и октябрь мѣсяцъ, пріятель мой ни слова. Читаю въ «Пчелѣ» разборъ выставки, бойко написанный, должно быть, Кукольникомъ. «Весталку» моего друга превозносятъ до небесъ, а о программѣ ни слова.

Что бы это значило? Неужели она ему не удалась? Я написалъ ему еще письмо, прося его объяснить мнѣ свое упорное молчаніе, причемъ о программѣ и вообще о его занятіяхъ не упоминалъ ни слова, зная изъ опыта, какъ непріятно отвѣчать на пріятельскій вопросъ: каково идетъ работа? когда работа идетъ скверно. Черезъ два мѣсяца получилъ я на письмо мое отвѣтъ; отвѣтъ лаконическій и крайне безтолковый. Онъ какъ-бы стыдился или боялся высказать мнѣ откровенно то, что его терзало, а его что-то ужасно терзало. Между прочимъ онъ въ письмѣ своемъ намекаетъ на какую-то неудачу (вѣроятно на программу, которая по его словамъ, чуть въ гробъ его не свела) и пишетъ, что если онъ существуетъ

на свѣтѣ, то существованіемъ своимъ обязанъ добрымъ своимъ сосѣдямъ, которые въ немъ приняли самое живое, самое искреннее участіе, что онъ теперь почти ничего не работаетъ, страдаетъ и душевно и физически и не знаетъ, чѣмъ все это кончится.

На все это я смотрѣлъ, разумѣется, какъ на преувеличеніе. Это обыкновенно въ молодыхъ воспріимчивыхъ натурахъ: они всегда дѣлаютъ изъ мухи слона. Мнѣ хотѣлось узнать что нибудь обстоятельнѣе о его положеніи; меня что-то безпокоило. Но какъ? отъ кого? Отъ самого его я толку не добьюсь. Я обратился къ Михайлову, прося его написать мнѣ все, что онъ знаетъ о моемъ другѣ. Обязательный Михайловъ не заставилъ долго ждать своего оригинальнаго и откровеннаго посланія. Вотъ что написалъ мнѣ онъ.

Другъ твой, братъ, дуракъ, да еще какой дуракъ! Отъ сотворенія міра не было еще такого необыкновеннаго дурака. Ему, видишь ли, не удалась программа, что же онъ сдѣлалъ съ отчаянія? Вотъ ужъ не отгадаешь: женился, ей Богу, женился! И знаешь на комъ? На своей весталкѣ, да еще на беременной. Вотъ потѣха: беременная весталка! И, какъ онъ самъ говоритъ, беременность именно и заставила его жениться. Но не думай, чтобы онъ самъ былъ причиною этого грѣха, ничего не бывало, это бестіл мичманъ напакостилъ; она сама созналась. Молодецъ мичманъ накуралесилъ да и уѣхалъ себѣ въ Николаевъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А твой-то великодушный дуракъ и бухъ, какъ куръ во щи. Куда, говоритъ, она теперь дѣнется? Кто ее пріютитъ теперь, бѣдную, когда родная тетка выгонлетъ изъ дому? Взялъ да и пріютилъ. Ну, скажи самъ, видалъ ли ты подобнаго дурака на бѣломъ свѣтѣ? Вѣрно и не слыхалъ даже. Правду сказать, безпримѣрное великодушіе, или вѣрнѣе безпримѣрная глупость. Это все еще ничего, а вотъ что до безконечности смѣшно: онъ написалъ съ нея свою весталку беременной, да какъ написалъ! просто прелесть! Такой наивно невинной прелести я еще не видывалъ ни на картинѣ, ни въ природѣ. На выставкѣ толпа отъ нея не отходила. Она сдѣлала въ публикѣ такой шумъ, какой, помнишь, когда-то сдѣлала дѣвушка съ тамбурикомъ Тыранова. Превосходная вещь! Самъ Карлъ Павловичъ передъ нею много разъ останавливался, а это что нибудь да значитъ. Ее купилъ какой-то богатый вельможа

и хорошо заплатилъ. Копіи и литографіи съ нея—во всѣхъ лавкахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Однимъ словомъ, успѣхъ полный, а онъ дуракъ женился. На дняхъ я заходилъ къ нему и нашелъ въ немъ какую-то непріятную перемѣну. Тетушка, кажется, его прибрала къ рукамъ. У Карла Палловича онъ никогда не бываетъ, вѣроятно, стыдится. Началъ онъ съ своей жены и не съ своего дитяти Мадонну съ предвѣчнымъ Младенцемъ и если онъ кончитъ такъ хорошо, какъ началъ, то это превзойдетъ «Весталку». Экспресія младенца и матери удивительно хороша. Какъ это ему не удалась программа, я удивляюсь! Не знаю, допустятъ ли его, какъ женатаго, на будущій годъ къ конкурсу; кажется, нѣтъ. Вотъ все, что могу тебѣ сообщить о твоемъ безтолковомъ другѣ. Карлъ Павловичъ нашъ не совсѣмъ здоровъ; весною думаетъ начать работать въ Исакіевскомъ соборѣ.

Твой Михайловъ.

Невыразимая грусть овладѣла мною по прочтеніи этого простого пріятельскаго письма. Блестящую будущность моего друга, моего любимца я видѣлъ уже оконченною, оконченною на самомъ разсвѣтѣ лучезарной славы, но помочь горю уже было невозможно. Какъ человѣкъ, онъ поступилъ неблагоразумно, но въ высокой степени благородно. Будь онъ простой живописецъ ремесленникъ, это событіе не имѣло бы на его занятія никакого вліянія, но на него, на художника, истинно пламеннаго, это можетъ имѣть самое гибельное вліяніе. Потерять надежду быть посланнымъ за границу на казенный счетъ, этого одного достаточно, чтобы уничтожить самую сильную энергію. На свой счетъ побывать за границей—объ этомъ ему теперь и думать нечего. Если усиленный трудъ и дастъ ему средства, то жена и дѣти отнимутъ у него эти бѣдныя средства прежде, нежели онъ подумаетъ о Римѣ и его безсмертныхъ чудесахъ. Итакъ,

Италія, счастливый край,
Куда въ волшебномъ упоеньи
Летитъ младое вдохновенье
Узрѣть мечтательный свой рай!....

этотъ счастливый, очаровательный край закрылся для моего друга навсегда. Развѣ какой нибудь необыкновенный случай рас-

кроетъ ему двери этого немечтательнаго рая; но эти случаи весьма и весьма даже рѣдки. У насъ перевелись тѣ истинные покровители, которые давали художнику деньги, чтобы онъ ѣхалъ за границу и учился. У насъ теперь если и рискнетъ какой нибудь богачъ на подобную роскошь, то изъ одного только дѣтскаго тщеславія; онъ беретъ художника съ собою вмѣстѣ за границу, платитъ ему жалованье, какъ наемному лакею и обращается съ нимъ, какъ съ лакеемъ: заставляетъ его рисовать отель, гдѣ онъ остановился, или морской берегъ, гдѣ жена его принимаетъ морскія ванны, и тому подобные весьма нехудожественные предметы, а простофили барабанятъ: вотъ истинный любитель и знатокъ изящнаго! художника съ собой возилъ за границу!—Бѣдный художникъ, что въ твоей кроткой душѣ совершается при этихъ неистовыхъ глупыхъ возгласахъ? Не завидую тебѣ, бѣдный поклонникъ прекраснаго въ природѣ и искусствѣ! Ты, какъ говорится, былъ въ Римѣ и папы не видалъ, а слава, что ты былъ за границей, тебѣ должна казаться жесточайшимъ упрекомъ. Нѣтъ, лучше съ котомкой идти за границу, нежели съ бариномъ ѣхать въ каретѣ, или вовсе отказаться видѣть «мечтательный свой рай», а пріютиться гдѣ нибудь въ уголку своего прозаическаго отечества и втихомолку поклоняться божественному кумиру Аполлона. Глупо, удивительно какъ глупо распорядился своею будущностью мой пріятель. Вотъ уже недѣли двѣ, какъ я ежедневно прочитываю откровенное письмо Михайлова и все-таки не могу убѣдиться въ истинѣ этой непростительной глупости. До того не вѣрится, что мнѣ приходитъ иногда мысль побывать самому въ Петербургѣ и собственными глазами увидѣть эту отвратительную истину. Если-бы это было каникулярное время, я и не задумался бы; но къ несчастію теперь учебные мѣсяцы, слѣдовательно отлучка если и возможна, то только двадцати-восьмидневная, а въ половину этихъ дней что я могу сдѣлать для него? Ровно ничего; увижу развѣ только то, чего бы не желалъ и во снѣ видѣть. Подумавши хорошенько и оправившись отъ перваго впечатлѣнія, я рѣшился ждать, что скажетъ старый Сатурнъ, а между тѣмъ завести постоянную переписку съ Михайловымъ. На его письма я потерялъ надежду, а надежда на письма Михайлова совершенно не сбылась. Расчитывая на Михайлова, я упустилъ изъ виду, что этотъ человѣка

менѣе всего способенъ къ постоянной перепискѣ, и если я получилъ отъ него отвѣтъ на мое письмо, и такъ скоро, какъ я не ожидалъ, то я долженъ былъ считать это осьмымъ чудомъ, и по одному письму никакъ не должно было расчитывать на постоянную переписку. Дѣлать нечего! Ошибся, да и кто же не ошибается? Сгоряча я написалъ ему нѣсколько писемъ и въ отвѣтъ не получилъ ни одного. Это меня не остановило, я еще, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чувствительнѣе. Въ отвѣтъ ни слова. Наконецъ я вышелъ изъ себя и написалъ ему грубое и самое недлинное письмо; это подѣйствовало на Михайлова, и онъ прислалъ мнѣ отвѣтъ такого содержанія.

Удивляюсь, какъ у тебя хватаетъ терпѣнія, времени и наконецъ бумаги на твои уморительныя, чтобы не сказать, глупыя письма. И о комъ ты пишешь? О дуракѣ. Стоитъ ли онъ того, чтобы о немъ думать, не только писать, да еще такія уморительныя письма, какъ ты пишешь. Плюнь ты на него, пропащій человѣкъ, ничего больше; а чтобы тебя утѣшить, то я вотъ что еще прибавлю: онъ вмѣстѣ съ женою и мамашею, какъ онъ ее величаетъ, началъ тянуть проволоку, т. е. принялся за сивуху. Сначала онъ повторялъ все свою «Весталку» и повторялъ до того, что и на толкучемъ перестали брать его копіи, потомъ принялся раскрашивать литографіи для магазиновъ, а теперь не знаю, что онъ дѣлаетъ, вѣроятно пишетъ портреты по цѣлковому съ рыла. Его никто не видитъ, забился гдѣ-то въ двадцатую линію. Въ угоду твою я пошелъ его отыскивать на прошлой недѣлѣ, насилу нашелъ его квартиру у самаго Смоленскаго кладбища. Самого его не засталъ дома; жена сказала, что на сеансъ ушелъ къ какому то чиновнику. Я полюбовался его неоконченной Мадонной, и знаешь ли, мнѣ какъ-то грустно стало: за что, подумаешь, пропалъ человѣкъ? Не дождавшись его самого, я ушелъ и съ хозяйкой не простился: она мнѣ показалась отвратительной.

Карлъ Павловичъ, не смотря на болѣзнь, началъ работать въ Исакіевскомъ соборѣ. Доктора совѣтуютъ ему оставить работу до будущаго года и уѣхать на лѣто за границу, но ему не хочется разставаться съ начатой работой. Что ты не пріѣдешь хоть на короткое время въ Питеръ, хоть только взглянуть на чудеса нашего чудотворца Карла Павловича, да и своимъ бы дуракомъ по-

любовался. Ты, кажется, тоже женился, только не признаешься. Не пиши ко мнѣ, отвѣчать не буду. Прощай! Твой Михайловъ.

Боже мой! Неужели одна единственная причина, эта несчастная женитьба, могла такъ внезапно, такъ быстро уничтожить геніальнаго юношу? Другой причины не было? Печальная женитьба!

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я каникулъ. Наконецъ экзамены кончились, я взялъ отпускъ и маршъ въ Петербургъ. Карла Павловича я уже не засталъ въ Петербургѣ. Онъ, по совѣту врачей, оставилъ работу и уѣхалъ на островъ Мадеру. Съ большимъ трудомъ нашелъ я Михайлова. Этотъ оригиналъ никогда не имѣлъ своей постоянной квартиры, а жилъ, какъ птица небесная. Я встрѣтилъ его на улицѣ объ руку съ удалымъ мичманомъ, теперь уже лейтенантомъ. Не знаю, какимъ родомъ онъ очутился снова въ Петербургѣ. Я не могъ смотрѣть на этого человѣка. Поздоровавшись съ нимъ, я отвелъ его въ сторону и началъ спрашивать адресъ моего пріятеля. Михайловъ сначала захохоталъ а потомъ, едва удерживая смѣхъ, обратился къ мичману и сказалъ:

— Знаешь ли, чью квартиру онъ спрашиваетъ? Своего любимца N. N.

И Михайловъ снова захохоталъ. Мичманъ ему вторилъ, но не искренно. Михайловъ бѣсилъ меня своимъ неумѣстнымъ смѣхомъ, наконецъ онъ опомнился и сказалъ мнѣ:

— Другъ твой живетъ теперь въ самой теплой квартирѣ, на седмой верстѣ. Его, видишь ли, не допустили къ конкурсу, такъ онъ, недолго думавши, спятилъ съ ума, да и маршъ въ теплое мѣсто. Не знаю, живъ ли онъ теперь.

Я не простясь съ Михайловымъ, взялъ извощика и отправился въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ. Меня къ больному не пустили, потому что онъ былъ въ припадкѣ бѣшенства. На другой день его увидѣлъ, и еслибъ не сказалъ мнѣ смотритель, что это такой художникъ, то я самъ-бы его никогда не узналъ: такъ страшно измѣнило его безуміе. Онъ меня, разумѣется, тоже не узналъ принялъ меня за какого-то римлянина съ рисунка Пинели, захохоталъ и отошелъ отъ рѣшотчатыхъ дверей. Боже мой, какое грустное явленіе—обезображенный безуміемъ человѣкъ! Я не могъ и нѣсколько минутъ пробыть зрителемъ этого печальнаго образа,

простился съ смотрителемъ и возвратился въ городъ; но несчастный другъ мой не давалъ мнѣ нигдѣ покоя, ни въ академіи, ни въ Эрмитажѣ, ни въ театрѣ, словомъ нигдѣ. Его страшный образъ вездѣ преслѣдовалъ меня и только ежедневное посѣщеніе больницы Всѣхъ Скорбящихъ мало по-малу уничтожило первое ужасное впечатлѣніе. Бѣшенство его съ каждымъ днемъ становилось слабѣе и слабѣе, за то и силы физическія быстро исчезали; наконецъ онъ не могъ уже подняться съ кровати, и я свободно могъ входить къ нему въ комнату. По временамъ онъ какъ будто приходилъ въ себя, но все еще меня ие узнавалъ. Однажды пріѣхалъ я по утру рано; утренніе часы были для него легче. Засталъ я его совершенно спокойнаго, но такъ слабаго, что онъ не могъ рукою пошевелить. Долго онъ смотрѣлъ на меня, какъ будто что-то припоминая. Послѣ долгаго задумчиваго, умнаго взгляда, онъ едва слышно произнесъ мое имя, и слезы ручьями хлынули изъ его просвѣтлѣвшихъ очей. Тихій плачъ перешелъ въ рыданіе, въ такое душу терзающее рыданіе, что я и не видалъ, и дай Господи не видать никогда такого страшно рыдающаго человѣка. Я хотѣлъ его оставить, но онъ знаками остановилъ меня. Я остался. Онъ протянулъ руку, я взялъ его за руку и сѣлъ около него. Рыданія мало по-малу утихли, катились одни крупныя слезы изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. Еще нѣсколько минутъ и онъ совершенно успокоился и задремалъ. Я потихоньку освободилъ свою руку и вышелъ изъ комнаты, въ полной надеждѣ на его выздоровленіе. На другой день, такъ-же рано по утру, пріѣзжаю я въ больницу и спрашиваю попавшагося мнѣ на встрѣчу сторожа: каковъ мой больной? И сторожъ мнѣ отвѣтилъ: «больной вашъ, ваше благородіе, уже въ покойницкой; вчера какъ уснулъ по утру, такъ и не проснулся».

Послѣ похоронъ я оставался нѣсколько дней въ Петербургѣ, самъ не знаю, для чего. Въ одинъ изъ этихъ дней встрѣтился мнѣ Михайловъ. Послѣ разсказа о томъ, какъ онъ провожалъ вчера мичмана въ Николаевъ и какъ они кутнули на средней руки, рѣчь зашла о покойникѣ, его вдовѣ и наконецъ о его неоконченной Мадоннѣ. Я просилъ Михайлова проводить меня на квартиру вдовы, на что онъ охотно согласился, потому что ему самому хотѣлось еще разъ посмотрѣть на неоконченную Мадонну. Въ квартирѣ покойника мы ничего не встрѣтили, что бы свидѣтельствовало

о пребываніи здѣсь когда-то художника, кромѣ палитры съ засохшими красками, которая теперь замѣняла разбитое стекло. Я спросилъ о Мадоннѣ. Хозяйка не поняла меня. Михайловъ растолковалъ ей, чтобы она показала намъ ту картину, которую когда-то смотрѣлъ онъ у нихъ. Она ввела насъ въ другую комнату, и мы увидѣли Мадонну, служившую заплатой старымъ ширмамъ. Я предложилъ хозяйкѣ десять рублей за картину, она охотно согласилась. Я свернулъ въ трубку свое драгоцѣнное пріобрѣтеніе, и мы оставили утѣшенную десятью рублями вдову.

На другой день я простился съ моими знакомыми и, кажется, навсегда оставилъ сѣверную Пальмиру. Незабвенный Карлъ Великій уже умиралъ въ Римѣ.

4 октября,
1856 г.

Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ.

I.

Крѣпостное право должно было оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ населеніи русскомъ, а съ другой стороны освобожденіе крестьянъ въ Россіи государственнымъ актомъ 1861 г. было однимъ изъ самыхъ важныхъ переворотовъ, какіе совершались въ исторіи этого населенія. Поэтому мы вправѣ были бы ожидать, что какъ крѣпостное право, такъ и отмѣна его должны были отразиться въ русской народной словесности многочисленными пѣснями. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Пѣсни о крѣпостномъ правѣ далеко не равномѣрно распространены среди трехъ русскихъ племенъ. Среди племени великорусскаго до сихъ поръ записано всего лишь нѣсколько пѣсенъ о крѣпостномъ правѣ [1]). Но изъ нихъ во многихъ варіантахъ записаны только двѣ, собственно не крестьянскія, а лакейскія: одна извѣстная пѣсня о холуѣ, который ночуетъ съ барской дочкой, а другая, которой варіанты перемѣшиваются съ пѣснями солдатскими; въ ней лакей разсказываетъ, какъ его «били кнутомъ», за то, что онъ «любилъ дѣвушекъ путемъ», а все таки замѣчаетъ, что

Хорошо лакеямъ жить
Во господскомъ во дому:
Лакей пашеньки не пашетъ,
Косы въ руки не беретъ и т. д. [2])

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 183—4; Русск. Филол. Вѣстникъ, 1879 г., т. II, стр. 155; Русск. Старина. 1876 г., февраль—мартъ, стр. 489—491, 667—672.

[2]) Шейнъ, Рус, нар. пѣсни, стр. 183—184; Русская Старина, 1876 г., мартъ; ср. козацкій варіантъ томской губ. въ Этногр. сборн., т. VI, стр. 113—114.

Напротивъ того у малоруссовъ обращается и до сихъ поръ довольно большое количество пѣсенъ о крѣпостномъ правѣ. Нѣкорыя изъ нихъ были напечатаны въ «Основѣ», въ «Кіевлянинѣ», въ «Трудахъ экспедиціи» Чубинскаго, въ собраніи галицкихъ пѣсенъ г. Головацкаго и буковинскихъ г. Купчанка (въ Запискахъ юго-зап. отд. рус. геогр. общества) и др. Но этимъ не исчерпываются, конечно, всѣ украинскія пѣсни о крѣпостномъ правѣ, которыя всѣ протестующаго характера. Не столько, но все же не мало подобныхъ пѣсенъ находится у бѣлоруссовъ. Судя по печатнымъ ихъ образцамъ, представленнымъ въ собраніяхъ гг. Носовича и Шейна, значительная часть ихъ заимствована у малороссовъ; но есть и вполнѣ оригинальныя, которыя говорятъ противъ распространеннаго мнѣнія о пассивности бѣлоруссовъ.

Что касается до пѣсенъ объ упраздненіи крѣпостнаго права, то до сихъ поръ не опубликовано ни одной подобной великорусской, ни бѣлорусской. Малорусскихъ же извѣстно нѣсколько, хотя только одну изъ нихъ слѣдуетъ признать вполнѣ народною, по ея распространенности. Происхожденіе этой пѣсни на столько кажется намъ интереснымъ и на столько неизвѣстно даже лицамъ спеціально занимающимся у насъ народной словесностію, не исключая даже и Н. И. Костомарова, который посвятилъ варіантамъ этой пѣсни нѣсколько страницъ въ своей монографіи «Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества» (Русская Мысль, 1880, кн. VII, 64—66), что мы считаемъ нужнымъ посвятить ей маленькое изслѣдованіе, основанное на нѣкоторыхъ рѣдкихъ печатныхъ, а также неизданныхъ рукописныхъ матеріалахъ.

Основу занимающей насъ пѣсни составляетъ образъ «зозули» (кукушки), которая возвѣщаетъ людямъ свободу, при чемъ въ эту канву вплетается то насмѣшка надъ панами, то благодарность царю за освобожденіе, то картины отмѣненнаго крѣпостнаго права и наступившей свободы труда, то наконецъ надежды на будущія льготы, въ родѣ отмѣны податей, то всѣ эти подробности вмѣстѣ. Варіанты пѣсни такого рода замѣчены были въ разныхъ мѣстахъ правобережной Малороссіи, въ волынской и подольской губерніи, и проникли въ мѣстную (кіевскую) печать уже съ конца 60-хъ

годовъ. Но еще раньше того варіанты этой пѣсни были напечатаны въ столичныхъ изданіяхъ, интересовавшихся малорусскою этнографіей: въ «Основѣ» 1862 г. (апрѣль и май) и въ «Чтеніяхъ въ моск. общ. исторіи и древностей россійскихъ», гдѣ былъ напечатанъ большой сборникъ г. Головацкаго «Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси», вышедшій и отдѣльнымъ изданіемъ, въ которомъ (т. III, 205—212) находимъ три варіанта названной пѣсни: два, помѣченные, какъ галицкіе и одинъ, какъ угорско-русскій.

Такимъ образомъ оказывается, что распространяющаяся теперь въ извѣстной части Россіи пѣсня объ освобожденіи крестьянъ—не мѣстнаго, россійскаго происхожденія, а заграничнаго, австрійскаго. Но этого мало. Пѣсня эта вовсе и не «народнаго», устнаго, происхожденія, какъ въ этомъ увѣряли нашу публику галицкіе писатели, первые сообщившіе въ Россію (въ «Основѣ», въ статьяхъ «Русины въ 1848 г.» и «Объ отношеніяхъ галицкихъ русиновъ къ сосѣдямъ», а также въ названномъ сборникѣ г. Головацкаго) варіанты этой пѣсни, а письменнаго и даже въ первоначальномъ своемъ видѣ не русскаго, а польскаго.

Благодаря любезности талантливаго галицкаго беллетриста г. Ив. Франка, мы имѣемъ въ рукахъ чрезвычайно рѣдкій листокъ, напечатанный въ 1848 г. въ Львовѣ, и въ немъ первый эмбріонъ занимающей насъ пѣсни. Составленъ онъ на малорусскомъ языкѣ, галицкой разновидности, а напечатанъ латинскими буквами, правописаніемъ близкимъ къ польскому. Воспроизводимъ этотъ листокъ съ дипломатическою точностію.

PISŃ RADOSTY.

Pryłytiła łastiwońka de naszoho seła,
Oy pryiszła nam nowynońka, dla wsih nas weseła.
Oy łetiła łastiwońka ta po nad rikoju,
Zmyłuwały sia laszeńke nad naczoj bidoju.
Zjichały sia ta di Lwowa, stały rozmowlaty:
Zanychajmo na pańszczynu chłopiw wyhaniaty.
Zanychajmo wyhaniaty, hodi toho bude,
Bo i chłop ny towaryna, bo i chłopy ludy.
Rada w radu, rada w radu, treba sia zhodyty,

Chłopy ludy, jak i druhi, z ludmy treba żyty.
Jeden, druhi, treti każe—i wsyi prystały,
Szczoby z chłopom w zhodi żyty, z chłopom sia bratały.
Napysały do Cisara, nechaj o tim znaje,
Czczo dla chłopiw Pan sia swojej pańszczyny zrikaje.
Pryłetiła łastiwońka ta do nas z wesnoju,
Oj pryjichaw Pan zi Lwowa do nas z nowynoju.
Oj pryjichaw, taj skazaw nam: pomahaj Bih ludy,
Jak buwało—tak buwało,—teper dobre bude,
Nema teper wże pańszczyny, nema hatamana,
Szczob chodyw koladuwaty po pid wikna z rana.
Nema chłopa, nema popa—łesze wsi jednaki,
Tak wsi choczem i tak wsiji żadajut Polaki.
Jak susidy, jak bratia tra sia myłuwaty,
Bo wsich jeden Oteć Pan Bich, jedna zemla maty:
Oj łytiła łastiwońka wid seła do seła,
Rozijszła sia nowynońka dla wsich nas weseła.
Oj łytiła łastiwońka po nad berehamy,
Naj Lachy budut zdorowi—trymajmo z Lachamy.
Pryłetiła czuża ptycia, siła z hołubamy,
Pozazdrostyw tiażkyj woroh zhodi meże namy.
Zjichaw z cyrkulu komisar—taj nam publikuje,
Szczo saw Cisar pańsku praciu dla chłopiw daruje.
Oy perestań komisaru teje hołosyty,
Bo my dawno wże ne chodym pańszczyny robyty.
Oj jest u nas prypowistka,—każdy Rusyn znaje:
«Ne pryrobyt, chto ne dbaje, ne dast, chto ne maje»
Oy jest u nas jeszcze druha—prosty, Pane Boże,
. . . . toj, kotroj daje bilsze, a nizely może.

A. L.

Na korzyść braci wracających z Kufszteinu, Sprilbergu z Zagranicy.

Drukiem Piotra Pillera.

Для того, чтобъ сдѣлать эту «Пѣснь радости» вполнѣ понятною читателямъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ, при какихъ условіяхъ состоялось въ Галиціи въ 1848 г. освобожденіе крестьянъ, или лучше сказать отмѣна панщины, такъ какъ собственно крѣпостное рабство было тамъ отмѣнено еще въ XVIII в. мѣрами Маріи Терезіи и Іосифа II.

Еще передъ 1848 г. и правительство, тогда вполнѣ нѣмецкое, и извѣстная часть помѣщиковъ, поляковъ, пришли къ убѣжденію въ необходимости покончить съ этимъ остаткомъ феодализма; но дѣло затягивалось, какъ вслѣдствіе консерватизма правительства Меттерниха и сословнаго своекорыстія массы помѣщиковъ, такъ и вслѣдствіе политическаго соперничества. Даже та часть польскаго общества, которая желала отмѣны панщины, хотѣла-бы вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ эта отмѣна послужила среди крестьянъ средствомъ къ агитаціи въ пользу возстановленія польскаго государства. Въ такомъ духѣ вела въ 40-е годы пропаганду демократическая польская партія среди крестьянъ, поляковъ и русиновъ, сочиняя при этомъ для послѣднихъ и пѣсни на ихъ языкѣ [1]). Но въ 1846 г. это польское національно-демократическое движеніе кончилось весьма трагически именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пропаганда и своего рода «хожденіе въ народъ» были найболѣе дѣятельны; тамъ, при первой попыткѣ польскихъ революціонеровъ болѣе или менѣе шляхетскаго происхожденія привлечь крестьянъ къ возстанію противъ «цесаря и нѣмцевъ», крестьяне, преимущественно поляки западной Галиціи, перебили инсургентовъ, а за тѣмъ и многихъ помѣщиковъ. Правительство однакожъ увидѣло необходимость сдѣлать что нибудь для крестьянъ, но ограничилось палліативами, въ родѣ отмѣны поставки «длинныхъ повозокъ» и «помощи» во время жатвы, т. е. добавочной къ тремъ днямъ панщины, дозволенія подавать жалобы

---

[1]) Болѣе другихъ замѣчательны такія малорусскія пѣсни, сложенныя Цѣнглевичемъ и напечатанныя въ Noworocznikie Demokratycznym, 1842 г., стр. 298—304 и въ львовской „Зорѣ“ 1884 г. № 5. Цѣнглевичъ „ходилъ въ народъ“ въ 1837 г., агитируя и противъ цезаря („що панъ не зидре, цесарь забере“,— говорится въ одной изъ его пѣсенъ). Пѣсенка его, которая оканчивается словами: „не поженешъ насъ въ рекруты, бо мы маемъ косы кути“, есть передѣлка извѣстной: „Ой, оравъ мужикъ край дороги“.

на помѣщиковъ прямо въ крейсамтъ [2]). Въ концѣ 1846 года изданъ былъ законъ, дозволявшій крестьянамъ замѣнять, по соглашенію съ помѣщиками, панщину деньгами, землей (земля крестьянская была отдѣлена отъ собственно помѣщичьей еще законами XVIII ст.) или инымъ способомъ. Конечно, никакихъ подобныхъ соглашеній не произошло и край былъ въ напряженномъ состояніи съ самаго 1846 г., какъ вдругъ въ мартѣ 1848 г. вспыхнула революція въ Вѣнѣ, и императоръ согласился созвать на іюль парламентъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ классовъ населенія имперіи. Одновременно произошли замѣшательства въ Венгріи. Всѣ эти событія не могли не отразиться и въ Галиціи. Въ краѣ появились польскіе эмигранты и политическіе арестанты, выпущенные изъ крѣпостей. Само собою разумѣется, что многіе изъ нихъ считали время благопріятнымъ для національнаго возстанія и предлагали начать его съ объявленія о прекращеніи панщины. Но въ тоже время среди крестьянъ появились явные признаки желанія повторить сцены 1846 года, такъ что помѣщики спѣшили оставить деревни и перебраться въ города. Панщина стала фактически прекращаться и на очереди сталъ вопросъ, кто и на какихъ условіяхъ прекратитъ ее легально. 19 марта явились къ намѣстнику во Львовѣ, гр. Стадіону, депутаты отъ либеральной группы дворянъ и горожанъ съ прошеніемъ о томъ, чтобъ было дозволено учрежденіе національной гвардіи, которая, какъ сказалъ одинъ изъ депутатовъ, нужна противъ «бунтовски-настроенныхъ крестьянъ» и противъ «врага Польши, московскаго царя», а также и о томъ, чтобъ отмѣнена была панщина и замѣнена оброкомъ. Въ то же время во Львовѣ составилось польское политическое общество «Рада Народова», которое стало обсуждать, какъ вопросъ національный, такъ и вопросъ о панщинѣ. Краковскіе демократы предлагали подарить крестьянамъ панщину, но большая часть помѣщиковъ не согласилась на это и даже болѣе благожелательные для крестьянъ паны боялись,

---

[1]) Въ это время, вѣроятно, сочинена была какимъ либо полякомъ-демократомъ чрезвычайно рѣзкая малорусская пѣсня: „Крейсамтъ съ панамя тримае, за нашу биду не знае“...., призывающая „хлопцивъ до сокиры“ (Пѣсни буковинскаго народу, въ II т. Запис. юго-зап. отд. рус. геогр. общ., стр. 556—557). Пѣсня эта и теперь распѣвается мѣстами въ Галиціи и Буковинѣ, преимущественно грамотными.

что крестьяне имъ не повѣрятъ, а захотятъ, чтобъ отмѣна панщины была подтверждена императорскимъ закономъ, а тогда, говорили они, вся благодарность крестьянъ обратится на императора, а не на Польшу. Но надо же было на что нибудь рѣшиться. Конечно, откровенное рѣшеніе въ духѣ предложеній краковскихъ депутатовъ было бы всего достойнѣе и даже выгоднѣе для пановъ-патріотовъ, но только 70—30 помѣщиковъ рѣшилось на это, да и тѣ, какъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ гр. Стадіонъ, бывшій тогда намѣстникомъ Галиціи, были большею частію помѣщики задолжавшіеся, которыхъ имѣнія уже не давали доходу. Эта ничтожная цифра всего лучше показываетъ тщету увѣреній польскихъ помѣщиковъ въ томъ, что иниціатива отмѣны панщины въ Галиціи принадлежитъ имъ и что они предполагали провести эту мѣру на болѣе выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ, чѣмъ это сдѣлало правительство, вырвавши будто-бы это доброе дѣло изъ рукъ поляковъ-помѣщиковъ. Даже послѣ, когда уже была объявлена отмѣна панщины, депутаты-поляки въ вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., не исключая и демократовъ, подали голоса, кромѣ одного, за выкупъ панщины. Въ критическую же минуту всѣ ихъ благожеланія ограничились вышесказаннымъ, да обращеніемъ комитета галицкаго сейма къ намѣстнику 6-го апрѣля съ требованіемъ, чтобъ дозволено было ему, комитету, объявить отмѣну панщины съ тѣмъ, чтобы сеймъ послѣ постановилъ условія этой отмѣны.

Между тѣмъ панщина фактически прекратилась и крестьяне стали составлять противъ панскихъ вооруженныхъ обществъ свои сельскія стражи, а въ тарновскомъ округѣ (въ польской части Галиціи), бывшемъ въ 1846 г. театромъ особенно жестокой рѣзни пановъ, дошло опять до столкновеній: крестьяне обезоруживали и арестовывали пановъ. Паны тарновскіе послали къ императору петицію объ упраздненіи панщины и вмѣстѣ объ обезпеченіи спокойствія въ краѣ, т. е. объ усмиреніи крестьянъ. Вотъ въ такое-то время гр. Стадіонъ посовѣтовалъ императорскому правительству объявить отъ себя отмѣну панщины. 17 апрѣля 1848 г. появился министерскій указъ о томъ, что съ $^{3}/_{15}$ мая панщины въ Галиціи не будетъ; объ условіяхъ же выкупа панщины, усадебъ и полей постановитъ-де имперскій парламентъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Стадіонъ посовѣтовалъ правительству опереться противъ польскаго

сепаратизма на національныя стремленія русиновъ, которыя ие задолго предъ тѣмъ стали проявляться съ извѣстною энергіею: 19 апрѣля гр. Стадіонъ послалъ императору заявленіе съѣзда русинскихъ нотаблей, большею частію священниковъ, составившихъ общество «Руска Рада», о томъ, что «русины (по нѣмецки die Ruthenen)—особенная нація, отдѣльная какъ отъ русскихъ (die Russen), такъ и отъ поляковъ, и составляютъ часть націи малорусской (die Kleinrussen), вполнѣ преданную Австріи[1]).

Такимъ образомъ австрійское правительство взяло въ свои руки крестьянское дѣло во всей Галиціи и національное движеніе русиновъ въ восточной ея части и направило то и другое противъ тогдашнихъ польскихъ стремленій. Польскимъ патріотамъ, даже демократамъ, осталось только кое-какъ защищать свои позиціи, покамѣстъ болѣе теоретически. Однимъ изъ проявленій этой защиты была *Pisń radosti*, которую мы воспроизвели выше и которая представляетъ крестьянамъ-малороссамъ отмѣну панщины дѣломъ «ляшенькивъ» и подсказываетъ этимъ крестьянамъ братство съ ляхами противъ «чужой птицы, тяжкаго ворога, цесарского комиссара», который-де даритъ то, чего самъ не имѣетъ[2])

Разумѣется, подобныя обращенія, довольно запоздалыя, не могли имѣть практическаго значенія: крестьяне, а тѣмъ болѣе духовенство галицко-русское, остались на сторонѣ цесаря и его комиссаровъ. Но тѣмъ не менѣе въ литературномъ отношеніи эта *Pisń radosti* не пропала даромъ, а послужила точкою отправленія для сложенія въ лагерѣ русиновъ пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины и при томъ пѣсень противныхъ панамъ, а въ дальнѣйшихъ редакціяхъ и вообще «ляхамъ».

---

[1]) Подробности объ этомъ всемъ см. въ интересной книжкѣ „Polnische Rewolutionen-Erinerungen aus Galicien. Prag. 1863., а также у Springer, Die neueste Geschichte Oesterreichs. II, въ Augsburger Allgem. Zeitung 1848; Beilage, № 166 (Записки гр. Стадіона) и 246 (заявленіе Руской Рады) въ „Основѣ“ 1862 г., IV (Русины въ 1848 г.) и въ „Зорѣ“ 1880 г. (Русины въ 1848 г.).

[2]) Пѣсня эта не была въ своемъ родѣ единственною. Г. Франко приводитъ въ „Зорѣ“ 1886 г. (стр. 272) еще одну—противъ „нѣмцевъ“ и Стадника (Стадіона) и обѣщаетъ сдѣлать спеціальный обзоръ этого сорта литературы 184—49 гг.

Судя по содержанію, *Pisń radosti* появилась около 3 мая 1848 г. А уже черезъ два мѣсяца, въ 8 № (4 іюля) «Зори Галицкой», перваго органа галицко-русскаго возрожденія, появилось слѣдующее:

«Красненькій то и серце каждого русина радостно наповняющій появъ часу и сильный доводъ[1]), якъ высоко взнѣсъ ся вже духъ народности русскои, коли недавно тому мало кто зъ мужѣвъ рускихъ писавъ по руски; а теперь и невѣсты, котри перше може и слова руского не написали, письменностевъ руссковъ щире ся займаютъ и по руски пишутъ, а не ось то якû будь бакалюки, якъ то кажуть нѣ въ пять, ни въ десять, але можемъ сказати, краснû якъ на початокъ поэтицкіи утворы. Отъ одна вже поважненька руска невѣста ôдъ часу, якъ ся левъ рускій пробудивъ, займае ся поезіевъ русковъ, и то оточена своими внуками, при занятію господарскôмъ, и написала вже зъ десять ковалкôвъ въ дусѣ народнôмъ; пробивае ся въ нихъ чувство утиску и недолѣ народу нашого. Умѣщаемо на той разъ въ Зори два наступающіи кавалки.

1. Прилетѣла зозуленька, тай стала ковати,
Ой щось я вамъ, добрû люде, маю повѣдати:
Якъ вже гаѣ зеленили, я до васъ вертала,
Сѣла-мъ собѣ въ темнôмъ лѣсѣ, трохи-мъ спочивала;
Ажъ ту разомъ щось збуднѣло, я ся споглянула—
Якемь диво обачила, ажемь ся забула.
А то паньщину свобода передъ собовь гнала,
Загнала ю въ лѣсы, дебри, щобы тамъ пропала...
А за нею женутъ паны, взяли ю просити:
Вертай, вертай назадъ до насъ; нема зъ ôдки жити.
Паньщина имъ заповѣла: що жъ я тому винна?
Самûсьте мя ôдправили, я вамъ була вѣрна.
Не въ той способъ мы съ тобою хтѣли ся розстати,
Мы судили, що тя колись зновъ будемъ витати.

---

[1]) Считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что названный галицкій журналъ, какъ большая часть писателей въ Галиціи, употреблялъ правописаніе такъ называемое этимологическое, т. е. приближенное къ церковно-славянскому, со значками для оттѣнковъ фонетическихъ ѣ=і, ô=і, ôд=від, ê=і, и=ы (хотя не всегда), а потому острое и (і) отмѣчается û.

Мы не вмѣемъ молотити, наши жѣнки жати,
Мы не знали, що такъ тяжко на хлѣбъ працювати;
До кавярнѣ нема зъ чимъ йти тай чортика грати—
Бо въ кешени всюда пусто, ôдкижъ чого взяти?
Зъ арендаря вже не можна бôльше вытягати,
Бо вже на боргъ хлопъ не хоче горѣлочки брати.

---

2. Ой ты Зоре Галицкая, якажесь намъ ясна:
Такъ есь красно засвѣтила, ажъ паньщина згасла.
Хоть такъ ясно засвѣтилась, не всѣ видятъ люди,
Ой суть такî межи нами, що маютъ полуды.
Ой ты, Зоре Галицкая, не свѣти нѣкому,
Тôлько нашôй руской справѣ, якъ пôйде до трону.
П....а зъ К....

Берѣть прикладъ, красніи дѣвицѣ! Читайте и пишѣть и вы по рускî; вашî думки и пѣсеньки обôйме чувство пріязни и любви; але завше най будутъ въ дусѣ рускôмъ».

Что первая пѣсня есть только передѣлка, конечно направленная противъ пановъ, вышеприведенной «Пѣсни радости», это, кажется, ясно изъ простаго сопоставленія. Что же касается второй, то это тоже передѣлка, но только уже народной пѣсни любовной.

Ой мисяцю, мисяченьку не свîты никому,
Тилькы мому мыленькому, якъ иде до дому и т. д.

Одинъ взглядъ на эту передѣлку, на ея партіонныя преокупаціи, выраженныя въ 3—4 стихахъ, намекающихъ на польско-русинское общество «Рускій Соборъ», которое поляки хотѣли противупоставить чисто русинской руской радѣ, предводители которой издавали «Зорю Галицкую», на ея послѣдніе стихи, намекающіе на представленіе меморандума центральному правительству, отнимаетъ всякую возможность предположенія простонародности автора этой передѣлки. Конечно, этимъ авторомъ не была ни какая «невѣста», но кто либо изъ близкихъ редакціи «Зори» лицъ.

Спустя немного «зозуленька» пущена была опять въ ходъ по новому поводу: по случаю агитаціи въ пользу обществъ трезвости.

Въ той же «Зорѣ Галицкой» 1849 г., № 25 (16—28 марта) появилось стихотвореніе «Горѣлочка», въ началѣ котораго стоитъ:

Прилетѣла зозуленька, тай стала кувати,
Ой! часъ люде горѣвчище пити перестати;
Най ю вже пьютъ бѣси въ пеклѣ, турки та татары (!!),
Най ю пôрвутъ лыхи вѣтры, пôбьютъ чорни хмары;
Поки люди горѣвчище любили та й пили,
Арендарѣ повбирани, якъ паны ходили.
Будуть они по улицяхъ теперь дранъемъ трясти,
Якъ не схотятъ молотити, а жôнки ихъ прясти.

Дальше слѣдуетъ описаніе гнусности пьянства, а въ концѣ уже не зозуленька, а рыбка излагаетъ дѣвчатамъ прелести трезвости:

Придивѣть-ся дѣвчатоньки, якъ я красно скачу,
Якъ весело си гуляю, хоть корчмы не бачу!

Впрочемъ, такъ какъ это новое стихотвореніе не имѣетъ, кромѣ какъ своимъ началомъ, ближайшаго отношенія къ нашему предмету, то мы и не будемъ далѣе на немъ останавливаться. Для насъ интересно теперь только начало послѣдняго стихотворенія, показывающее, какъ понравился галицко-русскимъ патріотамъ 1848—89 гг. пріемъ польскаго автора *Pisni radosti*—заставить птицу возвѣщать извѣстныя политическія мѣры и идеи галицкимъ крестьянамъ.

Мы привели пѣсенку о зозуленькѣ, возвѣщающей свободу, въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ австро-русскихъ областяхъ духовными руководителями тамошняго населенія. Въ статьѣ «Русины въ 1848 году» (Основа 1862 г., стр. 6—7) сообщенъ галицкій варіантъ этой пѣсни, лишь нѣсколькими выраженіями отличающійся отъ напечатаннаго въ «Зорѣ Галицкой», а въ сборникѣ пѣсенъ г. Головацкаго (III, 211) напечатанъ варіантъ «изъ Угорской Руси», отличающійся слегка діалектически, да выпускомъ въ серединѣ одного стишка, вмѣсто котораго прибавлено въ концѣ отъ имени панозъ:

Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ намъ вже жити,
Пришлось пропадати.

Въ упомянутой статьѣ «Основы» пѣсня о зозуленькѣ названа стихотвореніемъ, но нѣсколько выше «другое стихотвореніе»—обращеніе къ «Зорѣ Галицкой» представлено какъ привѣтствіе «народное». Характеръ, мало критическій, сборника г. Головацкаго не позволяетъ съ увѣренностію сказать, былъ-ли представляемый въ этомъ сборникѣ варіантъ, какъ и варіантъ статьи «Русины въ 1848 году», записанъ «изъ народныхъ устъ», каково бы ни было его первоначальное происхожденіе, или-же взятъ съ какой нибудь рукописи, или печатнаго популярнаго листка. Тоже самое надо сказать и о третьемъ варіантѣ, напечатанномъ у г. Головацкаго же въ томъ же томѣ, на стр. 205—210 (№ 75). Варіантъ этотъ, подъ которымъ не помѣчено мѣста, гдѣ онъ записанъ, сливаетъ два «кавалки»,—«невѣсты» II—а зъ К. о панщинѣ и о «Зорѣ Галицкой», въ одну «Пѣсню о панщинѣ», а въ серединѣ между ними, а равно и между куплетами перваго «кавалка» даетъ новые куплеты, и, что всего интереснѣе, между ними находимъ куплетъ изъ *Pisni radosti* цѣликомъ, а другіе въ явной антитезѣ слогамъ этой послѣдней.

Такъ непосредственно послѣ словъ пановъ къ панщинѣ о томъ, что они надѣялись (въ данномъ варіантѣ: «мы казали»), «що ще будемъ съ тобовъ ся витати», стоитъ куплетъ изъ Pisni radosti.

А вже нема того пана,
А ни ватамана,
Жебы ходивъ, колядовавъ
По-пидъ викна зъ рана.

Это воспоминаніе о представителѣ стараго порядка даетъ поводъ къ дальнѣйшимъ куплетамъ, въ которыхъ рисуется, какъ прошлое, такъ и теперешнее положеніе пановъ. Мы приведемъ эти куплеты, дополняющіе варіантъ «Зори», между прочимъ потому, что они поясняютъ мѣста въ варіантахъ, записанныхъ въ Россіи, часто искаженныя и не совсѣмъ понятныя.

Окомонивъ, ватаманивъ,
Уже скасовали,
Що на панщину гонили,
Викна выбивали.

Перше були штыри паны,
А два ватаманы,
Восимнадцать полёвыхъ,
А единъ пидданый!
Выйшла стара пани
На затыльни двери:
«Повернися, панщинонько,
До насъ до вечери!
Ой вернися, панщинонько,
Вернися, вернися,
Хоць на рочокъ, або на два,
Та у насъ наймися!»
Панщина имъ видповила:
«Я за васъ не дбаю,
То-то мь ся въ васъ доробила,
Що нѝчо не маю».
Ой пишовъ панъ молотити,
Пани пидмитати:
«Десь нашои панщиноньки
Теперь не видати!»

Дальше идутъ три куплета, опять сходные съ первымъ «кавалкомъ» «Зори Галицкой», а за тѣмъ являются на сцену комиссары, только совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ въ Pisni radosti:

Наихали комысари,
Стали голосити:
«О часъ бы вамъ, бидни хлопы,
Панщинъ не робити!»
Отъиздили комысари
Тай наказували,
Жебы хлопы предъ панами
Шапокъ не здіймали.
Хлопы йдуть, люльки курятъ,
Паны сидять, та й ся журятъ:
«Де бъ намъ гроши заробити,
И тымъ хлопамъ заплатити;

И табаки понюхати,
Жебы пана послухати,
И горивки оковити,
Щобъ на пана ще робити.

Дальше варіантъ возвращается опять къ «зозуленькѣ», а за тѣмъ вводитъ на сцену и другихъ птицъ, въ томъ числѣ и «ластивочку» и голубей польскаго первообраза:

Вылетѣла зозуленька,
Сѣла зъ голубами:
«Ой часъ бо вамъ, паны,
Приставати съ нами!»
Сѣла соби надъ водою
Сыва посмитюха,
Та й спивала панщиноньки,
А той ляшокъ слуха:
«Ой жебы намъ, пане брате,
Посмитюху вбити,
Щобъ не вчила та пташина
Зъ бидныхъ ляшкивъ кпити (насмѣхаться)!
Ой летѣла та сорока,
Та й стала, скрегоче:
«Чогось бо намъ вже панщины
Робитись не хоче!»
Вылетѣла ластивочка,
Уже снигу мало:
«Въ сами свята Великодни
Панщины не стало».

Послѣ этого слѣдуютъ куплеты второго «кавалка» «Зори Галицкой»-

Въ составленіи этого варіанта очевидно непосредственное вліяніе *Pisni radosti*. Является только вопросъ: встрѣтилась ли уже среди «народа» эта *pisnia* съ своимъ подражаніемъ, выпущеннымъ изъ «Зори Галицкой», или же это слитіе двухъ пѣсней сдѣлано было просто у письменнаго стола какого нибудь галицко-русскаго патріота? Окончательно рѣшить этотъ вопросъ могло бы только откровенное признаніе кого нибудь изъ близкихъ къ тогдаш-

нимъ галицкимъ литературнымъ дѣламъ лицъ. Но мы бы подали голосъ скорѣе за второе, чѣмъ за первое предположеніе, уже въ виду растянутости послѣдняго варіанта и искуственности расположенія его частей.

Какъ бы то ни было, но какъ «кавалки» «Зори Галицкой», такъ и ихъ обработка, напечатанная въ сборникѣ г. Головацкаго подъ именемъ «Пѣсни о панщинѣ», были внесены въ народъ и стали тамъ распространяться посредствомъ устной передачи, такъ что теперь уже можно найти почти всѣ ихъ составныя части въ разныхъ комбинаціяхъ и редакціяхъ среди несомнѣнно устной народной словесности. Такъ несомнѣнно устнаго характера варіантъ № 76 упомянутаго отдѣла въ сборникѣ г. Головацкаго, помѣченный: «Изъ Жолковскаго уѣзда». Онъ почти во всемъ подобенъ первому «кавалку» «Зори Галицкой», кромѣ нѣкоторыхъ діалектическихъ отмѣнъ; только слово «паны» замѣнено словомъ «ляхи», да отброшены четыре стиха въ концѣ. Въ такомъ же родѣ рукописный варіантъ, доставленный изъ «Угорской Руси» г. Симеономъ Ревтіемъ, интересный, какъ образчикъ усвоенія русинами закарпатскими пѣсни, которая распространялась среди галичанъ, жившихъ хотя при сходныхъ въ основѣ, но все таки отличныхъ въ подробностяхъ, условіяхъ. Въ видахъ сбереженія мѣста, мы приведемъ здѣсь только конецъ его: заключеніе ламентацій пановъ и обращеніе къ «Зорѣ Галицкой».

— «Въ кафегаусъ не пойдеме,
Ни до корчмы пити,
Въ кешеняхъ всягды пусто,
Вутки (звидки, откуда) то-то взяти?»
Ой, Зоре Галицкая,
Зазори намъ ясно,
Чтобы долго можно жити
Тихо, чесно, красно.

Послѣдній куплетъ показываетъ, что за Карпаты пѣсня дошла въ редакціи, имѣющей связь съ тою, которая слила два «кавалки» «Зори Галицкой», только эта редакція не могла удержаться въ Венгріи въ той удлиненной формѣ, въ какой ее поддерживало

въ населеніи Галиціи постоянное вліяніе на массу крестьянъ грамотныхъ ихъ руководителей.

Изъ Галиціи мы имѣемъ нѣсколько неизданныхъ варіантовъ, несомнѣнно записанныхъ «изъ народныхъ устъ» чрезвычайно точными собирателями. Первый варіантъ пошелъ очевидно отъ сводной редакціи, что у г. Головацкаго (№ 75), хотя опять очень укороченный:

Ой летила зизуля по надъ наши села[1]),
Принесла намъ новиноньку для насъ всихъ веселу:
Прыихали комысари, взяли голосити:
—«Не будете, добри люде, панщины робити».
Ой летила ластивонька, куда снигивъ мало,
Въ сами свята великодни панщины не стало.
Приихали комысари и наказували,
Жебы хлопы предъ панами шапокъ не здоймали.
—Ты не вміешъ косити, я не вмію прясти,
Ой пидемо, бидни люде, слúпú диды водити.
А выйшла стара пани на затыльни двери:
—Ой вернися, панщиноньку, хоцынь до вечери.
—Не вернуся, не вернуся, я ти була вирна,
Ой ты мене видправила, я тому не винна.

Въ слѣдующемъ варіантѣ, записанномъ г. М. Бучинскимъ въ с. Гринивцы, въ Подгорьи, аллегорическая зозуленька уже почти совсѣмъ атрофировалась и посвященные ей куплеты замѣнились картинами отмѣненнаго рабства и выраженіями благодарности и радости по поводу освобожденія:

Вылетила зозулечка зъ зеленого гаю,
Та втикала панщиночка изъ нашого краю.
Еи паны атаманы хогили зловити.
—«Та вернися, панщиночко, съ чого будемъ жити?»
Будуть паны та косити, а паньи вязати,
Будуть знати вражи ляхи людей шановати.
Видъ полудня до полудня людей збиткувати.

---

[1]) Ради читателей въ Россіи мы сглаживаемъ тонкости горской, гуцульской, фонетики въ нашей транскрипціи этого и слѣдующаго варіантовъ.

Просить Бога, молодыци, тай коло крыныци,
Що вамъ цисаръ подарувавъ тяжки роботныци.
Просить Бога, молодыци, та коло фигуры[1]),
Що вамъ цисаръ подарувавъ покладки (яйца) тай куры.
Якъ не видко умерлого, по свѝти не ходитъ,
Такъ не видко панщиночки, нихто ій не робыть.
Якъ не видко умерлого та й коло цвынтаря,
Такъ не видко панщиночки въ нашого цисаря.

Между новыми подробностями, какія появляются въ этомъ варіантѣ, интересна молитва за «цесаря» съ ея мотивами. Эту молитву мы встрѣтимъ далѣе въ россійскихъ варіантахъ, а потому тѣмъ болѣе должны остановиться на ея развитіи въ варіантахъ австрійскихъ, откуда она пошла въ Россію. Эта молитва прицѣпилась въ пѣсни о зозуленькѣ и панщинѣ изъ особой пѣсни о венгерскомъ возстаніи, которое совпало хронологически съ уничтоженіемъ панщины. Уже этого послѣдняго обстоятельства было достаточно для того, чтобъ въ умахъ крестьянъ, мало знакомыхъ съ мотивами политическихъ событій, оба явленія приведены были въ причинную связь между собою. Венгры—враги цесаря, отмѣнившаго панщину, явились сторонниками панщины. Къ тому же на сторонѣ венгровъ стали поляки, синонимъ «пановъ» для галицкихъ крестьянъ. Венгры, ляхи и паны слились въ одно въ умахъ этихъ послѣднихъ, особенно въ то время, когда сформировался при венгерской арміи польскій легіонъ и когда правительство цесаря приняло мѣры къ развитію крестьянской сторожи, уже и прежде, съ самаго начала смутъ 1848 г. сложившейся почти самостоятельно. Теперь этой сторожѣ поручена была спеціально охрана карпатскихъ проходовъ отъ польскаго легіона въ Венгріи. Само собою разумѣется, что роялистическая агитація, къ которой пристали

---

[1]) „Фигурами“ называютъ въ Галиціи, какъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи, большіе кресты съ скульптурнымъ распятіемъ и относящимися къ нему эмблеммами. Такія „фигуры“ ставили крестьяне во многихъ мѣстахъ въ память освобожденія, при чемъ аллегорически погребали подъ ними панщину, на что намекаютъ и пѣсни. Иногда погребаемая панщина изображалась бутылкою водки, которая закапывалась въ землю въ знакъ того, что отнынѣ крестьяне уже не будутъ обязаны брать извѣстное количество водки изъ панскаго шинка.

принципіально священники, тогдашніе политическіе вожди галицкихъ русиновъ, поддерживала своеобразное отношеніе галицкихъ крестьянъ къ венгерско-польскому движенію, чѣмъ и объясняется особенно ревностный цезаризмъ этихъ крестьянъ не только противъ венгровъ, но даже и противъ итальянцевъ, которые въ то же время возставали, какъ извѣстно, въ Ломбардіи и Венеціи противъ цесаря. Такое настроеніе галицкихъ крестьянъ отразилось и въ народной словесности австрійскихъ малороссовъ довольно большимъ количествомъ пѣсенъ о тогдашнихъ военныхъ событіяхъ, которое представляетъ контрастъ весьма равнодушному отношенію къ военно-политическимъ событіямъ XIX в. малороссійской народной словесности, такъ чуткой къ нимъ въ XVII и даже XVIII вв.

Уже въ собраніи г. Головацкаго есть нѣсколько австро-малорусскихъ пѣсенъ о венгерскомъ движеніи 1848—49 гг., и, что замѣчательно, пѣсенъ этихъ гораздо больше галицкихъ, чѣмъ собственно венгерскихъ, по причинамъ, указаннымъ выше. Между этими мы остановимся на одной, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашему предмету. Вотъ начало ея:

А Господи милосердный,
Якъ мы бидували,
А поки мы та панщину
Тяжко видбували.
Славу Богу, же намъ гараздъ
Теперь, се-си лита,
А же бы нашъ цисарь здоровъ
Та й живъ многи лита.
Бога просимъ за Тисаря
Шо часъ, шо годины,
Намъ панщину подаровавъ,
А быхъ не робили;
Бога просимъ за Тисаря
Сараки-руснаки,
На Тисаря нагнивався
Венгеръ та Поляки и т. д.[1]).

(Нар. Пѣсни Гал. Угор. Руси, т. II, стр. 460—461).

[1]) Далѣе идетъ дѣло о волненіяхъ среди поляковъ до самой Варшавы, о приходѣ въ Австрію „москаля вороными киньми“ и о побѣгѣ „венгра“ [illegible] гихъ варіантахъ Кошута, по именно) „пидъ Турка“.

По нѣкоторымъ признакамъ, особенно по концу пѣсни, котораго намъ нѣтъ здѣсь основанія приводить, можно думать, что и эта пѣсня въ первоначальной своей формѣ не устнаго, а письменнаго происхоженія. Но пѣсня эта вошла въ народъ и тамъ обтерлась отъ слишкомъ книжныхъ чертъ и значительно распространилась. У насъ есть нѣсколько варіантовъ ея, записанныхъ несомнѣнно изъ народныхъ устъ. Одинъ изъ нихъ прямо начинается съ молитвы за цесаря:

Бога просимъ за цисаря у святои матки,
Що намъ цисаръ подаровавъ панщину й податки[1]).
Просимъ Бога за цисаря въ святои фигуры,
Що намъ цисаръ подарувавъ пряжу, яйця й куры, и т. д.
(Запис. Константина Бородайкевичева, въ Рожен ѣ
въ горахъ Коломыйскихъ въ 1872 г.).

Въ другомъ варіантѣ, котораго части тоже зашли въ Россію, въ началѣ опять является «зозулечка», но скоро совсѣмъ затирается реальными образами и надеждами:

Вылетила зозулечка зъ высокои горы
Та занесла панщиночку за Дунай у море.
Та дай же ты, пане війте, та до людей знати,
Та най идуть на Середу панщину сховати.
Та й панщину поховали, хрестъ на ню поклали.
Якъ учули варіяты[2]), ревне заплакали.
Та не плачте, варіяты, сами-сь-те хотилы:
Мы робили по штыри дни, та й не малы виры;
Теперъ бо, пане брате, лишъ на свѣти жити—
Цесарське заплатити, та й соби робити.
Просить Бога за цисаря, що часъ, що годыни,
Подарувавъ панщиночку, що бы'мъ не робили.
Подарувавъ панщиночку, оплатну худобу;
Оплати грунтъ, халупу, сиди соби въ дому.

---

[1]) Обязательныя приношенія панамъ натурою, а не подати государственныя, какъ поняли пѣвцы въ Россіи.

[2]) Польск. wariat=сумасшедшій; такъ пѣсня честитъ пановъ.

Пáли карты видъ цисаря, щобы ихъ читати,
А въ тыхъ картахъ написано: села вартувати и т. д.
(Запис. Александръ Стефановичъ, въ 1872 г. въ Корневѣ, коломыйскаго повѣта).

Остальная часть пѣсни посвящена венгерской войнѣ, а потому и не приводится здѣсь.

Еще болѣе передѣлалась въ реальномъ направленіи аллегорическая пѣсня о зозуленькѣ въ интересномъ варіантѣ, напечатанномъ въ «Основѣ» въ 1862 г., № V, въ статьѣ «объ отношеніяхъ галицкихъ русиновъ къ сосѣдямъ». Мы приведемъ его здѣсь вполнѣ, такъ какъ почти всѣ его составныя части пошли на образованіе варіантовъ, вращающихся теперь въ Россіи.

Ой дай, Боже, здоровьечко нашому цареви,
Та що зробивъ полекшинья нашому краеви!
Ой дай, Боже, здоровьечко та нашій царивни.
Ой щожъ теперъ тай мужики изъ панами ривни!
Пише цисарь тай патенты межи свои люде:
—«Ой молиться пану Богу—панщины не буде»!
Ой летила зозуленька зъ зеленого гаю,
Утикала панщинонька изъ нашого краю;
Ой якъ вона соби сила та й трошки спочила:
Дивилася, якъ свобода панщину тиснула.
Ой якъ вона утикала, паны ю-ловили.
—Ой вернися, панщиночко, мы тебе любили.
—Не вернуся, дурню пане, ничимъ вамъ не винна;
Було жъ мене шановати,—я вамъ була вирна;
Було жъ мене шановати. мыръ не збытковати.
Вы не знали, якъ то гирко на хлибъ бидоваты.
Вы не вмилы бо й косити, ваши жинки жать:
Будетъ ваша панщинонька въ поли зимовати.
Минулыся тіи вроки, да тіи гайдуки,
Що носили гарапники та й лискови буки!
Минулося, що ти паны, що ти окомоны
Заливали въ печи огонь жинкамъ коновками.
Йде чоловикъ на панщину зъ ципомъ молотити,
Ой-я вони забигають, хотя(тъ) ёго вбити (ударить)

Въ понедилокъ на панщину, въ вивторокъ панщина!
Вже ся теперъ, пане брате, панщина скинчила!

Вышеприведенный варіантъ интересенъ между прочимъ тѣмъ, что здѣсь устное народное творчество наконецъ справилось довольно удовлетворительно съ однимъ весьма труднымъ для него мѣстомъ въ разговорѣ панщины съ панами, пущеннымъ въ оборотъ «Зорей Галицкой». Послѣдняя считалась съ претензіей помѣщиковъ на то, что будто они сами, а не цесарь, отмѣнили панщину, и отнеслась къ этой претензіи съ иропіей, заставивъ панщину говорить имъ, что сами, молъ, вы меня отправили, а я была вамъ вѣрна, на что паны отвѣчаютъ (для большаго ихъ посрамленія): мы не такъ желали съ тобой разстаться, мы думали, что вновь будемъ привѣтствовать тебя и т. п. (см. выше). Вся эта иронія оказалась слишкомъ сложною для устной народной словесности, а потому, какъ можно видѣть изъ вышеописаннаго, большая часть устныхъ варіантовъ удержала полно и даже разработала изъ этого разговора только слова о неумѣніи пановъ работать, а слова о томъ, что паны же сами отправили вѣрную имъ панщину, поставились въ этихъ варіантахъ не въ ироническомъ, а въ прямомъ смыслѣ, конечно въ противность намѣреніямъ редакторовъ «Галицкой Зори» и къ невыгодѣ ясности основной мысли пѣсни. Послѣдній варіантъ мотивируетъ отходъ панщины очень ловко: паны не берегли ее, излишнимъ притѣсненіемъ крестьянъ, котораго картина за тѣмъ и рисуется по матеріалу, какой былъ уже готовъ въ пѣсняхъ о крѣпостномъ правѣ, одинаковыхъ въ Галиціи, какъ и въ Украйнѣ, особенно на правомъ берегу Днѣпра [1]).

Кромѣ этого конца въ послѣднемъ варіантѣ интересно начало, гдѣ выражается благодарность царю и даже царевнѣ. Начало это встрѣчаемъ мы, какъ конецъ довольно спутанной пѣсни (съ упоминаніемъ зозуленьки жъ), напечатанной въ «Галичанинѣ» (1862 г. кн. I, вып. II, стр. 19—20). о происхожденіи которой мы не рѣшаемся высказаться опредѣленно. Но каково бы ни было проис-

[1]) Въ такомъ же духѣ и буковинскій варіантъ говоритъ;
Було людей та й не бити, тай не катувати,
Було людямъ та й но лапахъ снопивъ не рубати.

хожденіе этого конца, ему суждено было распространиться въ народѣ и войти въ составъ другихъ варіантовъ въ Австріи [1]) и въ Россіи, а въ послѣдней развиться даже въ особую пѣсню.

Почти всѣ основные мотивы, какіе мы встрѣчали до сихъ поръ въ разбираемыхъ выше варіантахъ, слились довольно оригинальнымъ образомъ въ одномъ, но такъ, что преобладающимъ вышелъ мотивъ иронін надъ панами, которые не умѣютъ работать. Варіантъ этотъ записанъ въ с. Воскресинцахъ, около Коломыи, и напечатанъ въ львовской «Зорѣ» 1886 г., стр. 214—215.

Ой летила зозулечка тай стала кувати,
Якъ зачьила видъ панивъ панщина впадати.
Выихавъ панъ та на мисто, посьигъ у кишеню,
Та выймае изъ кишени—порожнюю жменю.
Посьигъ же винъ у другую, витьигае дудку.
—А за що-жь си ту напити, мой гиренькій смутку!
Бричку, кони продавати, робити наймати,
А за що-жь си ту напити тай въ карты заграти?
Ой пити бъ намистъ кавы борщикъ бураковый,
Бидна-жь моя головонько, живитъ не здоровый!
Ой коровы попродани, дійницѣ вакуе,
То-жь то мени безъ сметанки кава не смакуе.
Пишли паны й мандатори цисаря просити:
—Подаруй намъ панщиночку, нема зъ чого жити!
Не вміемо молотити, наши жѣнки жьити,
Не знаемо, цисарику, якъ на хлибъ робити.
Не можемо мы сапати, наши жѣнки прьисти,
Хиба пôдемъ по пôдъ плоты концурьичкомъ [2]) тристи.
Ввійшовъ дидичь до стôдолы, зачьивъ молотити,
Та подавивъ мозольита тай ставъ голосити.
Ой пôшовъ ôнъ до покою та взьивъ соби лою
Та намастивъ мозольита..... Оттакъ дурный гою!

---

[1]) Между прочимъ, кромѣ вышеприведеннаго,—въ буковинскомъ варіантѣ въ Зап. югозап. отд. Р. Геогр. Общества, 560, гдѣ благодарность выражается не только царю, царевнѣ, царевымъ дѣтямъ, но и „царевому роду, (бо) нема намъ уже панщины, нема и худобы", т. е. скоту.

[2]) Кóнцурѣ—лохмотья; трясти кóнцурэмъ по пидъ плоты—просить милостыни.

Не боитъ си голый дощу, а ни тои бури,
Засунувъ си въ чужи грьидки та мыче цыбули.
Та якъ выйшовъ газда зъ хаты та вдаривъ коломъ:
—На що, пане, тото мычешь, коли-сь не половъ?
—Дайте мнѣ фустиночки, голову завьизати!
Поки буду, вже не буду въ грьидки зазирати!
Помолитъ си люде добри до свьитои Дѣвы:
Що ходивъ панъ на обцасахъ, теперь на холиви.
Помолитъ си люде добри до тои фигуры:
Вже вамъ цѣсарь подарувавъ мотки, ейци, кури.
Помолитъ си люде добри до тои каплыцѣ:
Утратили паны ласку ой черезъ Кошыци! [1]).

Мы исчерпали весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи печатный и рукописный матеріалъ, по которому можно видѣть, какъ спрявлялось устное творчество австрійскихъ малороссовъ съ внесенною въ его область довольно искусственною, хотя и претендующею на народность пѣснью о такомъ важномъ для народа явленіи, какъ освобожденіе отъ панщины. Мы видѣли, какъ это устное творчество усиливалось закрыть книжническія аллегоріи реальными образами настоящаго и недавно прошедшаго, а также благодарностію представителю власти, отъ котораго, какъ увѣрили народъ ближайшіе его совѣтники, вышла иниціатива благодѣтельной для народа мѣры. Оставляя теперь австрійскихъ малороссовъ, чтобъ перейти къ россійскимъ, мы попросимъ у редакціи еще немножко мѣста, чтобъ воспроизвести еще одну неизданную галицкую пѣсню все о томъ же сюжетѣ, такъ какъ эта пѣсня имѣетъ много общаго съ нѣкоторыми варіантами пѣсни, разобранной выше, хотя не имѣетъ ничего общаго съ ея первоначальной аллегорической основой и развилась отъ нея вполнѣ самостоятельно и вполнѣ устнымъ образомъ. Мы дѣлаемъ это тѣмъ болѣе, что эта пѣсня не только даетъ намъ примѣръ вполнѣ народнаго творчества австрійскихъ малороссовъ о важномъ событіи въ ихъ исторіи, но имѣетъ себѣ параллели и въ пѣсняхъ малороссовъ въ Россіи.

---

[1]) Кошицы (нѣмецк. Koschau)—городъ въ сѣв. Венгріи, гдѣ стоялъ польскій легіонъ.

Ой же хлопци не спивали, голосу не мали,
Болячки ихъ пидперали, що не додыхали.
Болячки ихъ пидперали, що не додыхали,
Черезъ тыждень на панщыни гаразду не знали:
Черезъ тыждень на панщыни, ще то-то не решта (не конецъ),
Ой въ недилю до полудня берутъ до арешту.

Ой въ недилю дуже рано до церковци дзоня(тъ),
Атаманы съ полёвыми до рахунку гоня(тъ).
Прыйшовъ же я та й до двора, взявъ си раховати,
А винъ [1]) мени на одинъ день по три дни складати.
Я изъ нызька уклонився, та й взявъ го просити,
А винъ мене ймивъ за чуперъ, якъ мя зайде бити.

Прыйшовъ я до дому, та ще не встыгъ систи.
А полёвый ûде, кричить: давай конимъ ûсти.
Прыйшовъ я до дому, жинка си питае,
Чи багато, чоловиче, та й панщины маемъ?
Ввійшовъ я до хаты, взявъ жинци казати,
А ватаманъ ûде, кричить: коня запрягати!
Я закликавъ го до хаты, та й узявъ просити:
Най попоимъ трохи джуру [2]), не можу ходити.

Прыихавъ я та й до двора, та й ставъ передъ браму,
А окомонъ ûде, кричить, кляне мене въ маму.
Я и шапку іому скинувъ, здалека вклонився,
Винъ нагайку изъ-пидъ плаща, та й мене набився!

Минулися то-ти часы, та й то-ти гайдуки,
Що носили та й за людьми лисковіи буки.
Минулися то-ти часы й то-ти атаманы,
Та й що они молодыцямъ огонь заливали.
Теперъ паны головати, нема що робити,
Пишутъ они до цисаря: нема видки жити,
Вже си люде збунтували, не хотя(тъ) робити.
Мы не вміемъ та й косити, наши жинки жати,
Мы не знали, що такъ тяжко на хлибъ працювати.

Сидить цисаръ та й у Видни, ничого не знае,

---

[1]) Панъ или управляющій.
[2]) Родъ похлебкя изъ овсяной муки.

А гвардыя изъ полякивъ бити ся гадае.
Пишутъ они до цисаря а всиляки листы:
— «Зроби право, нашъ монархо, бо будемъ ся бити».
Сидить цисаръ коло стола, та й права читае,
А гвардыя изъ полякивъ нещистье кохае.
Пише цисаръ до Москаля: що мени робити,
Що гвардыя изъ полякивъ та й хоче си бити?—
Ioму Москаль видписуе: та якъ же си маешъ,
Чи велику на сердечку ой ты журу маешъ?
— Ой не того, каже, маю, що нема що ûсти—
Е що ûсти, е що пити, не прыймае трунокъ.
Пише цисаръ до Москаля, просить на ратунокъ.
Ioму Москаль видписуе: та я пûти—пиду,
Нема мени Польщу[1]) бити, лише до обиду!

(Запис. Ал. Стефановичъ, въ Корневѣ, въ колом. пов. въ 1872 г.).

Не знаемъ, какъ рѣшитъ читатель, а намъ сейчасъ приведенная пѣсня кажется выше «зозуленьки», не только по своему реализму, но и по своей художественной постройкѣ и даже, не смотря на нѣкоторыя наивности въ концѣ, по своему политическому смыслу. Но тѣмъ не менѣе «зозуленька» успѣла распространиться гораздо болѣе, чѣмъ подобныя чисто народныя пѣсни. Почему это? Мы думаемъ потому, что *народныя пѣсни слагаются во время общаго возбужденія извѣстнымъ чувствомъ, но и при полной ясности для народа извѣстнаго факта или положенія дѣлъ.* Событія 1848 г. застали галицкое крестьянство въ расплохъ, и оно не сразу успѣло отдать сетѣ отчетъ въ своемъ положеніи, а потому и не могло сразу сложить о немъ пѣсенъ. За крестьянство похлопотала грамотная интеллигенція и создала для него «зозуленьку», а вмѣстѣ съ тѣмъ подложила подъ чувство довольства крестьянъ отмѣной панщины роялистическія идеи. Пѣсня о «зозуленькѣ» распространилась, особенно благодаря усиленной пропагандѣ духовенства, но простонародье стало постепенно передѣлывать ее по своему и, какъ мы думаемъ, вовсе не къ худшему во всѣхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда къ 1849 г. общее положеніе дѣлъ выяснилось болѣе и передъ крестьянами, то они стали складывать и

[1]) Въ другихъ вар. „Венгра“.

вполнѣ самостоятельныя пѣсни, въ родѣ послѣдней вышеприведенной. Конечно, въ началѣ эти пѣсни складывались съ тѣми политическими идеями, какія подсказывало крестьянамъ наивное эмпирическое наблюденіе текущихъ событій и какія пропагандировала среди народа тогдашняя интеллигенція, духовенство. Мало по малу дальнѣйшій ходъ галицкой и вообще австрійской исторіи произвелъ измѣненіе и въ политическихъ идеяхъ галицкаго простонародья. Въ одномъ новомъ варіантѣ пѣсни о венгерско-польскомъ возстаніи, послѣ воспоминанія прежней бѣды отъ панщины и послѣ благодарности «цисарю» за «подарокъ» панщины, слѣдуютъ жалобы и на настоящее: на безземелье, на то, что, гдѣ прежде только волки выли (въ горахъ), тамъ теперь приходится бѣдствовать людскимъ дѣтямъ,—и вырывается восклицаніе:

А, Господи милосердный, якъ будемо жити,
Що бы коника й коровку при соби держити[1]).
(Запис. Нат. Окуневская въ Яворовѣ, коссовскаго уѣзда, въ 1883 г.).

Оптимизмъ пѣсенъ 1848—1849 гг. относительно цесарскихъ податей, послѣ отмѣны податковъ панамъ и панщины, въ новыхъ пѣсняхъ смѣняетя жалобами на тяжесть налоговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ является, а въ рекрутскихъ пѣсняхъ и усиливается, враждебное, если не насмѣшливое, отношеніе къ самому цесарю, и между любимыми въ Галиціи «коломыйками» появляются напр. такія:

Ой на тоби, цисарику,
Та шапочка срибна!
Ты не знаешъ, цисарику,
Яка то Русь бидна!
Бидна-жъ вона, бидна,
Бо ляхи (или швабы-нѣмцы) зидрали,
А що було по корови
Та й жиды забрали.
Жиды беруть по корови,
Цисаръ бере диты:

[1]) Оставляемъ гуцульскую фонетику для рифмы.

Ой нема намъ, пане брате,
Чо(го) въ Руси сыдити [1]).

Или:

Ой цисарю, цисарику, яке-жъ ты ледащо:
Берешъ людей, берешъ гроши, та й не знати за що [2])!

Но мы уже забѣжали впередъ вмѣстѣ съ дѣлами Галиціи. Возвратимся назадъ, хотя не въ Галицію, а въ Россію, положеніе которой въ 1861—1864 гг. сильно напоминаетъ положеніе Австріи въ 1848—1849, такъ какъ въ Россіи въ это время сошлись такія два явленія, какъ освобожденіе крестьянъ и польское революціонное движеніе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Два варіанта, запис. М. Бучинскимъ въ Королевкѣ и В. Волошнюкомъ въ Гринивцахъ, въ Подгорьи, въ 1872 и въ 1869 г.

[2]) Запис. И. Франко, въ с. Кулневичахъ, самборск. п., въ 1883 г.

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Продолженіе) [1]).

Каменецъ-Подольскій.

Въ смутныхъ ощущеніяхъ радости, грусти и любопытства я въѣхалъ въ Каменецъ въ 11 часовъ вечера 19 генваря 1833 года и остановился въ трактирѣ, который находится противъ ресурсоваго дома, гдѣ обыкновенно бываетъ благородное собраніе. Я принялъ рѣшительное намѣреніе сперва хорошенько выспаться, а потомъ предаться дня на два уединенію, чтобы успокоить и тѣло мое отъ утомленія, и душу мою отъ взволновавшихъ ее ощущеній.

Но это намѣреніе мое рушилось, какъ иногда разрушаются многія человѣческія предначертанія, гораздо важнѣйшія! Едва разсвѣло, какъ начали осаждать меня факторы; одна толпа этихъ нахаловъ смѣнялась другою; шумъ ихъ разбудилъ меня. Изъ нихъ нахальнѣе всѣхъ былъ Абрагамъ или Аврумъ, смуглый еврей, небольшаго роста, съ черными волосами. Въ одно время, одни факторы предлагали мнѣ превосходную квартиру, другіе— иголки, иные развертывали предо мною чахлы съ заграничными сукнами, а иные женскіе чулки, шелковыя матеріи, разныя мыла, помады, гребни, щетки, конфекты; всего не перечтешь.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1887 г., февральск. кн., стр. 285—316.

— Убирайтесь!—сказалъ я имъ, мнѣ ничего не нужно; прійдете послѣ, а теперь дайте мнѣ покой.

Лишь только произнесъ я эти слова, какъ Аврумъ сталъ по своему распоряжаться: онъ вытолкалъ изъ моей комнаты всѣхъ своихъ товарищей, а самъ, надѣлавши болѣе всѣхъ другихъ шуму, началъ обвинять своихъ товарищей въ невѣжливости, нахальствѣ и шумѣ. Оставшись одинъ со мною, онъ тотчасъ же подступилъ ко мнѣ съ своими распросами и свѣдѣніями.

— Ну, позвольте, господинъ, знать, зачѣмъ же вы пріѣхали? И кто вы будете, господинъ, и какъ васъ величать?

Я не отвѣчалъ. Ловкій факторъ перемѣнилъ тактику.

— А, знаете, господинъ, что я вамъ скажу? Былъ я сейчасъ у директора гимназіи,—я тамъ свой человѣкъ. Ну, и какъ же онъ жалѣетъ, что доселѣ нѣтъ инспектора. И мы всѣ жалѣемъ; съ часу на часъ ожидаемъ его, а онъ не ѣдетъ. Мы уже и квартиру для него приготовили, славную квартиру, гдѣ квартировалъ губернскій маршалъ, графъ.....

Я не выдержалъ и машинально спросилъ:

— А далеко ли отсюда до этой квартиры и просторна ли она?

Эти вопросы измѣнили моему инкогнито.... Аврумъ только это и нужно было; онъ тотчасъ смекнулъ мое званіе и мгновенно улизнулъ изъ комнаты.

Чрезъ полъ-часа Аврумъ, снова явясь ко мнѣ, уже скороговоркою и съ сіяющимъ лицемъ передавалъ мнѣ:

— Я, знаете, господинъ инспекторъ, заразъ до пана директора побѣжалъ и сказалъ ему, что господинъ инспекторъ уже пріѣхалъ и чтобъ они уже не безпокоились. И какъ же панъ директоръ радъ! Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я заразъ до пана инспектора бѣжалъ и чтобъ панъ инспекторъ пожаловалъ къ нему.

Сказавши это, еврей вторично исчезъ отъ меня, а чрезъ нѣсколько времени, вбѣжавъ въ попыхахъ ко мнѣ, снова повторилъ тоже желаніе директора, и прибавилъ:

— Только чтобы заразъ. Поскорѣе, сказалъ панъ директоръ.

Ого! подумалъ я. Это повторенное желаніе уже походитъ на приказаніе; видно, здѣсь не дремлютъ, дѣлая дѣла.

Одѣвшись въ форменную одежду харьковскаго учебнаго округа, я явился къ Ѳ. Я. Телешеву. Первая встрѣча была далеко не привѣтливая. Окинувъ меня холоднымъ начальническимъ взглядомъ, директоръ сухо проговорилъ:

— Что же это вы облеклись въ форму того округа, къ которому мы уже не принадлежимъ?

Я старался оправдать себя краткостію времени, незнаніемъ самой формы. Вмѣсто снисхожденія на меня посыпались укоризны.

— Вотъ и вы, продолжалъ директоръ, какъ и другіе русскіе чиновники, не сочли долгомъ прибыть въ Каменецъ къ 1-му генваря. Вѣдь въ этотъ день назначено было да и послѣдовало открытіе гимназіи?—Ахъ, сколько труда и заботъ, присовокупилъ онъ, сколько безпокойства и страданій пришлось мнѣ одному перенести при этомъ торжествѣ!

Я объяснилъ директору причину моего медленнаго, совершенно отъ меня не зависѣвшаго, прибытія къ моей должности,— даже показалъ ему свидѣтельство, подписанное 6-го генваря директоромъ новгородсѣверской гимназіи, на свободный проѣздъ мой до Каменца. Однако и очевидныя доказательства моей невинности не убѣдили его.

Мое положеніе становилось несноснымъ, и я недоумѣвалъ уже, чего мнѣ дальше ждать. Но вдругъ директоръ, откинувъ строгій тонъ начальника, съ необыкновеннымъ добродушіемъ самъ повелъ меня на казенную квартиру, объ устройствѣ которой онъ еще гораздо прежде прибытія моего много заботился. Это добродушіе и усердіе его примирили меня съ нимъ, и я поспѣшилъ изъявить ему за то душевную мою благодарность.

Того-же дня явился я къ г. гражданскому губернатору, Ѳ. П. Лубяновскому и архіепископу Кириллу. Оба они приняли меня благосклонно. Надобно присовокупить, что попечитель округа, Филатьевъ, писалъ къ нимъ о насъ еще прежде, поручая насъ ихъ благосклонному вниманію, и просилъ не оставлять

насъ, буде нужно, своимъ покровительствомъ и руководствомъ. Потомъ посѣтилъ я также латинскаго бискупа Мацкевича и губернскаго дворянскаго предводителя, графа Пржездзѣцкаго.

На другой день я вступилъ въ исправленіе моей должности.

Изъ русскихъ чиновниковъ въ гимназіи были: директоръ Телешевъ, инспекторъ я, законоучитель православнаго вѣроисповѣданія протоіерей Гогоцкій, учителями: русской словесности Китченко, латинскаго языка Красковскій, русскаго языка и географіи Науменко и рисованія Булатовъ. Прочіе же преподаватели, именно: законоучитель латинскаго вѣроисповѣданія каноникъ Гловацкій, исторіи Паевскій, математики Ивановскій, латинскаго языка Стычинскій, нѣмецкаго Свирскій и французскаго Дюренъ, были туземцы. Слѣдовательно при воспитаніи юношества въ Каменцѣ, мы должны были идти къ цѣли ощупью, потому что почти половина чиновниковъ были туземцы, слабо знавшіе русскій языкъ и притомъ долгое время служившіе въ училищахъ прежняго порядка.

Учебныя пособія гимназіи составились изъ учебныхъ пособій, принадлежавшихъ бывшему каменецъ-подольскому училищу и дублетовъ училищъ въ Барѣ, Меджибожѣ и Немировѣ.

На первый разъ въ гимназіи открыто только четыре класса; учениковъ поступило 70 человѣкъ, изъ которыхъ едва пятую долю составляли православные, а прочіе были католики. Эти послѣдніе происхожденіемъ были изъ бѣднѣйшей шляхты. Отцы ихъ служили лакеями, дворниками, поварами; иные принадлежали къ ремесленному сословію.

Скоро я замѣтилъ, что дѣти воспріимчивы къ наукамъ, довольно развиты и находчивы въ отвѣтахъ; но внѣ классовъ они ужасные шалуны и способны на разныя продѣлки, которыя подмѣтили вѣроятно или у своихъ родителей, или у евреевъ. По этому, и въ классахъ и въ квартирахъ, съ великимъ терпѣніемъ пріучая ихъ къ правдѣ и благороднымъ поступкамъ, я старался всѣми мѣрами уничтожить въ нихъ ложь, воровство и вражду къ евреямъ, отъ которыхъ ежедневно получалъ нѣ-

сколько жалобъ о томъ, что они, ученики, или бьютъ стекла въ домахъ, или обижаютъ малолѣтнихъ евреевъ. Сперва употреблялъ я для того выговоры, лишенія мѣста въ классѣ, аресты; когда-жъ эти мѣры не были достаточны и не унимали учениковъ отъ своевольствъ, то въ такихъ крайнихъ случаяхъ употреблялъ и розги. Впрочемъ, послѣдней мѣры я всячески старался избѣгать, будучи всегда убѣжденъ, что нравственное внушеніе полезнѣе, прочнѣе. Кто-то еще до прибытія нашего въ Каменецъ оповѣстилъ туземцевъ, что мы варвары, тираны, и эта новость была причиною того, что во вновь открытую гимназію вошла ватага воспитанниксвъ только изъ самаго низшаго сословія, родители же другихъ сословій присматривались къ намъ, забирали справки о нашихъ дѣйствіяхъ, дабы потомъ рѣшиться на что-нибудь. Такъ какъ дѣти, по прежней привычкѣ, собирались въ классъ очень рано, за часъ и болѣе предъ начатіемъ ученія, то я въ помощь моимъ товарищамъ употреблялъ этотъ ихъ досугъ къ тому, чтобъ пріучить ихъ къ правильному выговору словъ и свободному объясненію по-русски. Для того собиралъ ихъ въ общую залу и велѣлъ имъ, по очереди, разсказывать по-русски или свои уроки, или свои обыкновенныя происшествія, свободно, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Ошибки въ произношеніи словъ и въ выраженіяхъ мыслей немедленно были мною исправляемы. Такимъ образомъ, отъ совокупныхъ усилій русскихъ чиновниковъ дѣти въ самое короткое время оказали быстрые успѣхи въ практическомъ знаніи русскаго языка и объяснялись на немъ довольно свободно, а отъ успѣховъ въ языкѣ стали замѣтнѣе и успѣхи ихъ въ наукахъ. Надобно замѣтить, что директоръ еще до пріѣзда моего уничтожилъ обычай ежедневно водить дѣтей въ костелъ, считая эту мѣру излишнею, и не ввелъ общихъ квартиръ, по той причинѣ, что всѣ почти воспитанники состояли изъ дѣтей городскихъ жителей. Слѣдовательно, мой надзоръ за учащимися, живущими въ домахъ родителей, или родственниковъ, былъ очень затруднителенъ.

Среди неусыпныхъ нашихъ трудовъ и заботъ о надлежащемъ стройномъ ходѣ гимназіи насъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ попечитель кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке. Его превосходительство прибылъ къ намъ съ тѣмъ, чтобы ознакомиться съ гимназіею въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, для будущихъ своихъ намѣреній и дѣйствій. При этомъ онъ снабдилъ насъ многими словесными дозволеніями и наставленіями въ святомъ дѣлѣ воспитанія юношества. Мы прежде работали въ этомъ дѣлѣ ощупью, подъ собственною отвѣтственностію; но руководство главнаго начальства развязало намъ руки и указало широкую дорогу къ достиженію цѣли, и мы дѣйствовали уже, не страшась никакихъ порицаній и препонъ.

При всей нашей добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, мы однако подмѣтили, что за нами былъ надзоръ отъ уволенныхъ въ заштатъ учителей бывшихъ школъ, и надзоръ пристрастный. Они получали отъ дѣтей свѣдѣнія о нашихъ дѣйствіяхъ и эти свѣдѣнія, конечно не вѣрныя, искаженныя, передавали въ публику въ самомъ искаженномъ, превратномъ видѣ. Въ отвѣтъ на ихъ лживыя слова и клеветы мы противопоставили имъ волю высшей власти, нашъ трудъ и болѣе чѣмъ точность, добросовѣстность и усердіе въ исполненіи нашихъ обязанностей. Правда наша затмила, уничтожила всѣ ихъ ухищренія; благопріятное мнѣніе общества осталось за нами. До 1-го мая дѣти оказали необыкновенные успѣхи и въ наукахъ, и въ русскомъ языкѣ.

И такъ, за нами осталось только устройство общихъ квартиръ; но эту мѣру мы рѣшились привести въ исполненіе лишь послѣ вакацій, когда ознакомимся лучше и съ обывателями города, и съ удобствомъ квартиръ, для помѣщенія въ нихъ учениковъ.

Въ теченіи этого времени я познакомился съ Каменцомъ, и считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, какъ о нынѣшнемъ его состояніи, такъ и о прежней его жизни.

Каменецъ Подольскій построенъ на скалѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ р. Смотричъ. Надъ этою скалою господствуютъ кругомъ другія каменныя горы, такъ что Смотричъ течетъ по узкой долинѣ, огражденной съ обѣихъ сторонъ отвѣсными скалами; омывая такимъ образомъ городъ вокругъ, рѣка течетъ въ сосѣдствѣ этихъ скалъ по извилистой долинѣ дальше и впадаетъ въ Днѣстръ. Въѣздъ въ Каменецъ съ сѣверной стороны крутъ и очень труденъ, а съ южной, со стороны не большой крѣпости, по здѣшнему фортецы, облегченъ высокимъ мостомъ, сдѣланнымъ изъ кирпича. Этотъ мостъ построенъ королемъ польскимъ Баторіемъ для соединенія города съ замкомъ; но его называютъ почему-то турецкимъ мостомъ.

Изъ публичныхъ зданій въ Каменцѣ примѣчательны: православная и латинская каѳедры, кармелитскій, доминиканскій, армянскій и тринитарскій костелы, присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, семинарія и ратуша. Четвероугольная площадь, которой фасы застроены огромными частными домами въ нѣсколько ярусовъ, можетъ украсить любой городокъ. Въ прочихъ частяхъ города дома незначительны, улицы узки, извилисты, какъ это обыкновенно бываетъ во всѣхъ старыхъ городахъ, населенныхъ въ большинствѣ евреями, но вымощены дикимъ камнемъ и содержатся въ отличной чистотѣ. Воздухъ въ городѣ спертъ и удушливъ какъ отъ многолюдства жителей на маломъ пространствѣ, такъ отъ тѣсноты улицъ и самаго положенія города въ углубленіи.

Къ городу принадлежатъ еще три фольварка, или предмѣстія: польскій, русскій и Карвасары.

Число жителей считалось въ мое время до 16 тысячь, изъ которыхъ едва третью часть составляли христіане, а двѣ трети—евреи. Вся внутренняя торговля въ рукахъ евреевъ. Для оживленія мелкой торговли они выдумали бумажныя деньги, цѣною въ 1, 2, 3 и 5 грошей; это четвероугольныя картонныя карточки, на которыхъ напечатано еврейскими буквами достоинство этихъ оригинальныхъ монетъ. Изъ русскихъ купцовъ торгуетъ здѣсь только одинъ домъ и торгуетъ, кажется, вы-

годно. Всякій день на базарной площади производится довольно значительный торгъ съѣстными припасами, кромѣ субботы; въ этотъ день трудно достать самое необходимое для стола.

Въ Каменцѣ много трактировъ, откуда холостые люди получаютъ кушанья—гораздо выгоднѣе и дешевле, такъ что не стоитъ обзаводиться въ домѣ кухней. Здѣсь также можно дешево купить хорошія сукна, шелковыя матеріи, голландскіе холсты; все это евреи получаютъ изъ Галиціи, откуда они пробираются путемъ, имъ однимъ извѣстнымъ. Полиція слаба унять эти незаконныя ухищренія, или вслѣдствіе малыхъ средствъ, или вслѣдствіе своекорыстія...

Каменецъ Подольскій, по мѣстоположенію своему, кажется, издревле предназначенъ охранять плодоносныя равнины Подоліи отъ вторженія народовъ, живущихъ грабежемъ. Геродотъ повѣствуетъ, что въ этихъ мѣстахъ живали скиѳы—хлѣбопашцы. Татары, овладѣвъ Червоною Русью, покорили всю Подолію, вмѣстѣ съ Каменцомъ; князь Гедининъ въ 1321 году отторгнулъ этотъ городъ и присоединилъ его къ Литвѣ. Съ тѣхъ поръ Каменецъ былъ яблокомъ раздора между Польшею и Литвою; каждая изъ нихъ добивалась власти надъ этою твердынею, охранявшею прелестную Подолію. Во время этой борьбы, порою врывались въ Подолію татары и валахскіе господари, брали въ плѣнъ жителей ея и громили Каменецъ. Такія притѣсненія терпѣлъ этотъ городъ до самого царствованія короля польскаго Сигизмунда Августа, который въ 1569 году присоединилъ на всегда Каменецъ и Подолію къ своей коронѣ. Поляки, приглашая на престолъ Владислава IV, между многими условіями обязали его укрѣпить Каменецъ новыми окопами. Султанъ турецкій, въ 1633 году, не взирая на многочисленную рать свою, былъ разбитъ одинадцатью тысячами поляковъ подъ самымъ Каменцомъ и тѣмъ на долго лишился охоты дѣлать набѣги на Подолію.

Притѣсненія, которыя дѣлали поляки малороссійскимъ козакамъ, подвинули послѣднихъ на защиту своей независимости. Вслѣдствіе того Богданъ Хмельницкій старался, въ 1649 году, для опоры своихъ военныхъ дѣйствій овладѣть Камен-

цомъ, но упорная защита тогдашняго коменданта, Петра Потоцкаго, все мѣсячное усиліе Хмельницкаго сдѣлала тщетнымъ. Онъ вторично осадилъ этотъ городъ въ іюлѣ 1652 года, чтобы обезпечить себя на случай борьбы съ молдавскимъ господаремъ, отъ котораго требовалъ дочери въ супружество своему сыну, Тимоѳею. Янъ Казиміръ, король польскій, поспѣшилъ на защиту Каменца; но, окруженный козаками подъ Жванцемъ, лежащемъ на Днѣстрѣ въ 18 верстахъ отъ Каменца, принужденъ былъ заключить постыдный миръ, которымъ обезпечивалась независимость козаковъ. Въ это время турки и татары, союзники Хмельницкаго, свирѣпствовали въ Подоліи и уводили жителей ея въ неволю. Магометъ IV взялъ обратно Каменецъ отъ Польши; жителямъ велѣлъ выйти изъ города, а взамѣнъ ихъ помѣстилъ въ немъ гарнизонъ; храмы латинскіе превратилъ въ въ мечети. Минаретъ, нынѣ существующій возлѣ латинской каѳедры, есть памятникъ его владычества. Разсказывали старики, что въ это время онъ до того издѣвался надъ христіанскою религіею, что улицы мостилъ св. иконами. Это я потомъ прочиталъ и въ исторіи. Наконецъ вся Подолія поступила во власть турокъ по Бучачскому миру, заключенному ими съ поляками 18-го октября 1672 года. Событіе это ускорило смерть короля Михаила Вишневецкаго. Тщетно освободитель Вѣны, Іоаннъ Собѣскій, старался вырвать Каменецъ изъ рукъ турокъ. Ни побѣды его, одержанныя надъ ними подъ стѣнами Хотина и Львова, ни угрозы вѣнскаго двора и римскаго папы не могли поколебать могущества турокъ въ Подоліи. Эти послѣдніе, подобно лютымъ звѣрямъ, свирѣпствовали въ окрестностяхъ Каменца, расхищали у подолянъ имущесгво, женъ и дѣтей, которыхъ скрывали на неприступныхъ скалахъ Каменца. Дабы унять турокъ отъ набѣговъ, Андрей Потоцкій велъ съ ними въ окрестностяхъ Каменца кровопролитную войну. Къ нему прибылъ на помощь съ дружиною сынъ Собѣскаго, Іаковъ. Совокупными силами напали они на турецкій гарнизонъ, запертый въ этомъ городѣ, но были отражены. Іаковъ, увидѣвъ, что гарнизонъ изобильно снабженъ военными и съѣстными припасами и замѣтивъ вражду и

несогласіе между коронными гетманами, снялъ осаду съ Каменца и возвратился съ войсками своими въ Варшаву. Огорченный этою неудачею, Собѣскій-отецъ, нанявъ войско на свой счетъ, рѣшился напасть въ расплохъ на Каменецъ и вырвать его изъ рукъ турокъ; но это предпріятіе также не удалось ему. Курфирстъ саксонскій, Августъ, при вступленіи на польскій престолъ обязался Посполитой Рѣчи своимъ иждевеніемъ покорить Каменецъ польской коронѣ. Для того онъ послалъ къ этому городу 20 тысячь саксонцевъ въ помощь польскому войску. Но усиленный татарами гарнизонъ упорно защищался. Войска, простоявъ долтое время въ окрестности Каменца, возвратились въ Польшу безъ успѣха и съ потерею въ людяхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Голицынъ, въ 1769 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подступалъ къ Каменцу и бомбадировалъ замокъ. Ядра и бомбы и до сихъ поръ торчатъ въ стѣнахъ замка. Но, оставивъ при немъ сильный отрядъ для блокады, онъ переправилъ свой обозъ и артилерію на канатахъ чрезъ горы и приступилъ 15 апрѣля къ Днѣстру противъ крѣпости Хотина. Въ дѣйствіяхъ Голицына противъ Хотина каменецкій гарнизонъ много вредилъ съ тылу. Вслѣдствіе этого князь приказалъ своей арміи отодвинуться отъ Днѣстра и когда турки погнались за ней, то онъ напалъ на нихъ 10 сентября и совершенно ихъ разбилъ. Каменецкій гарнизонъ, устрашенный этою побѣдою, оставилъ городъ, разсѣялся по лѣсамъ и погибалъ въ волнахъ Днѣстра, который въ это время былъ въ полномъ разливѣ. Тогда князь легко завладѣлъ Каменцомъ.

Наконецъ Каменецъ поступилъ во власть Россіи навсегда, по ясскому миру, заключенному въ 1791 году 26 декабря между Россіею и Портою Съ тѣхъ поръ Россія владѣетъ спокойно симъ отъ природы крѣпкимъ городомъ

Вотъ краткій очеркъ исторической жизни сего города; но начало основанія его, какъ обыкновенно выражаются, покрыто мракомъ неизвѣстности.

Кстати означу здѣсь, какія учебныя заведенія вошли въ составъ кіевскаго учебнаго округа. Это: 1) высшая нѣжинская

гимназія, что нынѣ лицей князя Безбородка, 2) кіевская гимназія съ подольскимъ уѣзднымъ училищемъ, 3) подольская гимназія съ каменецкимъ приходскимъ училищемъ, 4) винницкая гимназія съ винницкимъ приходскимъ училищемъ, 5) волынская гимназія въ Житомірѣ съ житомірскимъ приходскимъ училищемъ, 6) луцкая гимназія съ луцкимъ приходскимъ училилищемъ, 7) черниговская гимназія съ 16 уѣздными и 16 приходскими училищами, 8) новгородсѣверская гимназія съ уѣзднымъ и приходскимъ училищемъ и 9) полтавская гимназія съ 15 уѣздными и 15 приходскими училищами.

25 мая получилъ я отъ г. попечителя округа пакетъ на мое имя, съ надписью «по секрету». Такъ какъ этому секрету прошло уже много лѣтъ, при томъ этотъ секретъ уже приведенъ въ исполненіе, о немъ знаютъ уже почти всѣ волынскіе помѣщики и теперь онъ попалъ уже въ разрядъ давнихъ историческихъ событій по кіевскому учебному вѣдомству, то я имѣю полное право сдѣлать его явнымъ.

Г. фонъ Брадке предписалъ мнѣ, по пріѣздѣ въ Каменецъ профессора кременецкаго лицея, А. Н. Мицкевича, сдѣлать съ нимъ совѣщаніе о томъ: 1) какъ удобнѣе и скорѣе осмотрѣть на мѣстахъ приходскія училища, закрытыя во время послѣднихъ польскихъ смутъ, сперва въ волынской, потомъ въ подольской и кіевской губерніяхъ, для чего данъ намъ подробный списокъ этихъ училищъ; 2) войти въ сношенія съ гг. фундаторами сихъ училищъ о приведеніи въ надлежащій порядокъ домовъ, въ которыхъ они помѣщались прежде, для открытія ихъ вновь; 3) совершить съ фундаторами законныя сдѣлки или объ отпускѣ денегъ, или объ отводѣ земель, для содержанія училищъ, на основаніи данныхъ ими обязательствъ; 4) привести въ извѣстность училищныя недоимки, которыя произошли отъ несвоевременной уплаты слѣдуемыхъ отъ фундаторовъ денегъ на содержаніе училищъ, а также самые капиталы или фундуши на устройство и содержаніе училищъ, гдѣ таковыя еще не были открыты, и эту послѣднюю сумму обеспечить на свободномъ имѣніи фундаторовъ; 5) избрать мѣста, гдѣ-бы можно было

устроить училища для уніатовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, конечно, гдѣ они живутъ въ значительномъ числѣ; 6) сдѣлать испытаніе тѣмъ учителямъ закрытыхъ школъ, которые пожелаютъ служить, и если окажутся способными, то сдѣлать о таковыхъ представленіе на благоусмотрѣніе его превосходительства. Въ этомъ предписаніи вмѣнялось мнѣ, какъ русскому, въ особенную обязанность заняться означенными дѣлами внимательно, съ патріотическимъ усердіемъ, и дозволялось отдѣльно, по секрету, представлять попечителю замѣтки о важныхъ событіяхъ, которыя могутъ случиться при мѣстныхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Самый проэктъ попечителя объ открытіи приходскихъ училищъ, какъ сказано было въ предписаніи, первоначально одобренъ г. министромъ просвѣщенія и потомъ высочайше утвержденъ государемъ императоромъ.

Въ присланномъ мнѣ пакетѣ приложены были также открытые листы отъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора графа Левашова и отъ латинскихъ бискуповъ: Мацкевича и Пивницкаго, для содѣйствія намъ, буде нужно, отъ гражданскихъ чиновниковъ и латинскаго духовенства.

Скоро потомъ, а именно 7 іюня, прибылъ ко мнѣ въ Каменецъ Мицкевичъ. При первомъ-же нашемъ свиданіи, мы очень скоро и единодушно покончили наши совѣщанія и намѣренія по исполненію возложеннаго на насъ порученія, и именно слѣдующимъ образомъ: такъ какъ обстоятельства сего обширнаго и важнаго дѣла намъ обоимъ совершенно неизвѣстны, то слѣдуетъ намъ, не мѣшкая, отправиться въ Кремеиецъ, чтобы тамъ посовѣтоваться съ чиновниками, служившими въ эдукаціонной коммиссіи, а потомъ уже приступить къ исполненію высочайшей воли.

При этомъ считаю приличнымъ замѣтить, что профессоръ Мицкевичъ есть родной братъ знаменитаго польскаго поэта; воспитывался онъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ получилъ ученую степень магистра по юридическому факультету; знаетъ основательно латинскій, нѣмецкій, французскій, русскій и польскій языки и въ дополненіе обладаетъ благороднѣйшею душею.

Эти качества души его и я извѣдалъ въ затрудненіяхъ и недугахъ моихъ, во время совмѣстнаго нашего путешествія по Волыни, и въ послѣдующіе годы. Его теплое, родственное участіе проявилось потомъ и на моемъ сынѣ, который, подъ его руководствомъ, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ. Эта память сердца моего да будетъ хотя слабою данью моей душевной къ нему благодарности!

Поѣздка въ Кременецъ.

И такъ, вслѣдствіе нашихъ совѣщаній, Мицкевичъ и я, 9 іюня, въ 11 часовъ вечера, оставили Каменецъ-Подольскій. Не скрою при этомъ моего наслажденія: мнѣ въ первый разъ въ жизни моей довелось путешествовать въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ мѣсяцѣ, столь роскошномъ растительностію и благорастворенiемъ воздуха, въ мѣсяцѣ столь трудномъ, тяжеломъ какъ для воспитателей, такъ и для воспитанниковъ. Какъ легко, пріятно подышать ароматнымъ, свѣжимъ воздухомъ послѣ спертой, зловонной каменецкой атмосферы! Всю ночь на пролетъ, безъ устали, мы проскакали на почтовыхъ лошадяхъ и уже въ Проскуровѣ рѣшились нѣсколько отдохнуть и согрѣться чаемъ отъ прохладнаго утра.

Верстахъ въ пяти отъ станціи Западинцы, предъ нами открылась обширная, прелестная равнина, а въ срединѣ оной Старый-Константиновъ, орошаемый р. Стрый и принадлежащій графамъ Ржевускимъ. Въ Старомъ-Константиновѣ намъ разсказали, что когда-то на этой равнинѣ императоръ Александръ Благословенный дѣлалъ смотръ войскамъ своимъ и принялъ милостиво отъ графовъ Ржевускихъ великолѣпный балъ, сдѣланный для него и его сподвижниковъ. Въ Каменцѣ я часто встрѣчался съ графинею Ржевускою, гдѣ она проживала на наемной квартирѣ, скромно, довольствуясь достаточнымъ количествомъ денегъ, назначенныхъ ей отъ правительства; а имѣніе графовъ Ржевускихъ секвестровано по причинѣ сильнаго участія владѣльцевъ онаго въ эпоху послѣднихъ смутъ въ Царствѣ Польскомъ.

Въ Заславль мы пріѣхали въ сумерки. Этотъ городъ принадлежитъ князьямъ Сангушкамъ, которые устроили въ немъ суконную фабрику и каретный заводъ, очень извѣстные въ тѣхъ мѣстахъ по отличной добротѣ предметовъ, на нихъ выдѣлывающихся. Туть случилось съ нами маленькое произшествіе, нѣсколько насъ побезпокоившее. На станціи дали намъ порядочныхъ лошадей; но ямщику захотѣлось везти насъ медленно, почти шагомъ, подъ предлогомъ песчаной дороги и будто слабости лошадей. Товарищъ мой, истощивъ всѣ мѣры понужденія, рѣшился наконецъ погрозить ему палкою. Ямщикъ, не дождавши еще исполненія этой угрозы, быстро спрыгнулъ съ козелъ экипажа и скрылся въ лѣсу. И такъ, мы остались въ лѣсу безъ кучера и въ темную ночь! Что оставалось намъ дѣлать? Не сидѣть же цѣлую ночь въ лѣсу напрасно, безъ всякой цѣли! Мицкевичъ приказалъ своему человѣку сѣсть на козлы и гнать лошадей до слѣдующей станціи, до которой еще считалось 8 верстъ. Боже мой! какъ вполошили мы станціоннаго смотрителя, когда пріѣхали къ станціи безъ ямщика! Но чрезъ часъ явился и самъ ямщикъ, начались слѣдствіе, разборы, очныя ставки; изъ нихъ станціонный смотритель убѣдился, что самъ бѣглецъ очень не правъ.

Съ чувствомъ благоговѣйнымъ я приближался къ Острогу, городу, гдѣ во время уніи православіе долго боролось съ фанатизмомъ латинскаго духовенства, къ отчизнѣ князя Острожскаго, который такъ успѣшно поддерживалъ православіе и такъ справедливо заслужилъ титулъ святаго[1]). Славная рѣка Горынь орошаетъ и украшаетъ этотъ городъ. Въ немъ существуютъ развалины бывшихъ огромныхъ зданій, гдѣ когда-то живали православные епископы, гдѣ существовала во время уніи знаменитая типографія для церковныхъ книгъ, которыя ревнители

[1]) Авторъ очевидно смѣшиваетъ преподобнаго Ѳедора князя Острожскаго († 1438 г.), котораго мощи почиваютъ въ Дальнихъ пещерахъ кіевской лавры, и князя Василія-Константина Острожскаго († 1608 г.), жившаго въ періодъ люблинской и брестской уніи и извѣстнаго горячею защитою православія и вообще широкою просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью въ пользу онаго. *Ред*

православія разсылали во множествѣ по Червонной Руси. Пожаръ, случившійся въ 1820 году, привелъ эти зданія въ ужасное разрушеніе. Вслѣдствіе того, владѣлецъ Острога, князь Яблоновскій, помѣстилъ и волынскаго пастыря, и волынскую семинарію въ Аннополѣ, отдавъ для этой цѣли и свой домъ, и всѣ свои экономическія постройки.

Солнце склонялось къ западу, вдалекѣ забѣлѣли зданія города Дубно. Онъ принадлежитъ князьямъ Любомірскимъ и до полѣднихъ смутъ славился контрактами, на которые стекались многіе помѣщики и повеселиться, и для совершенія торговыхъ сдѣлокъ. Въ Дубнѣ недавно учрежденъ складъ воинскихъ потребностей. Здѣшній костелъ величественъ и прелестенъ.

Вотъ королевскій мостъ чрезъ рѣку Икву, возлѣ котораго мятежный Дверницкій стоялъ лагеремъ, угрожая Кременцу! Уже и горы кременецкія болѣе и болѣе возвышались по мѣрѣ нашего къ нимъ приближенія! Вотъ и узкій проходъ, или, лучше сказать, ущелье въ трущобу, огражденную высокими, почти отвѣсными скалами, въ которой солнце восходитъ двумя часами позже и заходитъ двумя часами ранѣе! Въ этой-то трущобѣ построенъ Кременецъ, который во время существованія лицея слылъ на Волыни Аѳинами.

Кременецъ.

Въ Кременцѣ мы застали попечителя учебнаго округа, прибывшаго сюда, чтобы разобрать споры и жалобы, возникшіе между лицеальнымъ вѣдомствомъ и посессоромъ лицеальныхъ недвижимыхъ имуществъ, и вмѣстѣ распорядиться перемѣщеніемъ лицея въ Кіевъ, которое должно было исполниться непремѣнно къ 25 іюля.

Явясь къ его превосходительству, мы сознались ему искренно, что не знаемъ, какъ приступить къ исполненію обширнаго дѣла, намъ порученнаго, и что по этой причинѣ мы рѣшились пріѣхать въ Кременецъ, чтобъ посовѣтоваться о томъ съ знающими и опытными людьми и запастись потребными актами. Мѣру эту попечитель вполнѣ одобрилъ и при томъ совѣтовалъ

намъ, согласно съ мнѣніемъ Бокщанина, управляющаго лицеемъ, посѣтить помѣщиковъ Подгородинскаго и Борейку, которые долгое время была членами эдукаціонной коммиссіи и неоднократно визитировали приходскія училища въ западныхъ провинціяхъ, а потому могли дать намъ опытное руководство къ полезному исполненію даннаго намъ порученія. Прощаясь съ нами, его превосходительство приказалъ, чтобы мы явились въ Кіевъ непремѣнно къ 25 іюлю и обрадовали его основательными свѣдѣніями, по крайней мѣрѣ о тѣхъ училищахъ, которыя встрѣтятся намъ по пути къ Кіеву. Потомъ, отведя меня въ сторону, сказалъ тихо:

— На васъ надѣюсь, г. Сбитневъ. Вы русскій, вы понимаете важность этого щекотливаго дѣла. Будьте-же расторопны, осторожны; дѣлайте уступки, снисхожденія, только-бы сохранить эти фонды. Я не забуду вашего труда. Желаю вамъ успѣха.

И тотчасъ-же уѣхалъ въ Кіевъ.

И такъ, мы обратились за совѣтомъ къ правителю дѣлъ эдукаціонной коммиссіи, Казачинскому, который, сверхъ того, снабдилъ насъ спискомъ приходскихъ училищъ, съ перечнемъ о каждомъ порознь, сколько каждое училище получаетъ доходовъ для своего содержанія и сколько на каждомъ фундаторѣ училища считается недоимки. Эти свѣдѣнія намъ показались поверхностными и притомъ составленными еще прежде, до закрытія училищъ, слѣдовательно въ это время уже не вѣрными.

— А чтобы вамъ имѣть подробныя свѣдѣнія объ этихъ училищахъ, добавилъ правитель, такъ извольте вамъ дѣла.

Сказавъ это, онъ раскрылъ шкафъ, награможденный связками бумагъ въ такомъ количествѣ, что трудно было-бы помѣстить ихъ и въ ломовую телѣгу.

— Здѣсь вы найдете, продолжалъ онъ, подлинныя обязательства фундаторовъ, всѣ расчеты о фундушахъ и всю переписку о каждой парафіальной школѣ порознь.

Нечего дѣлать! Мы занялись прочетомъ дѣлъ и составленіемъ выписокъ, въ родѣ докладныхъ записокъ, о такихъ училищахъ, которыя намъ должны встрѣтиться на пути къ Кіеву,

и сверхъ того о тѣхъ школахъ, которыя находятся за Кременцомъ, на границѣ Галиціи. Не стать же намъ возиться на дорогѣ съ громадною кучею бумагъ!...

Мы помѣстились на квартирѣ у профессора древней словесности Якубовича, человѣка ученаго, добраго и гостепріимнаго. Къ нему почти каждый день собирались его товарищи по лицею; оставаясь безъ всякихъ служебныхъ обязанностей, они любили потолковать о наукѣ и быломъ, и о томъ, о семъ. Время, проведенное съ ними въ часы моего досуга, я всегда буду вспоминать съ полнымъ удовольствіемъ и благодарностію. Профессоръ физики Абламовичъ, долгое время путешествовавшій по Европѣ на счетъ виленскаго университета, разсказывалъ намъ, какъ очевидецъ, про революцію, бывшую въ Парижѣ 1830 года, про тамошніе физическіе кабинеты, также о шагѣ, который въ новѣйшее время сдѣлала любимая имъ наука; не однократно водилъ насъ въ лицеальный физическій кабинетъ, гдѣ для сюрприза дѣлалъ намъ многіе эксперименты. Въ этомъ кабинетѣ число предметовъ удовлетворительно и соотвѣтствуетъ настоящему состоянію науки. Профессоръ химіи Зѣновичъ, теплый любитель своего предмета, въ дружескихъ бесѣдахъ нашихъ развивалъ намъ быстрые успѣхи этой науки, часто съ жаромъ увлекался въ область системъ и новыхъ гипотезъ, которыя легко и удовлетворительно, по его мнѣнію, объясняютъ многія физическія явленія въ природѣ. Онъ-то неоднократно повторялъ намъ свое убѣжденіе, что кременецкія горы, идущія къ Дубну, произошли чрезъ посредство вулканическихъ силъ и образовали провалъ, въ которомъ построенъ Кременецъ, и что этотъ провалъ можетъ быть засыпанъ упомянутою цѣпью горъ наравнѣ съ горою королевы Боны, такъ что отъ нихъ ни пылинки не останется, съ прибавкою къ тому кучи камней, находящихся при въѣздѣ въ Кременецъ. Говорятъ, что онъ для вѣрности своего предположенія измѣрилъ и высоту и цѣпь горъ, простирающихся на нѣсколько верстъ.... Профессора математики Гречина и Вижевскій сообщали намъ о новыхъ пріемахъ и открытіяхъ, сдѣланныхъ ими и другими математиками въ анализѣ,

которые усовершенствовали теорію этой важной отрасли наукъ. Бесѣды эти были и по вечерамъ, во время чая, и по очереднымъ обѣдамъ. Къ намъ иногда присоединялись отставные профессора, уже давно выслужившіе эмеритуру, т. е. пенсіонъ, сохранивъ и прежній свой костюмъ, и свои длинные волоса, разсыпавшіеся по плечамъ, и свою степенную важность, и свою трость. Бесѣда съ ними была также поучительна въ ученомъ, педагогическомъ и психологическомъ отношеніи. Для освѣженія отъ нестерпимаго жару иногда мы всѣ вмѣстѣ ходили купаться въ тинистой рѣкѣ Иквѣ, текущей мимо Кременца на полутораверстномъ отъ него разстояніи. Порою, по утрамъ, обозрѣвали мы лицеальную библіотеку, богатую числомъ книгъ, библіотеку, составленную разными образами бывшимъ генеральнымъ визитаторомъ Ѳаддеемъ Чацкимъ. Въ этой библіотекѣ храмится бронзовый бюстъ и сердце Чацкаго...

Тадеушъ Чацкій.

Чтобъ имѣть свѣдѣнія объ основаніи и развитіи учебныхъ заведеній въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, нужнымъ считаю предложить здѣсь краткое описаніе жизни Чацкаго. Свѣдѣнія о немъ я собралъ изъ актовъ эдукаціонной коммисіи, разсказовъ отставныхъ профессоровъ, живущихъ въ Кременцѣ и знавшихъ его лично, и занисокъ бывшаго латинскаго законоучителя Оссинскаго.

Тайный совѣтникъ и кавалеръ Бѣлаго Орла и св. Станислава 1-й степени, Тадеушъ Чацкій родился 28 іюля 1765 года, въ мѣстечкѣ Порыцкѣ, волынской губерніи, владимірскаго уѣзда. Съ первыхъ дней своего дѣтства онъ испытывалъ горести сиротства. Отецъ его, коронный подчашій Феликсъ, содержался въ Бродахъ подъ стражею за политическія мнѣнія свои, а мать отъ душевной скорби умерла. Въ этихъ несчастныхъ для него обстоятельствахъ, дядя увезъ его, вмѣстѣ съ братомъ, въ Данцигъ, гдѣ пробылъ съ ними около $4^1/_2$ лѣтъ. Когда снята была опала съ отца его и дозволено было ему возвратиться въ свою вотчину, Порыцкъ, тогда и дѣти его соединились съ нимъ.

Іезуитъ Фаустъ Гродзицкій обучалъ Тадеуша латинскому языку и геометріи, а для нѣмецкаго языка избранъ былъ гувернеромъ Мартынъ Варминчикъ. Юный Чацкій успѣвалъ въ преподаваемыхъ ему предметахъ чрезвычайно быстро, читалъ прилежно латинскихъ классиковъ, помнилъ основательно и подробно все то, что прочиталъ, и сильно напитался духомъ и обычаями римлянъ. Онъ уклонялся отъ забавъ и рѣзвостей, свойственныхъ юношеству, былъ послушенъ къ старикамъ, тихъ и скроменъ. Получаемыя на свои дѣтскіе расходы карманныя деньги употреблялъ онъ благоразумно не по лѣтамъ, а именно: онъ отдавалъ ихъ учителю за обученіе сиротъ чтенію, письму и Закону Божію. Для этой цѣли онъ выпросилъ у отца своего домикъ въ Порыцкѣ, помѣстилъ въ немъ школу и учителя и содержалъ ихъ на своемъ иждивеніи. Эта школа, въ часы его досуга, доставляла ему единственное развлеченіе и несказанное удовольствіе.

На девятнадцатомъ году своей жизни Тадеушъ опредѣлился на службу въ варшавскій коронный судъ, гдѣ пріобрѣлъ практическія свѣдѣнія въ юриспруденціи. Въ досужное время слушалъ лекціи по части исторіи и статистики у Нарушевича и Альбертранди; также покупалъ множество книгъ и рукописей, которыя и отсылалъ въ Порыцкъ.

Горное искусство въ Польшѣ было въ небреженіи; король Станиславъ воскресилъ это дѣло, опредѣливъ въ горную коммисію Чацкаго. Чацкій предложилъ на сеймѣ 1784 года, чтобы послать за границу нѣсколько способныхъ людей для усовершенствованія въ горныхъ наукахъ, пробирномъ искусствѣ и минералогіи. Предложеніе это было принято. Вслѣдствіе сего были отправлены за границу Янъ Мирошевскій, Антонъ Біенковскій, Янъ Окрашевскій и другіе. За отличное устройство самой горной коммисіи Чацкій получилъ отъ короля орденъ св. Станислава 1-й степени.

Вскорѣ послѣ того король Станиславъ, узнавъ честность и безкорыстіе Чацкаго, въ 1786 году опредѣлилъ его подскарбіемъ въ финансовую коммисію. Въ этомъ званіи Чацкій объѣзжалъ польскую Украину, съ тѣмъ, чтобъ составить проэктъ улуч-

шенія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, которыя потребны для успѣшнаго движенія торговли; пожертвовалъ собственныхъ десять тысячь червонцевъ для составленія подробной гидрографической карты веей Польши, умножилъ государственные доходы посредствомъ лотерейной игры, подалъ Посполитой Рѣчи проэктъ объ образованіи евреевъ, описалъ Краковъ и привелъ въ порядокъ и извѣстность рукописи, которыя до того хранились въ сырыхъ подвалахъ тамошнихъ монастырей.

Въ эпоху тарговицкой конфедераціи, Чацкій долгое время проживалъ въ Краковѣ; этимъ онъ подалъ поводъ русскому правительству подозрѣвать его въ злоумышленіяхъ противъ короля и Россіи. Вслѣдствіе сего Порыцкъ и все его имѣніе конфисковано въ казну. Тогда Чацкій отправился въ Петербургъ, явился къ генералу Зубову(?) и просилъ представить его государю императору Павлу Петровичу. Затѣмъ наряжена была коммисія, подъ предсѣдательствомъ Зубова, которой Чацкій представилъ ясныя доказательства своей невиновности, устраненія отъ всѣхъ партій, раздиравшихъ Польшу, свои занятія объ устройствѣ разореннаго своего имѣнія, свои труды по составленію ученыхъ записокъ, которыя онъ велъ, пользуясь книгами тамошней библіотеки и совѣтами тамошнихъ профессоровъ академіи. Вотъ какая была цѣль пребыванія его въ Краковѣ.... Коммисія признала его невиннымъ; императоръ Павелъ приказалъ возвратить ему конфискованное имущество, принялъ его милостиво, благосклонно и пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника, съ предложеніемъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ.

По случаю священнаго коронованія императора Павла I-го, 2 апрѣля 1797 года, Чацкій чрезъ князя Куракина повергнулъ монаршему престолу всеподданнѣйшую просьбу поляковъ, жившихъ на Волыни, въ Подоліи и кіевскомъ намѣстничествѣ, въ которой испрашивалъ: 1) милостиваго забвенія прошедшаго тѣмъ полякамъ, которые политическими своими поступками заслужили кару законовъ; 2) перенесенія архива республики, подъ названіемъ «Метрика», въ которой хранятся документы о поль-

скомъ дворянствѣ и привиллегіи на ихъ имущество, въ западныя провинціи; 3) возобновленія присутственныхъ мѣстъ на правахъ польскихъ, которое желала произвести еще Екатерина Великая, но не успѣла по причинѣ смутъ и неустройства въ западныхъ провинціяхъ; 4) дозволенія дворянамъ упомянутыхъ провинцій выбирать изъ среды себя маршаловъ, судей, исправниковъ и другихъ чиновъ въ повѣтахъ и 5) производства всѣхъ судебныхъ дѣлъ на польскомъ языкѣ, для уничтоженія затрудненій, происходящихъ отъ незнанія русскаго языка.

Этотъ всеподданнѣйшій докладъ Чацкаго императоръ Павелъ благоволилъ утвердить во всей силѣ. Тогда-то Костюшко былъ освобожденъ отъ строгаго заключенія въ петропавловской крѣпости; поляки, сосланные въ разныя времена за политическія свои мнѣнія въ Сибирь, были возвращены на родину; производство дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ и обученіе юношества въ школахъ началось на польскоиъ языкѣ. Такимъ образомъ уничтожилось намѣреніе Екатерины II-й, желавшей при самомъ началѣ присоединенія этихъ провинцій къ Россіи, привить въ жителяхъ ихъ духъ господствующаго народа посредствомъ могучихъ средствъ: ученія и судопроизводства, чѣмъ, можетъ быть, устранились-бы смуты и кровопролитіе, которыя случились въ этихъ странахъ чрезъ 33 года.

По предложенію кіевскаго военнаго губернатора, Чацкій составилъ проэктъ улучшенія торговли на Волыни и въ Подоліи, богатыхъ естественными произведеніями, но громоздкими и не удобными для доставки къ торговому пункту. Этотъ проэктъ состоялъ въ проведеніи шоссе изъ Волыни къ рѣкамъ Бугу и Днѣстру, въ учрежденіи гдѣ либо въ западныхъ провинціяхъ коммерческаго банка, въ расчищеніи рѣкъ такъ, чтобы онѣ могли сдѣлаться судоходными, и другихъ мѣрахъ. Мало того, онъ составилъ компанію съ Држевецкимъ, Подгородинскимъ и другими для закупки пшеницы въ южныхъ повѣтахъ Волыни и Подоліи, учредилъ контору компаніи въ Одессѣ и построилъ купеческій корабль для свозки пшеницы въ Тріестъ, Марсель и италіанскіе

приморскіе города. Это предпріятіе его, не знаю почему, не удалось и лопнуло съ великимъ ущербомъ для компаніи.

Движимый дѣятельностію своего духа [1]), Чацкій вознамѣрился усилить народное образованіе въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ. Для того, сравнивъ воспитаніе юношества въ этихъ провинціяхъ подъ правленіемъ польскихъ королей и подъ властію русскихъ государей, изложилъ письменно причины запутанности въ этомъ важномъ дѣлѣ. Эти причины, по его мнѣнію, были слѣдующія: 1) уничтоженіе эдукаціонной коммисіи, распоряжавшейся учебными заведеніями и ихъ фундушами; 2) малочисленность школъ въ такомъ обширномъ и очень населенномъ краѣ; 3) запрещеніе преподавать польское и римское право и слабое преподаваніе латинскаго языка и 4) недостатокъ системы въ управленіи школами, съ тѣхъ поръ, какъ эти провинціи вошли въ составъ имперіи. Оттого, по выраженію Чацкаго, произошло невѣжество мѣщанъ, произведшее упадокъ городовъ и мѣстечекъ, и слабое движеніе польской словесности и исторіи, сокрытой въ заплеснѣлыхъ рукописяхъ, которыя не имѣли до сихъ поръ другихъ пріютовъ, кромѣ темныхъ и сырыхъ подваловъ.

Записку свою по этому предмету Чацкій препроводилъ въ 1802 году къ бывшему министру просвѣщенія, графу Петру Васильевичу Завадовскому, который, по высочайшей волѣ государя императора Александра перваго, сдѣлалъ Чацкаго генеральнымъ визитаторомъ училищъ кіевской, волынской и подольской губерній, съ чрезвычайнымъ уполномочіемъ открывать частныя пожертвованія на пользу училищъ и вновь устраивать школы въ мѣстахъ къ тому удобныхъ. Эту мѣру русскаго правительства тамошніе жители приняли съ великимъ восторгомъ.

---

[1]) Говоря о дѣятельности Чацкаго по поднятію и расширенію образованія въ юго-западномъ краѣ въ чисто польскомъ патріотическомъ духѣ, авторъ записокъ, призванный для насажденія тамъ-же образованія русскаго, и не подозрѣваетъ ни той ловкой анти-правительственной агитаціи, которую велъ Чацкій и руководимая имъ польская партія, ни той простоты и недальновидности, которыя проявили тогдашніе заправители нашей внутренней политики. *Ред.*

Чацкій въ скоромъ времени собралъ 415,455 злотыхъ 19 грошей (62,318 р. 33½ к. сер.) для устройства волынской гимназіи въ Кременцѣ.

Вскорѣ потомъ по зову Чацкаго, а именно 26-го октября 1803 года, собралось латинское духовенство въ Луцкѣ, подъ предсѣдательствомъ бискупа Каспера Цѣцишевскаго. Это засѣданіе открылось рѣчью Чацкаго, въ которой краснорѣчиво, убѣдительно изложена потребность всякому поляку въ знаніи Закона Божія, рахунковъ или ариѳметики и родного языка. Вслѣдствіе того, Цѣцишевскій, съ единодушнаго согласія волынскаго духовенства, опредѣлилъ открыть при каждомъ костелѣ парафіальную школу, обязавъ каждаго пробоща содержать это учебное заведеніе изъ костельныхъ доходовъ.

При семъ считаю приличнымъ замѣтить, что упомянутое обязательство для латинскаго духовенства не есть новый налогъ; они должны были приступить къ этой мѣрѣ еще прежде, потому что по эрекціямъ, или завѣщаніямъ фундаторовъ костеловъ и монастырей, пробощи и настоятели оныхъ получали деньги, кромѣ для себя, еще и на содержаніе учителей и костельныхъ школъ.

Слѣдуя примѣру волынскаго духовенства, также по настоянію Чацкаго, каменецъ-подольскій бискупъ Янъ Дембовскій извѣстилъ Чацкаго, что и каменецъ-подольское духовенство постановило: взымать десятую часть изъ костельныхъ доходовъ на устройство парафіальныхъ школъ въ Подоліи и хранить эти деньги въ каменецкомъ капитулѣ впредь до востребованія и надлежащаго употребленія. Въ 1804 году этихъ суммъ уже было собрано 10,958 злотыхъ 18 грошей (1643 р. 79 к. сер.). Къ симъ пожертвованіямъ приступило и кіевское латинское духовонство.

Волынское дворянство не только не отстало въ усердіи къ образованію своего края, но гораздо больше превзошло въ томъ и самое духовенство. О пожертвованіяхъ дворянства по каждой изъ трехъ губерній для устройства приходскихъ училищъ я въ свою очередь сообщу подробно.

Чацкій, собравъ всѣ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ дворянъ и духовенства, предположилъ открыть 85 приходскихъ училищъ на Волыни, 26 въ Подоліи и 15 въ кіевской губерніи.

Проэктъ устава о приходскихъ училищахъ, составленный Чацкимъ, высочайше утвержденъ 31 августа 1807 года.

Для устройства повѣтовыхъ училищъ на степени гимназіи Чацкій отправился во Владиміръ-Волынскій, Добровицы, Любаръ, Овручъ, Житоміръ, Бердичевъ. Каневъ, Умань, Винницу и Баръ, чтобы самому лично осмотрѣть зданія, принадлежащія тамошнимъ монастырямъ и ознакомиться съ настоятелями этихъ монастырей. При этомъ визитѣ онъ согласилъ тамошнихъ настоятелей къ ежегодному взносу, для содержанія повѣтовыхъ училищъ, слѣдующихъ суммъ, а именно для владимірскаго 6,900 злотыхъ, добровицкаго 1,900 злот., любарскаго 3,100 злот., овручскаго 900 злот., житомірскаго 1,350 руб. ас. и 375 злот., бердичевскаго 2,500 злот., каневскаго 6,500 злот., уманскаго 2,000 злот., винницкаго 6,787 злот. и барскаго 1,400 злот. Къ тому-же онъ нашелъ въ каждомъ монастырѣ и нѣсколько молодыхъ ученыхъ монаховъ, которые обязались преподавать въ своихъ училищахъ какую либо науку или *gratis,* или за весьма умѣренную плату.

Проэктъ устава повѣтовыхъ училищъ, составленный Чацкимъ по совѣту извѣстнѣйшихъ въ то время ученыхъ мужей въ Польшѣ, получилъ высочайшее утвержденіе также въ 31 день августа 1807 года.

Окончивъ дѣла по этому предмету, онъ обратился къ патріотическому чувству дворянъ кіевской и подольской губерній, приглашая ихъ къ пожертвованію на святое дѣло воспитанія юношества въ этихъ провинціяхъ. Вслѣдствіе этого умнаго, пламеннаго воззванія, кіевское дворянство пожертвовало единовременно по одному рублю ассигн. съ каждой ревизской души, что составило капиталъ 46,2000 р. ассигн. для устройства въ Кіевѣ гимназіи на особыхъ правахъ и въ помощь другимъ училищамъ, а подольское дворянство взнесло 15,000 руб. ассигн. для основанія въ Винницѣ гимназіи и другихъ училищъ въ

Подоліи. Сверхъ того, въ то-же время графъ Феликсъ Потоцкій обязался ежегодно уплачивать съ каждой ревизской души своихъ крестьянъ, находящихся въ кіевской и подольской губерніяхъ, по 5 коп. ассигн. для содержанія училища въ Немировѣ.

Бывшій министръ просвѣщенія, графъ Завадовскій, получивъ донесенія о сихъ пожертвованіяхъ дворянъ, всеподданнѣйше доложилъ о томъ государю императору Александру I-му. Волынское, подольское и кіевское дворянство получило за то монаршее благоволеніе, а съ этимъ вмѣстѣ и Чацкій получилъ особенный высочайшій рескриптъ, въ которомъ было изъявлено ему милостивое благоволеніе за неусыпные труды его по этому предмету.

Г. Ярковскій, бывшій префектъ волынскаго лицея, съ восторгомъ, со слезами на глазахъ, повѣтствовалъ мнѣ о торжественномъ открытіи волынскаго лицея въ Кременцѣ. Уставъ лицея былъ высочайше утвержденъ еще 19 декабря 1803 года, а открытіе онаго послѣдовало 1-го октября 1805 года. Еще заблаговременно прибылъ въ Кременецъ Тадеушъ Чацкій, бойкій, мудрый, величавый Чацкій, для предварительнаго распоряженія и устройства этого народнаго торжества, а потомъ къ назначенному дню пріѣхали: бискупъ Цѣцишевскій съ викаріемъ Полимовскимъ и неизчетное число канониковъ и пробощей, волынскій губернаторъ, графъ Мнишекъ (?) изъ Вишневца, графъ Хоткевичъ изъ Млынова, князья Любомирскіе и великое число владѣльцевъ волынскихъ изъ Владиміра, Луцка, Острога и Стараго Константинова, словомъ: «изъ цалего свята». Когда собралась публика въ лицеальную залу, то Чацкій, взошедъ на каѳедру, произнесъ рѣчь, исполненную богатыхъ мыслей о воспитаніи вообще, о пользѣ просвѣщенія, прославлялъ монарховъ русскихъ: Екатерину Вторую, Павла перваго и Александра перваго за милости ихъ къ полякамъ, тепло, сильно величалъ дворянство западныхъ губерній за любовь къ просвѣщенію, за ихъ жертвы на пользу онаго; съ живымъ вдохновеніемъ начерталъ счастливую судьбину будущихъ поколѣній въ этихъ провинціяхъ, ихъ благосостояніе, ихъ богатство, которыя, съ по-

мощію науки, извлекутся изъ нѣдръ плодоносныхъ равнинъ, изъ утесистыхъ горъ, дремучихъ лѣсовъ, кристальныхъ водъ, прозрачной атмосферы. Графъ Завадовскій, получивъ отъ Чацкаго эту рѣчь, благодарилъ его за то восхитительное удовольствіе, которое доставило ему чтеніе этой поэтической рѣчи, уподоблялъ Чацкаго въ краснорѣчіи Геродоту, когда-то повѣствовавшему на Олимпійскихъ горахъ о произшествіяхъ въ Греціи. «Я, заключилъ свой разсказъ Ярковскій, по небытности на лицо директора лицея, Чеха, я, какъ префектъ лицея, принялъ отъ Чацкаго, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, высочайшую грамоту и уставъ лицея....»

Въ лицей поступили преподаватели изъ виленскаго университета, краковской академіи и львовскаго университета, по выбору самаго Чацкаго.

Чацкій озаботился умножить и въ огромномъ количествѣ умножилъ лицей учебными пособіями.

Во первыхъ онъ пріобрѣлъ покупкой за 7,500 зол. червонцевъ у наслѣдниковъ послѣдняго короля польскаго Станислава богатую библіотеку, состоявшую изъ 15,880 книгъ, подаренныхъ заславскою княгинею Сапѣгиною, также множество книгъ, принесенныхъ въ даръ Яномъ Потоцкимъ, Миклашевскимъ и самимъ имъ, которыя онъ или выпрашивалъ у владѣльцевъ, настоятелей монастырей, или тайно похищалъ у тѣхъ, кто почему-нибудь не склонялся на его просьбу. Такимъ образомъ въ самое короткое время библіотека кременецкаго лицея возрасла до 32,468 томовъ. Во вторыхъ умножилъ минцъ-кабинетъ монетами и медалями, которыя онъ купилъ у тѣхъ же наслѣдниковъ короля Станислава за 7,500 зол. червонцевъ. Въ непродолжительное время число монетъ и медалей въ лицеѣ возросло до 20,000 номеровъ. Въ третьихъ выписалъ физическіе инструменты изъ Парижа, самаго лучшаго достоинства. Въ четвертыхъ составилъ минералогическій кабинетъ изъ пожертвованій князя Іосифа Понятовскаго, Сосновскаго, графа Мошинскаго, Валицкаго, петербургскаго купца Ситникова и извѣстнаго ксендза Колонтая, свирѣпаго врага русскихъ... Въ пятыхъ пригласилъ

изъ Кракова ботаника Шейдта, для устройства лицеальнаго ботаническаго сада. Въ шестыхъ, умножилъ доходы лицея пріобрѣтеніемъ кременецкаго староства, которое было до того въ пожизненномъ владѣніи у князя Сангушка. Императоръ Александръ, вслѣдствіе представленія бывшаго министра просвѣщенія графа Завадовскаго по этому предмету, благоволилъ Высочайше утвердить кременецкое староство за лицеемъ въ 13 день октября 1806 года. Въ седмыхъ Чацкій испросилъ дозволеніе оправить базиліанскій монастырь, въ которомъ помѣстилъ волынскій лицей удобно, прилично. Это помѣщеніе лицея послѣдовало также осенью 1807 года, и въ немъ лицей существовалъ до 1833 г., т. е. до времени своего перенесенія въ Кіевъ.

Король Станиславъ Понятовскій, на основаніи постановленія сейма 1770 года, изгналъ изъ Польши іезуитовъ, которые своимъ фанатизмомъ и пронырствомъ сильно содѣйствовали къ ослабленію королевства, а богатое ихъ имущество опредѣлилъ употребить на воспитаніе юношества. Для завѣдыванія этими фондами, онъ учредилъ эдукаціонную коммисію, въ вѣдомство которой передавалъ и другіе эдукаціонные капиталы. По присоединеніи Волыни и Подоліи къ Россіи, эта коллегія перестала существовать, чрезъ то одни капиталы были совершенно утрачены, другіе возросли до неоплатныхъ процентовъ, а нѣкоторые не были обезпечены никакимъ имуществомъ, слѣдовательно могли пропасть у частныхъ лицъ. Чацкій, желая собрать и сохранить эти капиталы, не утруждая другихъ присутственныхъ мѣстъ, кромѣ исполнительной власти, начерталъ проэктъ учрежденія двухъ эдукаціонныхъ коммисій: одной въ Кременцѣ, а другой въ Вильнѣ. Эти коммисіи дѣлятся на два отдѣленія: экономическое и судное. Управленіе коммисіею поручается пяти или болѣе членамъ, выбраннымъ изъ дворянъ, извѣстныхъ своею образованностію и благонамѣренностію. Въ каждой коммисіи должно быть по одному предсѣдателю и секретарю. Императоръ Александръ, 21 декабря 1807 года, вполнѣ утвердилъ этотъ проэктъ. Чацкій былъ избранъ предсѣдателемъ кременецкой эду-

каціонной коммисіи, а членами оной графъ Олизаръ, Борейко, графъ Собанскій, графъ Хоткевичъ и графъ Плятеръ.

Чацкій отлично исполнилъ свою должность предсѣдателя: вновь открывалъ училищные капиталы и какъ тѣ, такъ уже и прежде открытые—или взыскивалъ, или обезпечивалъ на недвижимыхъ имѣніяхъ. Наличныя суммы снова раздавалъ обывателямъ подъ залогъ, для приращенія процентами. Такимъ образомъ неподвижный эдукаціонный капиталъ скоро возросъ до 2,350,000 злотыхъ, или 352,500 руб. сер. Сверхъ того на всѣ обязательства фундаторовъ училищъ Чацкій сдѣлалъ акты и внесъ ихъ въ мѣстныя гражданскія палаты на утвержденіе.

Его стараніемъ открыта гимназія въ Винницѣ 1810 года и преобразована кіевская въ 1812 году, 30 генваря, съ предоставленіемъ этой послѣдней особыхъ правъ.

Всѣмъ извѣстна преданность поляковъ бывшему императору Наполеону, который обольщалъ ихъ обѣщаніями возстановить Польшу. Молодые люди нетерпѣливо ожидали исполненія этихъ обѣщаній, а особливо кременецкіе воспитанники. Вслѣдствіе того, министръ просвѣщенія, въ 1807 году, предположилъ перенесть кременецкій лицей въ Кіевъ, постановивъ причиною тому близость Кременца отъ границы и необходимость надежнаго надзора за духомъ воспитывающагося юношества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, военный губернаторъ, Голенищевъ-Кутузовъ, отъ 27 генваря 1807 года, предписалъ Чацкому отправиться въ Харьковъ и быть тамъ подъ надзоромъ университета. Въ Харьковѣ Чацкій узналъ, что осеннее его путешествіе по кіевской, волынской и подольской губерніяхъ возродило подозрѣніе у его недоброжелателей, которые описали его императору человѣкомъ опаснымъ, сильно поддерживающимъ въ воспитывающемся юношествѣ національность вредную для Россіи. Тамъ посѣщали его профессора университета: Стойновичъ, Рижскій и Тимковскій, входили съ нимъ въ ученыя и политическія бесѣды и плѣнялись его начитанностію, теплотою, благородными движеніями сердца, благоразумными убѣжденіями и искреннею преданностію учрежденіямъ правительства. Такъ прошло три недѣли. Никто не требовалъ

отъ него никакихъ объясненій, никто не излагалъ причинъ, навлекшихъ на него опалу. Считая себя совершенно невиннымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Чацкій послалъ всеподданнѣйшую жалобу государю императору, въ которой просилъ, какъ милости, строгаго, но скораго суда надъ собою. Вслѣдствіе сего императоръ потребовалъ его въ Петербургъ и повелѣлъ графу Кочубею, князю (?) и Новосильцеву разслѣдовать поступки его, которые въ доносѣ были изложены. Здѣсь Чацкій представилъ уважительныхъ свидѣтелей, доказавшихъ, что онъ мирный человѣкъ, всегда уклонялся отъ партій, раздиравшихъ Польшу, всегда въ задушевныхъ бесѣдахъ съ негодованіемъ отзывался о тѣхъ лицахъ, которые смущали поляковъ противъ русскаго правительства и что онъ весь свой досугъ, всѣ свои путешествія по провинціямъ, всю свою дѣятельность болѣе пяти лѣтъ употреблялъ для образованія новаго поколѣнія ко благу страны. Коммисія, убѣдясь очевидными доказательствами въ невиновности Чацкаго, донесла о томъ государю императору, который повелѣлъ освободить его отъ суда, 20 іюля 1807 года, и дозволилъ ему возвратиться на мѣсто прежняго его жительства.

Чацкій, посѣщая часто бывшаго министра просвѣщенія графа Завадовскаго, употребилъ все свое вліяніе на него, чтобы только удержать лицей въ Кременцѣ, присовокупивъ къ тому, что лицей можетъ существовать только въ этомъ городѣ, потому что обыватели къ этому мѣсту привыкли, для этого именно мѣста опредѣлили фундуши и что въ другомъ мѣстѣ стѣны его будутъ пусты. Министръ рѣшился оставить лицей въ Кременцѣ. Сверхъ того, проживая въ Петербургѣ, Чацкій составилъ проэктъ учрежденія при волынскомъ лицеѣ школы землемѣровъ, каковой проэктъ высочайше утвержденъ 27 іюля 1807 года. Съ этимъ уставомъ Чацкій возвратился на Волынь.

Въ эпоху, когда Наполеонъ пріуготовлялъ грозное свое нашествіе на Россію, когда вызванъ уже былъ въ Парижъ Іосифъ Понятовскій, другъ Чацкаго, для содѣйствія этой цѣли, когда въ западныхъ провинціяхъ снова разлилась молва о скоромъ возобновленіи Польши, именно въ 1810 году, Чацкій снова воз-

будилъ подозрѣніе правительства во враждебныхъ дѣйствіяхъ своихъ противъ Россіи. Его потребовали въ Житоміръ, гдѣ для того наряжена была коммисія. Этой коммисіи поручено сверхъ того еще разслѣдовать: 1) способъ преподаванія наукъ въ волынскомъ лицеѣ соотвѣтствуетъ ли видамъ правительства, 2) удобно ли помѣщается лицей въ Кременцѣ и если не удобно, то гдѣ-бы лучше помѣстить оный и 3) эдукаціонные доходы достигаютъ ли своей цѣли. Чацкій объяснялся сильно, убѣдительно и отчетливо предъ этою коммисіею, и она совершенно его оправдала отъ ложныхъ доносовъ и нашла необходимою потребностію оставить лицей въ Кременцѣ.

Неусыпные труды Чацкаго, понесенные имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ на поприщѣ воспитанія юношества и послѣднія горести пріобрѣли ему глубокое уваженіе волынянъ, и они, соорудивъ на свой счетъ бронзовый бюстъ его, опредѣлили поставить оный въ лицеальной библіотекѣ, имъ созданной и умноженной и сверхъ того въ память этого народнаго торжества выбили медаль.

Чацкій умеръ отъ нервной горячки, 8 февраля 1813 года, скоро послѣ того счастливаго для Россіи событія, когда въ ней не оставалось ни одного непріятельскаго воина. Тѣло его погребено въ Порыцкѣ, а сердце съ великимъ торжествомъ перенесено для храненія въ кременецкій лицей, въ ознаменованіе того, что всѣ его помыслы, всѣ его дѣйствія въ жизни были посвящены на приведеніе этого учебнаго заведенія въ цвѣтущее состояніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО.

(Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній).

Старшій сынъ славнаго гетмана Богдана Хмельницкаго Тимоѳей, по лѣтописному и народному названію Тимошъ, былъ любимцемъ отца и всего украинскаго козачества. Онъ обладалъ недюжинными способностями, воспитался въ лучшей тогда военной школѣ—Запорожьѣ, явилъ не мало опытовъ исполнительности и распорядительности, храбрости и отваги, ума и твердой воли. На него возлагались большія надежды; онъ былъ правой рукой отца и, не умри такъ не во время, могъ бы имѣть рѣшающее вліяніе на положеніе придунайскихъ княжествъ, съ судьбою которыхъ дальновидный политикъ того времени, его отецъ, хотѣлъ связать его судьбу. Живи онъ долѣе, кто знаетъ, иначе, быть можетъ, сложилась бы тогда исторія самой Украйны. Само сватовство Тимоѳея, встрѣчавшее такъ много препонъ, его женитьба, недолгая брачная жизнь и трагическая смерть—все это влечетъ къ себѣ невольное любопытство и представляетъ не малый интересъ. Мы тѣмъ охотнѣе избираемъ эти событія для нашего разсказа, что въ нихъ ярко отразилось тогдашнее политическое положеніе Малороссіи и ея отношенія къ сосѣдямъ вообще, въ частности къ княжествамъ дунайскимъ—Молдавіи и Валахіи.

Для ясности дѣла представимъ прежде въ общихъ чертахъ положеніе тогдашней Молдавіи, ея князя, будущаго свата Богданова, съ семействомъ и самаго Тимоша, героя разсказа. Предваряю, что свѣдѣнія о Тимошѣ я беру у польскихъ авторовъ, которые вообще неблагосклонно относятся къ любимцу «батька Богдана» и украинскаго народа и не скупятся на темныя краски,

но за то дают массу подробностей, которых не находим въ источникахъ южнорусскихъ и безъ которыхъ невозможно было-бы полное освѣщеніе событій и лицъ того далекаго времени.

I.

Въ первой половинѣ XVII-го вѣка Молдавія представляла собою типъ славянскаго государства, съ примѣсью византійско-болгарскихъ формъ, но съ преобладающимъ складомъ и характеромъ этого племени: вверху стояло боярство, большею частію выходцы изъ Галиціи, Польши, Болгаріи и Венгріи; за нимъ слѣдовали свободныя сословія: магилы, земяне и вообще поспольство земли молдавской, съ огромнымъ процентомъ поселенцевъ славянскаго происхожденія, разсѣянныхъ въ массѣ потомковъ древнихъ даковъ; торговое сословіе составляли жиды и армяне, а внизу этой соціальной лѣстницы стояли безправные цыгане. Господствующій языкъ страны былъ славянскій: на немъ писали, молились и говорили.

Кто-бы ни были жители Молдавіи до завоеванія Балканскаго полуострова турками: даки или румыны, половцы или команы, но съ этого періода культурное значеніе ихъ въ развитіи страны постепенно ослабѣваетъ, а въ замѣнъ его усиливаются и колонизація и культура славянъ [1]). Молдавія находилась на рубежѣ двухъ міровъ, христіанскаго и мусульманскаго, и эти міры, сталкиваясь,

---

[1]) Мнѣніе почтеннаго автора объ ослабленіи туземнаго элемента въ Румыніи послѣ нашествія турокъ кажется намъ не вполнѣ точнымъ и нѣсколько преувеличеннымъ; напротивъ, въ это именно время румынская народность проявила наибольшую энергію какъ для защиты своей самостоятельности, такъ и для организаціи своего внутренняго быта. Въ это именно время мы встрѣчаемъ въ Валахіи замѣчательныхъ воеводъ устроителей и организаторовъ своего государства: Мирчу I (1383—1418 гг.) и Раду IV Великаго (1493—1566 гг.), а въ Молдавіи замѣчательнаго политика и законодателя Александра I Добраго (1401—1432 гг.) и славнаго Стефана Великаго (1458—1504 гг.), который въ теченіи 50 лѣтъ отражаетъ съ неистощимою энергіею громадныя силы турокъ, стоявшихъ тогда на высотѣ могущества (Магометъ II и Баязетъ II) и кромѣ того успѣваетъ наносить чувствительныя пораженія венграмъ (у Шкоца 1486 г.) и полякамъ (на Буковинѣ 1494 г.), пытавшимся воспользоваться его затруднительнымъ положеніемъ. Усиленіе славянской колонизаціи и культуры слѣдуетъ относить къ болѣе позднему времени. *Ред.*

истребляли населеніе страны, а уцѣлѣвшую ея часть то и дѣло захватывала орда и продавала на азіятскіе и африканскіе рынки. Опустошенная, но плодородная и богатая страна не могла долго оставаться безлюдной: она привлекала главнымъ образомъ украинскаго хлопа, не мирившагося съ польскими порядками, желавшаго хоть минуту подышать свободой и воспользоваться роскошью страны, не обращая вниманія на то, что ея почва полита кровью и упитана тѣлами предшественниковъ. Туда сбѣгались подолянипъ и волынецъ, галичанинъ и мазуръ, кіевлянинъ и бѣлоруссъ и всякому было мѣсто.

Бувай здоровъ, Ляцькій краю!
Вжежъ я тебе покидаю.
Ой пиду я въ Волощину,
И тамъ же я не загину:
Въ Волощинѣ добри люде,
И тамъ мени гараздъ буде.

Отношенія между населеніемъ Молдавіи и Польши всегда были родственныя и дружескія. Проштрафится ли бояринъ передъ своимъ княземъ, онъ бѣжитъ въ Польшу и всегда находитъ пріютъ у вольнолюбивой украинской шляхты. «Поспольство земли молдавской» было въ Сѣчи, какъ у себя дома, и не разъ съ запорожцами «мигало мушкетными огнями передъ окнами сераля его милости султана». Освободится ли княжескій престолъ въ Молдавіи, друзья-пріятели, либо поляки, либо козаки, съ истинно братской готовностью не только найдутъ кандидата на княжескій престолъ въ осиротѣлой странѣ, но и на собственный коштъ утвердятъ его на немъ, разсчитывая въ будущемъ на щедрыя и богатыя милости отъ своего избранника. Такъ въ половинѣ XVI в. буйный и разорившійся панъ Альбрехтъ Ласскій, желая чѣмъ нибудь поправить свои дѣла, не задумывается съ компаніей сорвиголовъ посадить на княжество какого-то авантюриста Гераклида. Но Гераклидъ кажется боярамъ подозрительнымъ, потому что либеральничаетъ и вводитъ реформы; его выживаютъ изъ страны, и тотъ же Ласскій рекомендуетъ имъ Байду Вишневецкаго. Въ другой разъ приходитъ вѣсть въ польскій лагерь, расположившійся подъ Ярмолинцами (въ Подоліи), что династія Драгошей въ Молдавіи пресѣклась. Скучающее воинство

занялось дѣлами Молдавіи и порѣшило одолжить сосѣднюю страну княземъ. Тамъ же, въ лагерѣ, была волошская хоругвь на службѣ у Польши, а начальствовалъ надъ нею Александръ Лопушнянъ. Онъ то и былъ избранникомъ польскихъ рыцарей. Сказано—сдѣлано. Гетманъ Синявскій отдѣлилъ достаточный отрядъ и послалъ съ нимъ кандидата для утвержденія его на молдавскомъ престолѣ. Сигизмундъ Августъ, находившійся тогда въ Пруссіи, услышавъ эту новость, только диву дался. Потомъ, когда Ивоня узурпировалъ власть въ Молдавіи, отнявши престолъ у Богдана, сына Александра Лопушняна, тогда цвѣтъ пограничнаго польскаго рыцарства заступился за наслѣдника своего кандидата и повелъ утверждать его въ правахъ, и вѣроятно утвердилъ бы, если бы Ивоня, по происхожденію русинъ, силачъ и красавецъ собой, обогатившійся торговлею въ Константинополѣ и купившій тамъ достоинство молдавскаго господаря, имѣя тогда еще фаворъ у Порты, не выпросилъ у нея большаго вспомогательнаго войска. Тотъ же Ивоня, впослѣдствіи проштрафившись передъ своимъ сюзереномъ, долженъ былъ либо лишиться власти, либо объявить себя непокорнымъ вассаломъ. Онъ выбралъ послѣднее и сталъ приглашать добровольцевъ изъ Польши.

Ой мы волохи, мы христіяне,
Да не милують насъ бусурмане,
Вы, козаченьки, за виру дбайте—
Намъ, христіянамъ, на помичъ прибувайте!
А козаченьки за виру дбають,
Волохамъ христіянамъ помичь посылають,
Трублять въ трубы, въ сурьмы выгравають,
Оченьками козаченькивъ зъ Украины провожають.

Долго и упорно онъ боролся съ громадными полчищами падишаха, не смотря на незначительность своихъ силъ, и вѣроятно вышелъ бы побѣдителемъ, если бы не измѣна его друга—гаріи-спуркаты Іереміи Чарнецкаго, подкупленнаго турками, которыхъ онъ пропустилъ черезъ Дунай, разставивъ при этомъ ловушку своему господарю, извѣщая его, что турокъ только 15 тысячъ, когда ихъ на самомъ дѣлѣ было двѣсти. Ивоня ринулся на врага, разсчитывая еще на помощь Чарнецкаго, у котораго былъ 30-ти тысячный

корпусъ, но тотъ помощи ему не далъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его турки самого аттаковали. Ивоня попалъ въ разставленныя сѣти, и конецъ его и его союзника былъ очень печаленъ.

Якъ того пана Ивана,
Що Свирчовского гетьмана,
Да якъ бусурмани піймали,
То голову ёму рубали.
Ой голову ёму рубали,
Да на бунчукъ вишали,
Да у сурьмы выгравали,
Зъ ёго глумовали.

Современникъ такъ разсказываетъ о смерти Ивони: «Капуджи паша, должно быть оскорбленный его рѣчью, не смотря на данное обѣщаніе пощадить жизнь плѣнника, если онъ добровольно сдастся, разсѣкъ ему лицо мечемъ. Раненаго Иваню схватили янычары и полумертвому отрубили голову. Потомъ тѣло его, привязавъ къ двумъ верблюдамъ, разорвали, бросая куски на съѣденіе животнымъ. Голову наткнули на пику, а костями раздѣлились палачи. Кровью убитаго турки намазывали острія своихъ мечей и давали ее пить своимъ конямъ, прося Бога, чтобы онъ внушилъ и имъ, и ихъ конямъ такой же мужественный и рыцарскій духъ». Запорожцы до того проникнулись любовію къ своему союзнику Ивонѣ, что не только избрали своимъ атаманомъ его брата Ивана Подкову, но еще два раза водили его въ Молдавію на престолъ и не ихъ вина, если онъ по своей довѣрчивости и добродушію, какъ тогда говорили, попалъ въ волчьи зубы (т. е. въ руки Баторія, гербъ котораго былъ три волчьихъ зуба). Впослѣдствіи Запорожье не отказалось отъ своей миссіи снабжать Молдавію князьями, потому что пыталось еще возвести на престолъ брата предъидущихъ князей, а потомъ и сына одного изъ нихъ. Въ концѣ уже XVI-го вѣка Янъ Замойскій посадилъ на престолъ Молдавіи Іеремію Могилу, котораго дочь была потомъ въ замужествѣ за воеводой кіевскимъ Михаиломъ Вишневецкимъ, а сынъ, знаменитый Петръ Могила, сталъ кіевскимъ митрополитомъ и связалъ свою родину новыми духовными узами съ своею новою отчизною, которой отдалъ всю свою жизнь. Династія Могилъ вошла въ родство и съ домами поль-

скихъ магнатовъ и укрѣпила связь своей страны съ Польшею и Украйною. Стефанъ Потоцкій и Самуилъ Корецкій были женаты на Могилянкахъ. Послѣдній жестоко поплатился за преданность династіи Могилъ, и вообще Польшѣ дорого обошлась эта фамилія, потому что она была увлечена ею въ войну съ Турціей, кончившуюся цецорскимъ пораженіемъ; только хотинская битва смыла пятно безчестія за цецорское пораженіе, и то благодаря козакамъ и ихъ предводителю Сагайдачному.

Какъ видите, поляки и козаки хозяйничали въ Молдавіи, какъ у себя дома, и ничего нѣтъ удивительнаго, что они дали разрости въ ней такъ буйно славянскимъ элементамъ. Чтобъ ни говорили румынскіе историки, будто ихъ Румынія никогда не была славянской землей, а факты говорятъ противное. Если до турецкаго владычества ее заселяли дако-команы. то во время нашествія мусульманъ значительная часть ихъ выселилась въ Карпаты, а другая въ Балканы. Въ свободныя мѣста постепенно сходились славяне, и хотя южныя степи отданы были турками татарамъ, но и здѣсь запорожцы владѣли оргѣевскимъ и лопушнянскимъ (теперешнимъ кишиневскимъ, приблизительно) цинутами на такомъ-же положеніи, какъ и приднѣпровскими степями. Можно даже думать, что они имѣли здѣсь свои паланки, такъ какъ и теперь въ оргѣевскомъ уѣздѣ, близъ Гиржавскаго монастыря, есть деревня, которая называется «Паланкой»[1]), а ея жители—чистокровные украинцы, сохранившіе всѣ отличительныя черты своего племени, не смотря на окружающее ихъ сплошное молдавское населеніе, не съумѣвшее ихъ ассимилировать.

Религіозная связь Молдавіи съ Украйной была также тѣсна, какъ и національная. Молдавія всегда была страной православной и даже долго была въ зависимости въ церковномъ отношеніи отъ галицкихъ митрополитовъ. Львовъ не только печаталъ богослужебрыя книги для Молдавіи, но даже лилъ колокола, писалъ иконы и пр., а Молдавія, въ свою очередь, отплачивая за услуги сосѣду,

---

[1]) *Паланка* слово турецкое, заимствованное запорожцами; оно означаетъ тоже, что древне-русское *градъ*, т. е. укрѣпленный городъ; городъ турецкій, обнесенный рвомъ, валомъ и палисадомъ, назывался паланка, а цитадель въ немъ *кале.—Ред.*

обучала пѣнію молодыхъ людей, готовящихся быть дьячками на Руси и Украйнѣ.

Не только молдаване, но и ихъ господари принимали самое дѣятельное участіе въ знаменитомъ львовскомъ ставропигіальномъ братствѣ. Александръ Лопушнянъ, гордый и надменный, съ своими боярами не стыдится вписать свое имя рядомъ съ именами «славетныхъ» мѣщанъ города Львова, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ постройкѣ братской церкви во имя Успенія св. Богородицы, устраиваетъ «парастасы» для братства; ставитъ лишь условіе братчикамъ, «ижъ бы ляхове не пришли до церкви у нашемъ законѣ, того ся не годытъ, у стола могутъ сѣдѣти..... и за насъ Бога просити, а сами, ваши милости, пійте и ѣжте и насъ не забувайте». Вникните въ эти и дальнѣйшія его слова: какая близость, сердечность, простота отношеній! Господарь входитъ въ самыя мелочи братской жизни. «Знати даемо», пишетъ онъ братству, «ижъ милостивый Богъ дастъ и той храмъ Божій докончится и будетъ на мѣрѣ своей, а ваши милости смотрите, ижъ правило святыхъ отецъ кажетъ, што не подобаетъ мужамъ вкупѣ съ жонами и дѣвками у въ одномъ мѣстѣ стояти, але мужье ажъ бы стояли унутри церкви, а жоны и дѣвки у притворѣ передъ церковью». Или въ другомъ мѣстѣ такія наставленія читаетъ братчикамъ: «до церкви не ходите, такъ тежъ и звычаевъ христіанскихъ не выполняете, которыи отъ вѣка установлены, свѣчъ, проскуръ не даете, а хоть который рѣдко проскуры пришлетъ, ино такъ велики, якъ яблоко, и тыхъ еще половину до дому несете; и опять попа ни за що маете, а ни въ доми свои у дни недѣльныи и праздничныи для благословенія хлѣба не призываете, штобъ слушно мало быть, а звлаща у дни праздниковъ Господнихъ великихъ мѣли бы есте приносы чинити и вси у единомъ мѣстѣ быти, хвалячи Бога, съ чего бы и попъ споможеніе мети могъ и убогимъ бы давано, которыи не маютъ ничего, а теперь и попъ межи вами только перекупничествомъ живится: самъ идетъ до церкви, а попадья идетъ на рынокъ съ хлѣбомъ и цыбулею, такожъ у другого перекупивши, и што съ того приторгуетъ, тѣмъ ся живятъ».—Могилы, не смотря на свое родство съ аристократическими домами въ Польшѣ и Украйнѣ, вписывались также въ число членовъ львовскаго братства. Однимъ

словомъ: связь между Молдавіей и Польшей, точнѣе русскою частію послѣдней, была самая тѣсная и близкая.

Но эта связь и видимое преобладаніе въ странѣ славянскаго элемента и симпатій были не по вкусу Турціи; съ другой стороны они шли въ разрѣзъ съ пробуждавшимся движеніемъ кореннаго румынскаго населенія. Движеніе это увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ выселившіеся нѣкогда румыны, жившіе въ Карпатахъ подъ именемъ мультянъ, а въ Балканахъ куцовлаховъ, тѣснимые трансильванскимъ княземъ Георгіемъ Ракоцци, который старался навязать имъ Кальвиново ученіе и для скорѣйшаго успѣха своего намѣренія приказалъ перевести на ихъ языкъ священное писаніе и протестантскій катехизисъ, снова стали спускаться съ горъ въ гостепріимное княжество, гдѣ ихъ встрѣчали съ распростертыми объятіями. Въ жизни Молдавіи происходилъ кризисъ: внутри шла племенная борьба, рѣшался вопросъ о томъ, возьметъ-ли перевѣсъ славянскій элементъ или румынскій; извнѣ совершалась перемѣна въ порядкѣ полученія страною князей и усиленія ея вассальной подчиненности. Раньше Турція снисходительно смотрѣла на заигрыванія молдавскихъ князей съ сосѣдними государствами и сохраняла автономію страны; но послѣ того, какъ молдавское господарство стало замѣщаться всевозможными авантюристами, которыхъ сажали на престолъ польская шляхта и козаки, наскучивъ частою ихъ смѣною и встрѣчая между ними непокорныхъ, война съ которыми обходилась дороже получаемаго съ княжества *гарача*, она уже не ограничивалась утвержденіемъ избраннаго боярами князя, но стала просто назначать князей въ Молдавію, выбирая въ это званіе людей, которые вели бы ея политику,—большею частію изъ эпирцевъ, албанцевъ и грековъ. При такихъ-то обстоятельствахъ и изъ числа такихъ избранниковъ Турціи на молдавскомъ господарствѣ является будущій тесть Тимоша Хмельницкаго, Василій Лупулъ.

Албанецъ, а можетъ быть и арнаутъ, или, какъ иные думаютъ, сербъ либо сербо-албанецъ изъ Эпира, Василій Лупулъ, попавъ въ Молдавію, умомъ, ловкостію и изворотливостію изъ невиднаго положенія достигъ высокихъ степеней въ княжествѣ. Ставъ «вистерникомъ», или министромъ финансовъ при господарѣ Граціани, онъ угодилъ въ тюрьму по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ и погибъ бы безслѣдно, если бы не ги-

бель самого Гаспара подъ Цецорой. Благополучно также пережилъ онъ всѣ послѣдующія княженія: Александра, Иліи, Стефана Тимисевича или Томши, Радо, Мирона Берновскаго, Александра Радо, опять Александра Иліи, опять Мирона Берновскаго и наконецъ Мойсея Могилы, хотя интриговалъ безпрестанно. Противъ Александра Иліи онъ поднялъ знамя возстанія, воспользовавшись народнымъ неудовольствіемъ противъ князя за то, что тотъ навелъ съ собою грековъ и вводитъ въ княжествѣ греческіе порядки, и Александръ Илія лишился престола. Мирона Берновскаго Лупулъ оклеветалъ передъ султаномъ, и бѣдный князь сложилъ свою голову въ Константинополѣ. Къ новому господарю Мойсею Могилѣ, родному брату кіевскаго митрополита Петра, онъ вкрался въ такое довѣріе, что тотъ далъ ему званіе великаго дворника (генералъ-губернатора) и послалъ въ Константинополь хлопотать по своимъ дѣламъ. Но великій дворникъ такъ ловко повелъ дѣло въ Константинополѣ, что вернулся домой воеводою и господаремъ земли молдавской. Достигнувъ края своихъ желаній, Лупулъ сталъ хлопотать о Валашскомъ княжествѣ для своего сына. Но тутъ встрѣтилъ не менѣе ловкаго и сильнаго соперника, въ лицѣ готоваго князя Матвѣя Бессараба. Ни дружба со Стамбуломъ, ни деньги, разсыпаемыя тамъ, ни сѣти, ловко разставляемыя противнику, ничто не помогало: Бессарабъ съ равной ловкостью избѣгалъ разставляемыхъ ему сѣтей и даже формальное предложеніе Порты очистить престолъ умѣлъ обойти. Чтобы подслужиться Турціи и погубить своего соперника, Лупулъ помогъ туркамъ взять крѣпость Азовъ, которою овладѣли было козаки, и убѣдилъ Порту вызвать туда-же, какъ-бы на помощь, Бессараба, дабы тамъ, съ ея же согласія, расправиться съ нимъ, какъ съ ослушникомъ султанской воли. Но Бессарабъ, предчувствуя грозу, не явился и тѣмъ разстроилъ весь планъ Лупула. Послѣднему оставалось добиваться своей цѣли новой выслугой передъ Портой, а такой выслугой могло быть прежде и болѣе всего ослабленіе славянскаго элемента въ княжествѣ, всегда столь опаснаго для прочнаго владычества здѣсь турокъ. И вотъ Лупулъ принялся за расторженіе той связи между молдаванами, поляками и козаками, которая существовала до него. «Новая исторія наша, восклицаетъ одинъ румынскій историкъ, началась не со взятія Константинополя, а со времени штурма, даннаго церковно-славянскому языку, и со времени, когда

мы начали учиться по-романски. Наша новая исторія начинается съ момента, когда Матвѣй Бессарабъ, въ преклонномъ уже возрастѣ, сдѣлался выраженіемъ романскаго народа, когда Василій Лупулъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, сталъ выраженіемъ другой независимой части румынской націи, и когда оба эти великіе воеводы, которыхъ султанъ послалъ сюда царствовать надъ румынами, стали соперничать другъ съ другомъ на поприщѣ интеллектуальной культуры».

Угождая Турціи, не пощадилъ Лупулъ и церковной зависимости Молдавіи отъ славянскихъ іерарховъ. Извѣстно, что молдавская церковь вначалѣ зависѣла отъ галицкихъ митрополитовъ, а потомъ отъ охридскаго архіепископа, именовавшаго себя болгарскимъ патріархомъ. Турція давно стремилась къ тому, чтобы подчинить молдавскую церковь константинопольскому патріарху; но до сихъ поръ это какъ-то не удавалось. Лупулъ провелъ эту мѣру и по особымъ еще личнымъ соображеніямъ. Ему вздумалось жениться на черкешенкѣ-мусульманкѣ: православный народъ поднялъ ропотъ противъ своего князя за эту женитьбу, турки въ свою очередь смотрѣли неблагосклонно на этотъ бракъ, потому что правовѣрная мусульманка должна была быть женой гяура, мѣстная же іерархія отказывала въ признаніи законности брака. Лупулъ придумалъ въ высшей степени искусную сдѣлку: подчинясь константинопольскому патріарху, онъ получилъ отъ него разрѣшеніе на бракъ и тѣмъ заставилъ умолкнуть ропотъ у себя дома, а разорвавъ послѣднюю нить, связывавшую Молдавію съ славянствомъ, онъ тѣмъ самымъ примирялъ султана съ своей женитьбой. Помимо этого, за право женитьбы на мусульманкѣ онъ далъ султану «бакшишъ» 50,000 реаловъ и 280 кошельковъ патріарху за церковное разрѣшеніе на этотъ бракъ.

Съ подчиненіемъ молдавской церкви константинопольскому патріарху, и языкъ въ богослуженіи сталъ употребляться румынскій. Но такъ какъ другихъ богослужебныхъ книгъ на румынскомъ языкѣ не было, кромѣ тѣхъ, которыя принесли румыны изъ Трансильваніи, то книги эти, не смотря на то, что были проникнуты Кальвиновымъ ученіемъ, были введены въ общее употребленіе, хотя противъ этого протестовалъ сочавскій митрополитъ Варлаамъ.

Съ этихъ поръ славянскій поселенецъ княжества, лишенный правъ, обездоленный, долженъ былъ скрывать свою національность

и выдавать себя за румына, чтобы имѣть право пользоваться тѣми преимуществами, какія получилъ послѣдній, хотя самъ обладалъ несомнѣнно болѣе высокой культурой. Впрочемъ официальнымъ государственнымъ языкомъ въ Молдавіи до XVIII столѣтія оставался все еще языкъ славянскій, пока князья фанаріоты не замѣнили его греческимъ [1]).

Полная тревогъ и разочарованій и далеко не безгрѣшная жизнь Лупула привела его на путь раскаянія и онъ сталъ набожнымъ человѣкомъ: построилъ Трехсвятительскую церковь [1]) въ Яс-

---

1) Какъ памятникъ господства славянскаго языка въ Молдавіи, въ современномъ молдавскомъ языкѣ, которымъ говорятъ простолюдины, сохранилась масса близкихъ и понятныхъ намъ словъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Воевода—вода, господаръ, бойеръ, ворникъ, постельникъ, стольникъ, ключеръ, поцы, неваста (невѣста), кумытру (кумъ), иконы, числы, букеле, словеле, читаторъ (чтецъ), лѣтописцулъ, сута (сто), басне, стихуръ, повѣсти, преданіеле, карти (книги), гришала (грѣхи, ошибки), гласъ, образъ, плети (длинные волосы), разбой (война), войникъ (воинственный), витязь, раны, духъ, юбовникъ (любовникъ), тыргъ, ярмарокъ, свеклы, гыски, борщъ, прысбы, стылпъ (столбъ), свѣшникъ, стрѣшникъ (застрѣха), осыи (оси), темницы, скицы (спицы), лопаты, грабли, плугъ, бразды, весли, цѣлины, бороны, снопъ, чоботи, перины, кожохъ, сукманъ, сподницы, простиры, бичужка (бичъ, кнутъ), барда (топоръ), косыи (косы), клешни, скобы, свердель (буравъ), жаратикъ (жаръ), время, забавы, обычей, нетребникъ (негодный), вѣчникъ (вѣчный), иткусыть (искусный), жидиторъ (зиждитель), страшникъ, образникъ (безобразный) и проч.

1) Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Анатолій Демидовъ, посѣтивъ Яссы, такъ описываетъ этотъ храмъ:

„Въ столицѣ Молдавіи мало церквей, и изъ существующихъ отличается красивая церковь, слишкомъ любопытный памятникъ, чтобъ путешественникъ не помянулъ о немъ. По мѣстному обычаю, она окружена кельями монаховъ; построена во имя трехъ святителей: святаго Василія, святаго Іоанна Златоуста, этого восточнаго Боссюэта, и святаго Григорія Богослова. Церковь построена изъ превосходнаго камня; двѣ высокія башни возносятся надъ ней. Весь фронтонъ постройки, украшенный арабесками, верхъ совершенства лѣпной работы; узкія окна пропускаютъ слабый свѣтъ, который едва борется съ свѣтомъ свѣчей и лампъ, горящихъ днемъ и ночью подъ сводами церкви.

Церковь заложена воеводой Василіемъ около 1622 года [?]. Внутри ея былъ придѣлъ весь вызолоченный, но три пожара и татарскія нападенія, не считая землетрясенія въ 1802 г., совершенно его разрушили. Трехсвятительская церковь, „Трифстители“. какъ ее называютъ въ Яссахъ, владѣла большими сокровищами, остатки которыхъ сохранились и до-нынѣ. Найкрасивѣйшимъ изъ такихъ остатковъ, безъ сомнѣнія. считается собраніе картинъ, вышитыхъ рукой княгини Тодоры, жены Василія, набожнаго создателя храма. Картины эти рѣдкой красоты, представляютъ въ натуральную величину самую

сахъ, завелъ при ней училище и типографію, выкупилъ мощи св. Параскевіи у турокъ за триста кошельковъ и перенесъ ихъ изъ Тырнова въ новопостроенную Трехсвятительскую церковь, гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ; построилъ монастырь—Галію и церкви въ Оргѣевѣ и Киліи. Слава о его благочестивыхъ дѣлахъ выходила за предѣлы его княжества; но благочестивѣйшій царь московскій Алексѣй Михайловичъ очень заподозрилъ чистоту сихъ дѣлъ, когда архидіаконъ Алеппскій, сопровождавшій въ путешествіи антіохійскаго патріарха Макарія, разсказалъ ему, что Лупулъ, крася свои сѣдые волосы, ходитъ въ церковь въ колпакѣ, чтобы не изобличить себя.

Молдавскіе историки первые годы княженія Лупула считаютъ счастливымъ временемъ для Молдавіи и утверждаютъ, что, благодаря миру, земля стала населяться и благосостояніе страны увеличиваться; но они-же говорятъ объ огромныхъ податяхъ и налогахъ и несмѣтныхъ сокровищахъ, которыя скопилъ себѣ этотъ господарь. Лѣтописецъ Іоаннъ Некульча прославляетъ Василія Лупула за то, что, по его ходатайству, Молдавія была освобождена на три года отъ взноса податей Турціи и что онъ ввелъ въ расходы своего дворца большую экономію: «одѣвался не въ соболи, а въ лисьи мѣха и тратилъ на содержаніе своего дома по два червонца въ

княгиню, талантливую художницу, которая съумѣла придать жизнь портретамъ, вышитымъ золотомъ, атласомъ и шелкомъ, сына ея старшаго и двадцати семи его дѣтей. Одѣяніе боярина, хранящееся тамъ-же, имѣетъ большее сходство съ венгерскимъ, нежели съ восточнымъ. Въ той богатой базиликѣ сохранялся портретъ самого воеводы, но двадцать лѣтъ тому назадъ кѣмъ-то украденъ.

Цѣлую касту, завѣдывавшую церковнымъ казнохранилищемъ, обвинили за пропажу этого памятника, и не даромъ, потому что обвиненіе было не безъ основанія, такъ какъ платье и шапка воеводы были вышиты дорогимъ жемчугомъ. Но если портретъ воеводы за свои богатыя украшенія поплатился, то другой альфреско, представляющій воеводу молящимся, остался нетронутымъ. На портретѣ изображенъ тотъ моментъ, когда воевода преподноситъ въ лѣвой рукѣ оконченную церковь для посвященія патронамъ ея и святители съ высоты благословляютъ ее. Мало того, Василій, построивши храмъ Божій, всякій разъ его украшалъ. Съ давнихъ поръ мощи святой Веперанды, т. е. досточтимой Параскевы) находились въ рукахъ турокъ. Василій выкупилъ ихъ отъ невѣрныхъ и торжественно перевезъ въ христіанскую землю; самъ султанъ провожалъ ихъ до границы своей имперіи. Такова легенда, которую уясняютъ два изображенія надъ богатой ракой, въ которую положены мощи—предметъ общаго почитанія вѣрныхъ.—Anatole de-Demidoff. Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée.—Paris, 1854 г., стр. 162—164.

день». Но польскіе очевидцы, присутствовавшіе на свадьбѣ старшей дочери Лупула Маріи, были поражены роскошной жизнью молдавскаго князя, а ихъ то, кажется, трудно было удивить, потому что польскіе магнаты поражали своей роскошью всю Европу. По свидѣтельству одного изъ нихъ, присутствовавшаго на аудіенціи у Лупула, «магнифиценція господарская была достойна удивленія на немъ было платье такое же, какъ у турецкаго царя, и лучшаго, кажется, не было ни у одного монарха. Пошито оно было изъ альтенбаса (парчи), вышитаго золотыми цвѣтами, толщиною въ палецъ, подбито собольимъ мѣхомъ и застегивалось двумя брильянтовыми застежками дорогой цѣны».

И счастливыя времена въ Молдавіи при Лупулѣ сомнительны, потому что тотъ-же Алеппскій архидіаконъ, похваляя набожность Василія, не оставляетъ безъ замѣчанія, что благочестивый и христолюбивый воевода въ свое царствованіе казнилъ лютыми муками до четырнадцати тысячъ человѣкъ.

Василій Лупулъ считается еще и первымъ законодателемъ Молдавіи; но изданные имъ законы заимствованы изъ разныхъ источниковъ, несогласованы между собою и представляютъ собою смѣсь варварства съ идеями гуманными. Вотъ нѣкоторыя изъ статей этого сборника: «Кто покусится уворовать воловъ и, прогнавъ пастуха, оставитъ стадо безъ присмотра, выколоть глаза. Вырубившему виноградныя лозы и фруктовыя деревья отрѣзать руки и взыскать съ него убытки. За двоеженство или двоемужество виновный сажается на осла голымъ и во время шествія по улицамъ подвергается бичеваніямъ. Цыганъ, цыганка или ихъ дѣти за первые три воровства гуся или другой живности не подвергаются наказанію; за воровство же предметовъ судятся, какъ воры. Кто по крайней бѣдности украдетъ не болѣе того, сколько нужно, чтобы поѣсть или одѣться, тотъ прощается. Судья скорѣе долженъ оставить свой постъ, нежели обвинить невиннаго по требованію власти. Кто подъ вліяніемъ страсти поцѣлуетъ встрѣтившуюся ему на дорогѣ дѣвушку, тотъ не наказывается».

Мы привели все, что могли собрать о будущемъ сватѣ Богдана, тестѣ его первенца; возвратимся къ его политикѣ.

Борьба Лупула съ Бессарабомъ не прекращалась. Усердная служба его султану не дала ожидаемыхъ результатовъ: Матвѣй

Бессарабъ сидѣлъ прочно на своемъ мѣстѣ и не думалъ уступать онаго наслѣднику Василія. Тогда послѣдній, по примѣру своихъ предшественниковъ, обратилъ свои взоры на Польшу, ожидая отъ нея помощи. Въ союзѣ съ Москвой и другими Польша готовилась въ то время къ крестовому походу противъ Турціи; король выдалъ запорожцамъ деньги на постройку чаекъ, нужныхъ для этого похода. Въ столь рискованномъ дѣлѣ важенъ былъ союзъ и молдавскаго господаря, а онъ имѣлъ свои виды и чтобы вѣрнѣе заручиться помощью Польши, рѣшилъ выдать старшую свою дочь Елену за Януша Радзивилла, литовскаго гетмана. Три года уже Радзивиллъ добивался руки дочери Лупула, но тогда Лупулъ еще не рѣшался на это изъ опасенія Турціи, которая была такъ подозрительна къ бракамъ членовъ господарскаго семейства съ польскими магнатами; ходили притомъ слухи, будто самъ московскій царь желаетъ просить руки богатой княгини. Но Бессарабъ не давалъ покоя Лупулу, надеждъ на Турцію не было, а московскій царь не слалъ сватовъ, и Лупулъ, стремясь сблизиться съ Польшею, въ январѣ 1644 г. далъ согласіе на бракъ своей дочери съ Радзивилломъ. Свадьба была очень пышная. Женихъ явился съ двумя тысячами свиты, господарь встрѣтилъ его за десять верстъ отъ Яссъ, а при въѣздѣ жениха въ Яссы велѣлъ палить изъ пушекъ. Торжество длилось двѣ недѣли: вѣнчалъ самъ митрополитъ кіевскій Петръ Могила въ церкви Трехъ Святителей, встрѣченный съ великими почестями и пробывшій здѣсь семь дней.

Нечего описывать пышныхъ пировъ, богатаго платья молдавскихъ бояръ и польскихъ пановъ,—все это само собою разумѣется; но вотъ что особо поражало современниковъ на этомъ свадебномъ пиру. «Съ неимовѣрной быстротой являлись на площади громадныя зданія: замки, крѣпости, которые потомъ быстро обращались въ развалины огнемъ и мечемъ. Изъ развалинъ выходили великаны и вступали въ бой со львами и слонами и другими тварями, неизвѣстными въ природѣ. Другіе комедіанты съ низко остриженными волосами. оставивъ только одну длинную прядь ихъ, привязывали ею громадные мельничные жернова на своей головѣ или позволяли разбивать ихъ на своемъ тѣлѣ; наконецъ, пролѣзая въ отверстія жернова, комедіантъ крутился съ нимъ по сценѣ, какъ волчокъ, падая въ концѣ на колѣни передъ господаремъ, чтобы получитъ подачку».

Отпраздновавъ такъ пышно свадьбу своей дочери, Лупулъ, подъ вліяніемъ своего зятя, рѣшился прекратить миръ съ турками; но бояры воспротивились этому и онъ согласился подождать, пока поляки перейдутъ Дунай. Въ это именно время вспыхнуло въ Малороссіи всеобщее народное возстаніе; Польшѣ было уже не до войны съ Турціею. Рѣшеніе бояръ спасло Молдавію отъ страшной бѣды, грозившей ей со стороны Турціи; но на политическую арену, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Лупуломъ, выступалъ другой могучій дѣятель, съ которымъ ему надо было такъ или иначе ладить. То былъ грозный козацкій гетманъ, Зиновій Михайловичъ Богданъ-Хмельницкій, переворачивавшій вверхъ дномъ всю Польшу.

II.

Теперь Лупулъ попалъ въ очень неловкое положеніе: на Турцію разсчитывать было нельзя, а скорѣе можно было опасаться ея, потому что она сильно подозрѣвала его; надежды на Польшу тоже рушились, потому что возстанія Украйны совсѣмъ ее ослабили, и она сама еле дышала. Что оставалось Лупулу, скомпрометировавшему себя передъ Турціей и лишившемуся надежды на помощь своего новаго друга Польши, какъ не броситься въ объятія Богдана Хмельницкаго, военная слава котораго достигла теперь своего зенита? Г. Накко такъ разсказываетъ о сближеніи Лупула съ Хмельницкимъ: «Во время этого похода (подъ Львовъ и Збаражъ) къ Хмельницкому прибыли послы Василія Лупула съ просьбой помочь ему противъ Матвѣя Бессараба. Хмельницкій уклонился, однако, отъ вмѣшательства въ дѣла княжествъ, изъ опасенія вооружить противъ себя Турцію. Когда же Лупулъ представилъ Хмельницкому требуемое имъ разрѣшеніе Порты, то онъ послалъ въ Молдавію сына своего Тимофея, съ помощью котораго Лупулъ взялъ верхъ надъ своими противниками. Во время бытности своей въ Молдавіи Тимофей страстно влюбился въ дочь Василія Лупула Роксанду и требовалъ ея руки, но получилъ отказъ подъ предлогомъ, что султанъ будетъ недоволенъ этимъ бракомъ».

Познакомлю теперь читателя съ женихомъ и невѣстой. О невѣстѣ много говорить не приходится; о ней осталось очень мало свѣдѣній; извѣстно только, что вторая дочь Лупула слыла красавицей и богатой невѣстой. Еще передъ свадьбой ея старшей

сестры отецъ ихъ послалъ въ Варшаву къ королю польскому Владиславу извѣщеніе о предстоящемъ бракосочетаніи своей дочери Елены съ кн. Радзивилломъ. Король, отвѣчая на любезность любезностью, въ свою очередь послалъ своего представителя для участія въ свадебномъ торжествѣ. Выборъ палъ, по просьбамъ родныхъ, на Петра Потоцкаго, брацлавскаго воеводича, снятынскаго старосту, сына будущаго коронnаго гетмана Николая Потоцкаго и роднаго брата Степана, преждевременно погибшаго на Желтыхъ Водахъ. Выборъ былъ мотивированъ еще и тѣмъ, что молодой Потоцкій считался родственникомъ жениха и невѣсты. Его отецъ Николай былъ родной племянникъ Стефана Потоцкаго, женатаго на дочери Іереміи Могилы, бывшаго господаря Молдавіи, дочь Степана Потоцкаго могилянка—Марія вышла замужъ за Януша Радзивилла, который теперь послѣ ея смерти посваталъ дочь Лупула Елену. Родство же невѣсты съ Потоцкими чрезъ Могилъ было Лупуломъ вымышлено изъ тщеславія: онъ почему-то находилъ, что жена его была въ родствѣ съ Могилами. Петръ Потоцкій, исполняя порученіе короля, самъ не забывалъ себя, и на свадьбѣ Радзивилла крѣпко пріударилъ за младшей сестрой невѣсты. Но ему вдругъ сталъ на дорогѣ незнакомецъ, человѣкъ образованный, ловкій, смѣлый, плѣнявшій все общество при дворѣ Василія Лупула. Этотъ рыцарь, явившійся инкогнито, былъ никто иной, какъ Димитрій Вишневецкій, сынъ коронnаго хорунжаго Януша, внукъ по прямой линіи Михаила Вишневецкаго, женатаго тоже на могилянкѣ—Регинѣ и правнукъ Димитрія Вишневецкаго—Байды; онъ то и плѣнилъ сердце молодой княжны Роксанды. Понятно, что Петру Потоцкому пришлось отойти на второй планъ. Разсказываютъ, что былъ еще третій претендентъ на руку молодой «домницы»—самъ гетманъ польный, черниговскій воевода Калиновскій, богатый помѣщикъ въ Покутьи и Подоліи, почтенный старецъ, давно уже овдовѣвшій. Трудно было Тимошу Хмельницкому тягаться съ такими блестящими, сановитыми и богатыми панами, но онъ съ отцемъ крѣпко вѣровали въ свою судьбу; еще такъ недавно въ корсунской битвѣ

Козаки ляхивъ доганяли,
Пана Потоцького піймали,
Якъ барана звязали,
Та передъ Хмельницького гетьмана примчали.

Послѣ свадьбы Радзивилла претенденты на руку Роксанды были непріятно удивлены, узнавъ, что молодая княжна была взята изъ родительскаго дома, завезена въ Константинополь и посажена въ султанскій сераль, въ качествѣ заложницы, потому что новая политика ея отца вводила его въ подозрѣніе у Турціи и послѣдняя требовала гарантіи его вѣрности. Но разнеслись дурные слухи о жизни княжны въ сералѣ; говорили, что она, желая скорѣе вырваться оттуда, поступилась дѣвичьей честью. Турецкія извѣстія, правда, намеками, даютъ этому другое объясненіе: онѣ говорятъ, что агентъ Лупула продалъ Роксанду какому-то пану польскому или венгерскому за 20,000 піастровъ и что послѣ этой сдѣлки Роксанда уѣхала въ родительскій домъ. Здѣсь этотъ панъ предполагалъ обвѣнчаться съ ней, но Тимошъ съ своими домогательствами воспрепятствовалъ этому браку.

Вѣроятно, этотъ панъ былъ никто иной, какъ Петръ Потоцкій, потому что въ 1650 году мы застаемъ жену Василія Лупула съ дѣтьми въ Полыпѣ въ гостяхъ у Радзивилла, родственника Потоцкаго. Тамъ около Роксанды увивался молодой Потоцкій и своимъ ухаживаньемъ только разжигалъ ревность Тимоша и заставлялъ его еще настойчивѣе добиваться руки княжны. Споръ изъ-за обладанія рукою красавицы дошелъ, говорятъ, до самаго султана, который, по словамъ одного польскаго историка, рѣшилъ не отдавать Роксанды ни поляку, ни козаку, а спрятать ее у себя въ сералѣ. Такимъ образомъ Роксанда попала въ другой разъ въ Константинополь.

Перейдемъ теперь къ Тимошу. Польскіе историки аттестуютъ его юношей дикимъ, неотесаннымъ, безъ знанія свѣта и обычая, «лотрикомъ» съ дурнымъ характеромъ. Вслѣдъ за ними и малорусскіе лѣтописцы не лучше отзываются о немъ. Самуилъ Величко говоритъ: «ободва сына Хмельницкаго, Тимошъ и Юрій, были палеводы своевольніе».

Что Тимошъ не былъ салоннымъ кавалеромъ, противъ этого не спорю, я даже допускаю, что онъ любилъ въ товариществѣ выпить и со врагомъ не любилъ церемониться; но это было въ обычаѣ того времени. Развѣ польскіе военачальники и вообще паны въ этомъ отношеніи были лучше его? Самъ гетманъ Н. Потоцкій, по свѣдѣніямъ польскихъ писателей, развѣ не былъ и пьяницей и жестокимъ человѣкомъ? Нѣтъ ничего удивительнаго, что

у Тимоша не было знанія свѣта и обычаевъ съ точки зрѣнія польскихъ пановъ. Вѣдь его еще въ самой ранней молодости отецъ взялъ на Запорожье, а тамъ цѣнилось другое знаніе свѣта и обычаевъ:

Въ насъ у Сичи то и норовъ, хто Отче нашъ знае,
Якъ умывся, вставши вранцй, то чарки шукае,
Чи чарка то, чи ковшъ буде, не глядить перемины;
Гладко пьють, якъ зъ лука бьютъ, до ночнои тûнû.

Изъ Запорожья Тимошъ переѣхалъ въ Крымъ, въ столицу хана, въ среду совсѣмъ неблагопріятную для пріобрѣтенія свѣтскихъ приличій; потомъ лагерная жизнь до самой смерти... Гдѣ и отъ кого онъ могъ пріобрѣсти знаніе свѣта и обычаевъ? Наконецъ, его называютъ дуракомъ, лотрикомъ и «паливодой». Что онъ не былъ дуракъ, это лишне было бы доказывать; достаточно сослаться на тотъ фактъ, что, будь онъ глупъ, Хмельницкій не поручилъ бы ему, крайне юному, такого щекотливаго и важнаго порученія, какъ развѣдываніе новостей въ ханской столицѣ и расположеніе къ союзу съ отцомъ его не только крымцевъ, но и Порты, что Тимошъ выполнилъ блистательно. Укажемъ и другой фактъ: не его ли распорядительностію и энергіею держалась Сочава? Припомните, что Сочава сдалась только послѣ смерти Тимоша. Что онъ былъ «парубокъ моторный и хоть куды козакъ», это мы видимъ изъ трехъ его молдавскихъ походовъ; но чтобъ онъ былъ лотрикомъ и паливодой, этому мы нигдѣ не встрѣчаемъ подтвержденія. А ужъ будьте увѣрены, что если бы онъ былъ такимъ, современныя польскія извѣстія нагромоздили бы цѣлую кучу обвиняющихъ фактовъ, между тѣмъ они оставили только два такихъ факта: будто Тимошъ обжегъ бороду монаху и повѣсилъ мачиху. О первомъ не споримъ,—то могли быть «жарты» козацкіе подъ пьяную руку; но второй фактъ до сихъ поръ возбуждаетъ сомнѣнія. И вообще, могъ ли бы Тимошъ быть такимъ популярнымъ и любимымъ среди козачества, если бы онъ былъ «лотрикъ»; а отецъ довѣрилъ ли бы лотрику, хоть и сыну, исполненіе порученій высокой важности? Мнѣ думается, что онъ скорѣе былъ несчастенъ, чѣмъ «паливода» и «лотрикъ,» что, какъ говорится, сама злодѣйка судьба была противъ него. Въ самомъ дѣлѣ, сколько энергіи и труда онъ потратилъ, пока добился

руки любимой женщины!.. И что-жъ? даже добившись завѣтной мечты, долго ли онъ наслаждался своимъ счастьемъ? Но не буду забѣгать впередъ.

Послѣ извѣстной исторіи съ Чаплинскимъ, Хмельницкій, задумавъ поднять народъ противъ притѣснителей пановъ и уходя отъ ихъ преслѣдованія въ Сѣчь, взялъ съ собою туда и Тимоша, между прочимъ для того, чтобы дать ему возможность получить козацкую полировку и пріобрѣсти звычаи низоваго братства. Изъ Сѣчи онъ отправился въ Крымъ просить у хана помощи, въ виду готовившейся борьбы съ Польшей, и снова взялъ съ собою сына; когда-жъ добился помощи отъ хана, то оставилъ Тимоша въ Крыму на той же квартирѣ у армянина, гдѣ самъ жилъ съ нимъ до выѣзда, обязавъ хозяина квартиры «не безъ дишкреціи обходиться съ своимъ гостемъ». Тимошу и его свитѣ выдавалось все содержаніе изъ ханскаго дворца; сверхъ того ханъ дозволилъ ему «являться передъ свое лицо и зъ мурзами крымскими обознаватися». Какъ ни тяжело было отцу оставлять сына заложникомъ въ рукахъ «тяжкого ворога міра христіанского, царя бусурманского», но онъ зналъ по личному опыту, какъ важно юношѣ знать языкъ и нравы народа, съ которымъ ему впослѣдствіи придется сталкиваться. Пока Тимошъ гостилъ у хана, атаманъ-батько

На жовтимъ писку пидбився,
У города Корсуня зъ ляхами посварився...

Только подъ Пилявой сынъ соединился съ отцемъ, приведя съ собой на помощь четыре тысячи татаръ подъ командой Карабчей-мурзы. Здѣсь, какъ извѣстно, козакамъ досталась несмѣтная добыча. Добыча увеличивалась по мѣрѣ продолженія побѣдоноснаго похода Хмелкницкаго; съ одного Львова было взято имъ сто тысячъ битыхъ талеровъ, семьдесятъ пять поставовъ сукна и пр., да и у бродскихъ евреевъ тоже пропасть полотна, сукна и кожъ. «Въ Чигринѣ, по словамъ очевидца, было у Хмельницкаго закопано до 20 бочекъ серебра. Турецкихъ лошадей у него было на конюшнѣ 130, богатаго платья 24 сундука». И всю эту добычу онъ поручилъ сыну своему транспортировать, въ то опасное время, въ Переяславъ, давъ ему для этой цѣли отрядъ козаковъ. Тимошъ успѣшно исполнилъ порученіе отца и благополучно доставилъ сокровища по

назначенію. Изъ Переяслава Тимошъ съ отрядомъ козаковъ и ордой Тугая-бея отправился, какъ сказано было выше, на помощь Василію Лупулу, противъ Бессараба и хотя помогъ ему одолѣть противника, но, посватавшись на его дочери, получилъ «гарбузъ».

Лупулъ не особенно опасался послѣдствій этого отказа, онъ сидѣлъ дома тихо и внимательно слѣдилъ за событіями. Онъ зналъ, что Хмельницкій самъ, безъ разрѣшенія Турціи, не посмѣетъ мстить ея вассалу за отказъ въ рукѣ дочери, но боялся союзниковъ гетмана—крымскихъ татаръ, которыхъ онъ могъ легко подговорить «сплюндровать волошскую землю». Поэтому въ 1648 году, какъ только начали проникать слухи въ Молдавію о приближеніи орды на помощь Хмельницкому, онъ сейчасъ «послалъ ко всѣмъ волошскимъ и греческимъ купцамъ, чтобъ они немедленно отступили за Прутъ, потому что уже орда крымская перешла Днѣпръ, только не знаетъ какимъ шляхомъ». А затѣмъ сталъ серьезно готовиться къ отпору, на случай еслибъ хищники пожелали посѣтить его страну, такъ что не на шутку испугалъ сосѣдей этими приготовленіями. «Лупулъ господарь, говоритъ современникъ полякъ, собираетъ войска, очевидно, на насъ. Онъ далъ гетманское званіе и титулъ великаго дворника родному брату своему Петрочайку, а Чогалу прислалъ сюда въ Хотинъ буркулабомъ. Пословъ Хмѣля принималъ съ почетомъ, жидовъ и ляховъ впускать запретилъ». Не смотря на такое почетное принятіе Лупуломъ пословъ Хмельницкаго, послѣдній все таки не забывалъ обиды, нанесенной его первенцу отказомъ въ рукѣ дочери. Въ томъ же извѣстіи польскомъ говорится: «Хмѣль подумывалъ идти въ Молдавію, но Лупулъ послалъ ему подарки и подговаривалъ идти на насъ. Помощь обѣщалъ, если его изберутъ русскимъ княземъ, предлагая господарство Хмѣлю. Эти переговоры ведутся черезъ кіевскихъ монаховъ, отъ которыхъ мы все это знаемъ. Патріархъ бѣжалъ въ Москву и тамъ подговариваетъ царя вступить въ союзъ съ Лупуломъ противъ насъ». Но послѣ зборовскихъ пактовъ опасенія Лупула оправдались: крымская и буджакская орды, союзники Хмельницкаго, возвращаясь изъ Польши, обремененные добычею, разграбили по дорогѣ Бессарабію. «Обиженные жители, по словамъ Накко, бросились тогда въ Яссы къ Василію съ жалобою на татаръ, говоря, что они грабятъ ихъ и уничтожаютъ посѣвы, и Василій приказалъ нѣ-

сколькимъ отрядамъ выступить немедленно для наказанія хищниковъ. Услышавъ кличъ, молдаване, «охотники до добычи», говоритъ Миронъ. бросились изъ городовъ и селъ, каждый какъ могъ, верхомъ и пѣшкомъ, вмѣстѣ съ боярскими слугами и, настигнувъ татаръ при с. Братуленахъ, у Резины, внезапно напали на нихъ, когда они были спѣшившись, начали рубить на право и на лѣво и отобрали у нихъ добычу и плѣнныхъ. Такимъ же образомъ они раздѣлались съ татарами и въ Лопушнѣ. За то, когда татары достигли Буджака, то въ свою очередь послали жалобу крымскому хану, прося позволенія отомстить Василію».

Гетманъ, не мѣшаясь пока въ ссору своихъ союзниковъ съ сватомъ, выжидалъ событій, а теперь, упоенный первыми побѣдами надъ поляками, онъ торжественно вступалъ въ Кіевъ.

Гостившій въ ту пору въ Кіевѣ іерусалимскій патріархъ Паисій выѣхалъ изъ города на встрѣчу ему, вмѣстѣ съ кіевскимъ митрополитомъ, и посадилъ его на саняхъ по правую руку отъ себя. Не смотря на зимнюю пору, народъ несмѣтными толпами повалилъ за городъ и привѣтствовалъ его въ полѣ; академія прославляла его рѣчами и восклицаніями: «ты нашъ Мойсей, освободившій народъ отъ неволи лядской, спаситель, Богомъ данный»! Патріархъ величалъ его свѣтлѣйшимъ княземъ. Въ крѣпости и въ городѣ стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ. «Бестія торжествовалъ»! со злостію замѣчаетъ полякъ современникъ и мѣшаетъ были съ небылицами, заканчивая тѣмъ, какъ патріархъ далъ Хмельницкому разрѣшеніе на бракъ съ Чаплинскою и послалъ ей подарки и три свѣчи, которыя сами загораются, чрезъ особаго посланца, монаха, которому будто-бы Тимошъ опалилъ бороду, напоивши его предварительно водкой.

Между тѣмъ по жалобѣ татаръ на Лупула производилось разслѣдованіе и султанъ, рѣшивъ дѣло въ пользу татаръ, разрѣшилъ хану дать реваншъ Лупулу за избіеніе его орды. Ханъ отправилъ въ Молдавію 20,000 крымскихъ татаръ подъ начальствомъ Калги-султана, пригласивъ при этомъ и своего союзника Хмельницкаго. Теперь наступилъ для гетмана удобный моментъ отомстить за оскорбленіе сына и добиться у Лупула согласія на бракъ Роксанды съ Тимошемъ, а можетъ быть и захватить престолъ молдавскій для союзника болѣе надежнаго, нежели Лупулъ. Мечты Богдана въ эту

пору были самыя смѣлыя, планы самые широкіе; но проникнуть въ его душу никто не могъ.

Якъ изъ низу изъ Днистра тихій витеръ повивае,
Богъ святый знае, Богъ святый й видае,
Що Хмельницькій думае-гадае;
Та не могли знати ни сотники, ни полковники,
Ни джури козацькіи,
Ни мужи громадськіи,
Що нашъ панъ гетьманъ Хмельницькій,
Батько Зиновъ Богдану Чигиринській,
У городи Чигрини задумавъ вже й загадавъ.

Свое неудовольствіе противъ Лупула Хмельницкій такъ выражалъ турецкому посланнику Османъ-агѣ въ Чигринѣ: «молдавскій господарь измѣнилъ его милости султану: онъ задерживалъ его письма и посылалъ въ Польшу«. А потомъ прибавилъ: «поведу Мойсея Могилу на господарство, а султану готовъ отдать не только Польшу, но и Римъ«. Имѣя разрѣшеніе султана на походъ въ Молдавію, Хмельницкій далъ татарамъ въ помощь 16,000 козаковъ. Во главѣ 30 тысячнаго отряда татаръ сталъ Калга-султанъ, а надъ козаками начальствовали: прилуцкій полковникъ Носачъ, полтавскій Пушкаренко и гарматный писарь Дорошенко, сынъ запорожскаго кошеваго Михаила Дорошенка и братъ извѣстнаго Петра. Верховное начальство надъ этими вождями было поручено Тимошу, а самъ гетманъ съ Нурединомъ султаномъ составляли какъ бы резервъ и все время стоялъ подъ Ямполемъ въ наблюдательномъ положеніи, пока Тимошъ и Калга-султанъ «плюндровали» Молдавію. Незначительный по видимому походъ отпечатлѣлся въ народномъ представленіи въ ярко-опредѣленныхъ чертахъ.

Дванадцать паръ пушокъ впередъ себе одославъ,
А ще самъ зъ города Чигрина рушавъ,
За нимъ козаки идуть,
Якъ ярая пчола гудуть;
Котрый козакъ не міе въ себе шабли булатнои,
Пищали семипьяднои,
Той козакъ кій на плечи забирае,

За гетьманомъ Хмельницькимъ у в'охотне війско поспишае.
Оттогди жъ то, якъ до рички Днистра прибувавъ.
На три части козакивъ переправлявъ,
А ще до города Сороки прибувавъ,
Пидъ городомъ Сорокою шанци копавъ,
У шанцяхъ куренемъ стоявъ.

И дѣйствительно, союзныя войска раздѣлились на три отряда: у Ямполя, какъ уже замѣчено, остановился самъ гетманъ съ Нуреддиномъ, а остальные, раздѣлившись у Днѣстра на два отряда, переправились у Сорокъ и Оргѣева и вступили въ Бессарабію. Первый отрядъ татарскій направился къ Сочавѣ, а козаки чрезъ Лопушну на Яссы. Ограбивъ и опустошивъ страну во всѣхъ направленіяхъ и угнавъ множество скота, лошадей и плѣнныхъ, въ томъ числѣ много бояръ и ихъ семействъ, оба отряда сошлись, наконецъ, недалеко отъ Яссъ. Калга-султанъ занялъ позицію на Цецорѣ, а козаки стали на Владникѣ въ Бессарабіи. Застигнутый въ расплохъ, Василій не успѣлъ во время собрать свои войска и потому вынужденъ былъ бѣжать изъ Яссъ».

Жена Лупула съ дѣтьми и богатствомъ спряталась въ Сочавѣ, но, не находя себя въ этой крѣпости безопасной, убѣжала къ зятю своему Радзивиллу въ Польшу, а Лупулъ съ своими придворными укрывался въ буковинскихъ лѣсахъ; ему нечего было и думать защищаться, потому что у него было не болѣе 6 тысячъ войска, а ожидать помощи было неоткуда. Хотя Потоцкій и стоялъ подъ Каменцемъ, но помочь ему не могъ, такъ какъ король строго воспретилъ ему вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи. Вся страна пылала Яссы, оставленные жителями, были разорены и сожжены козаками и татарами; осталось только нѣсколько лавочекъ, да церкви и монастыри, которыхъ козаки не хотѣли разорять. Лупулъ ограничилъ свою дѣятельность тѣмъ, что разсадилъ развѣдчиковъ на высокихъ деревьяхъ въ лѣсу, въ которомъ скрывался, и приказалъ имъ каждую минуту доносить себѣ, въ какомъ мѣстѣ начинается пожаръ. Когда ужъ нечего было жечь и грабить, татары начали склоняться къ миру. Гетманъ чувствовалъ себя въ положеніи торжествовавшаго побѣдителя, могущаго требовать покорности отъ своего противника, такъ недостойно его обманувшаго и такъ грубо оскорбившаго.

А ще одъ своихъ рукъ листы писавъ,
До Василія молдавського посылавъ,
А въ листахъ приписувавъ:
«Эй Василію молдавській,
Господарю волоській!
Що теперъ будешъ думати й гадати:
Чи будешъ зо мною биться,
Чи мириться?
Чи города свои волоськи уступати,
Чи червинцями полумиски сповняти?
Чи будешъ гетьмана Хмельницького благати?»
Тогди жъ Василій молдавській,
Господаръ волоській,
Листы читае,
Назадъ одсылае,
А въ листахъ приписуе:
«Пане гетьмане Хмельницкій,
Батьку Зиновъ Богдану Чигриньскій!
Не буду я зъ тобою ни биться,
Ни мириться,
Ни городивъ тоби своихъ волоськихъ уступати,
Ни червинцями полумискивъ сповняти:
Не лучче-бъ тоби покориться меншому,
Не нужли мени тоби старшому»?

Переговоры о мирѣ шли не долго. Припертый къ стѣнѣ Лупулъ прислалъ просто двухъ бояръ просить пощады. Хмельницкій формулировалъ свои условія коротко: оставляя Лупулу спокойное обладаніе Молдавіей, онъ требовалъ только, чтобы воевода молдавскій выдалъ дочь свою за Тимоша чрезъ три мѣсяца, т. е. сейчасъ послѣ Рождества Христова 1650 г. Лупулъ, заранѣе изъявившій на это согласіе въ униженномъ письмѣ къ Хмельницкому, уплатилъ татарамъ контрибуціи 180 тыс. талеровъ, а 10 тыс. въ подарокъ гетману и обязался отдать въ залогъ четырехъ знатнѣйшихъ бояръ, въ томъ числѣ и своего племянника. Хмельницкаго онъ просилъ объ одномъ, чтобы женихъ, отправляясь на свадьбу, не велъ съ собою козаковъ, а тѣмъ болѣе татаръ, что онъ могъ считать необходимымъ для собственной безопасности въ вынужденномъ бракѣ,

но явился бы къ браку лишь съ почетной свитой, при томъ по польски одѣтый и въ польской компаніи. О послѣднемъ писали современники поляки изъ Львова, прибавляя: «эта свадьба должна праздноваться съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сынъ Хмельницкаго пріѣхалъ на свадьбу съ польской шляхтой и нашей «политикой» (манерами), что ему, вѣроятно, удастся, такъ какъ при немъ есть много шляхты, которая будетъ учить его политикѣ». Чтобы Хмельницкій далъ на это свое согласіе, какъ увѣряли тѣже современники, въ томъ можно крѣпко сомнѣваться, зная его ненависть къ полякамъ и тогдашнее превосходство его въ войнѣ съ ними. Ему впрочемъ и не до того было въ ту пору: война, недавно законченная зборовскимъ трактатомъ, грозила вспыхнуть снова и конецъ ея предвидѣть было трудно. Какъ бы ни было, но относительно Молдавіи и женитьбы Тимоша дѣло казалось покончennымъ, и козаки, «повернувъ о Покровѣ зъ Волохъ, упокоемъ сидѣли въ домахъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ. [1])

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годъ).

3-го іюля текущаго 1887 года исполнится ровно 100 лѣтъ съ того момента, когда покрытые славою кубанскихъ битвъ старшины бывшаго запорожскаго войска, впослѣдствіи незабвенные дѣятели войска черноморскаго—Сидоръ Бѣлый, Антонъ Головатый, Захарій

---

[1]) Заглавіе печатаемыхъ Записокъ принадлежитъ ихъ автору, который самъ опредѣлилъ себя, отмѣтивъ на заглавномъ листѣ, что эти записки „*Трудовъ*“ войска черноморскаго № 2-го конно-козачьяго полка и орденовъ св. равно-апостольнаго князя Владиміра 4-й степени съ бантомъ и св. Анны 3-й степени съ бантомъ и 4-й съ надписью за храбрость кавалера, Александра Михайловича Туренка“.

Другихъ біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ записокъ мы не имѣемъ.

Записки печатаются съ экземпляра, принадлежавшаго самому автору. Это книга въ листъ желтоватой плотной бумаги, заключающая въ себѣ 226 страницъ и оправленная въ корешокъ. Вся она переписана, какъ видно изъ замѣтки въ концѣ, рукою войсковаго урядника Маркіана Скляревскаго; но помѣщенныя въ концѣ примѣчанія, которыя мы ставимъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ подъ чертою, всѣ писаны рукою самаго Туренка. На заглавномъ листѣ, въ серединѣ, рукою писаря выведено: *1838 года;* но былъ ли то годъ окончанія, или переписки всего труда, остается неизвѣстнымъ.

На оборотѣ бѣлаго, предшествующаго заглавному, листа рукою автора сдѣлана слѣдующая надпись:

„Изъ уваженія и любви къ Николаю Христофоровичу Донъ-Дистерло дарю эти записки. Октября 21 дня 1839 г.—Крѣпость Анапа.

А. Туренко“.

Намъ сообщены эти записки для печатанія уѣзднымъ казначеемъ г. Купянска А. В. Жуковымъ, при посредствѣ инспектора народныхъ школъ П. И. Иванова. Приносимъ имъ нашу искреннюю за это благодарность.—*Ред.*

Чепига и др. въ Кременчугѣ получили отъ проѣзжавшей по Малороссіи императрицы Екатерины въ отвѣтъ на поднесенное ей прошеніе именной указъ на новое возрожденіе запорожскаго войска и временное поселеніе межъ р.р. Днѣстромъ и Бугомъ; послѣ чего въ слѣдующемъ году 14-го января возрожденному войску опредѣлено было занять нынѣшнюю Кубанскую Область, собственно Черноморію, по правому берегу р. Кубани. Итакъ 3-е іюля должно служить для черноморцевъ всегда днемъ воспоминанія своего рожденія. Призванные къ новой гражданской жизни козаки вполнѣ оправдали свое назначеніе—среди дикой природы, въ нездоровомъ климатѣ, на глазахъ у врага, ни чѣмъ не уступавшаго имъ въ храбрости и любви къ свободѣ и національной независимости. Съ «рушницею» въ одной рукѣ, въ другой съ плугомъ и косою, черноморцы несли знамя культуры и цивилизаціи; и какъ ни странно въ наше время подобное единеніе меча и плуга, но тогда это было такъ!

Лишь только козаки ступили на почву своего новаго отечества, они сейчасъ-же обставили свою жизнь тѣми святыми для народа атрибутами, среди коихъ жили они у себя на Днѣпрѣ. Въ годъ же переселенія Головатый на свой коштъ создалъ церковь въ Таманн; другая возникла на мѣстѣ теперешняго Ейска; немного спустя поднялъ свои главы громадный екатеринодарскій соборъ, созданный руками козаковъ и простоявшій чуть не сто лѣтъ; онъ кончилъ свое существованіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разрушенный при новыхъ гражданахъ Екатеринодара, которые, придя въ него послѣ того, какъ смолкли громы пушекъ, потрясавшихъ вершины козачей святыни, отнеслись къ нему вполнѣ индиферентно, и многоглавый свидѣтель разсвѣта русской жизни на Кавказѣ сникъ съ лица родной земли! Общая участь русскихъ историческихъ памятниковъ.... Послѣ возникновенія войсковаго собора, новымъ устоемъ черноморцевъ на Кубани былъ войсковой монастырь, ведущій свое начало тоже съ конца прошлаго вѣка. Все это доказывало, что на кубанскомъ берегу стала ногою не дикая орда, или народъ безъ задатковъ гражданственности, нѣтъ—это были тѣ живые корневые отпрыски, коими, какъ древесный организмъ, разрослось русское государство. Вскорѣ послѣ устройства церквей и духовной іерархіи, появились въ Черноморіи школы по куренямъ, благодаря памятной дѣятельности протоіерея Россинскаго; его-же дѣломъ была войсковая гимназія, явившаяся въ г. Екатеринодарѣ около 20-го года. Благодаря Россинскому, войско имѣло до 20 школъ и гимназію, и все это явилось въ 30 лѣтъ послѣ поселенія на

Кубани. Тотъ-же Россинскій завелъ при церквяхъ въ станицахъ нѣчто въ родѣ лѣтописныхъ сборниковъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ основъ, на коихъ зиждется нынѣшнее черноморцевъ.

Черноморское козачество, принесшее съ собою все развитіе бывшаго днѣпровскаго козачества, подъ вліяніемъ своего удаленнаго положенія отъ русскаго народа, географически съ нимъ разобщенное, въ виду грознаго врага, волей неволей должно было сплотиться въ одну тѣсную семью, съ замѣтно развитымъ чувствомъ единенія, особенно въ первые опасные годы своего существованія.

Съ днѣпровскихъ же береговъ занесли козаки обычай, если такъ можно выразиться, или умѣнье отдавать отчетъ себѣ и потомству во всемъ совершенномъ.

Кухаренко былъ ученикъ запорожской школы; его труды остались лучшимъ памятникомъ быта въ первое время житья на Кубани. За нимъ, по важности историческихъ данныхъ, стоялъ до сихъ поръ Короленко; третьимъ черноморскимъ писателемъ былъ высокообразованный ученикъ новой школы, Попка; его трудъ носитъ болѣе беллетристическій характеръ; но по теплотѣ чувства, образности разсказа онъ просто неподражаемъ!—Въ послѣднее время особенно выдается своею дѣятельностью Фелицынъ; его дѣятельность больше издательская; потомство оцѣнитъ его добросовѣстность, энергію и неподражаемую любовь къ своему дѣлу. Наконецъ въ среду поименованныхъ писателей теперь долженъ вступить еще Туренко, трудъ котораго, проблуждавъ по бѣлу свѣту 48 лѣтъ, теперь находитъ себѣ мѣсто въ печати. Туренко будетъ лучшимъ дополнителемъ сочиненія Короленка. Его трудъ носитъ чисто лѣтописный характеръ. Конечно, если говорить подробно, то можно бы было найти въ немъ много недомолвокъ, компромиссовъ, подъ-часъ странностей; но, смотря на произведеніе его, какъ на историческій матеріалъ, мы всегда вынесемъ изъ чтенія его глубокую благодарность автору за его сообщенія. Нѣкоторые взгляды автора, тамъ, гдѣ онъ выходитъ изъ лѣтописной колеи, объясняются хорошо положеніемъ его и обстоятельствами; такъ онъ, приступивъ къ труду, пишетъ вообще о козачествѣ, при чемъ повторяетъ общее ходячее мнѣніе о немъ: въ началѣ онъ какъ-бы строгій критикъ козачества—оно у него не симпатично, разбойничаетъ, грабитъ и болѣе ничего; но вскорѣ за тѣмъ козаки—доблестные, храбрые и войско запорожское—«славное», и самъ Потемкинъ-Таврическій «подъ своимъ начальствомъ желалъ имѣть сихъ храбрыхъ воиновъ».

Не забудемъ, что Туренко написалъ свой трудъ въ 1838 году или нѣсколько ранѣе. Вниманія заслуживаютъ также собственноручныя его замѣчанія въ концѣ труда, гдѣ имѣются извѣстія, не передаваемыя нигдѣ въ другихъ сочиненіяхъ и почерпнутыя авторомъ изъ разсказовъ своихъ сослуживцевъ-односумовъ. Такимъ образомъ историческая черноморская литература пополняется еще однимъ значительнымъ трудомъ, притомъ выходящимъ въ то время, когда войско, о которомъ онъ повѣствуетъ, можетъ закончить сто лѣтъ своего существованія и теперь въ спокойныя минуты помянуть всѣ бури и несчастья, коими полна каждая страница лѣтописи Туренка.

Происхожденіе козаковъ, обитавшихъ за днѣпровскими порогами, покрыто неизвѣстностью. Ученые писатели, основываясь на догадкахъ весьма темныхъ, полагаютъ достовѣрнѣйшимъ появленіе ихъ въ сихъ мѣстахъ около XV вѣка. Возникшіе во время войнъ сосѣдственныхъ государствъ запорожцы никогда не составляли народа отдѣльнаго; но число ихъ безпрерывно увеличивалось выходцами изъ Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи, Булгаріи, отъ татаръ и даже отъ европейскихъ державъ. Не имѣя никакого постояннаго учрежденія, они раздѣлялись на женатыхъ и холостыхъ: женатые поселились между Днѣпромъ и Бугомъ, а холостые на Хортицкомъ островѣ устроили первоначально свою Сѣчь [1]), которую въ послѣдствіи времени,

---

[1]) Сѣчь запорожскихъ козаковъ подробно описываетъ г. Бантышъ-Каменскій въ своей Исторіи Малой Россіи, во 2 части, главѣ 25. Изъ дѣлъ же войсковаго архива видно, что Сѣчь Запорожская, или главный кошъ (станъ) козаковъ имѣлъ, кромѣ хижинъ жителей, постоянно въ ономъ обитавшихъ, еще 38 куреней (домовъ), кои занимали козаки, избранные на службу изъ куренныхъ слободъ и что куренные атаманы и каждый курень носилъ имя той слободы, атаманъ которой въ немъ жилъ. Все войско запорожское было поселено въ 38 куренныхъ слободахъ и прилежавшихъ къ онымъ хуторамъ, по степи разсѣянныхъ, которыя получали названіе или отъ строителя, или отъ отчества перваго основателя онаго, или отъ верховнаго главы Сѣчи. Всѣ эти курени составляли Сѣчь. Начальникомъ Сѣчи былъ кошевой атаманъ, избираемый голосомъ старшинъ и народа, а въ помощники ему избирались изъ опытнѣйшихъ и грамотнѣйшихъ войсковый судья и войсковый писарь, и сіи три лица составляли правленіе запорожцевъ. Курени раздѣлялись на дное. Въ однихъ, по слободамъ и хуторамъ, жили козаки семейные, хозяева постоянные, въ другихъ же бездомки (въ малороссійскомъ нарѣчіи *сиромы*, т. е. холостые), которые вели жизнь оди-

смотря по обстоятельствамъ, произвольно перемѣняли. Никому не подвластные, они вели жизнь дикую, воинственную, свободно избирая атамановъ. Запорожцы, подъ предводительствомъ ихъ, сражались противу поляковъ, турокъ, татаръ, нападали даже на россійскія владѣнія; вездѣ грабили, опустошали, уводили въ плѣнъ мирныхъ жителей и жестокими разбоями сдѣлались страшны для своихъ сосѣдей.

По присоединеніи къ Россіи всей Малороссійской Украины (1653-го) государи россійскіе старались всѣми средствами покорить ей мужественный народъ своему единодержавію. Неоднократно послы царскіе успѣвали исторгать у запорожцевъ клятву быть вѣрноподданными Россіи; но своевольные, мятежные, не долго сохраняли оную, снова буйствовали, снова занимались разбоями, набѣгами и не было возможности обуздать ихъ дикую волю. Наконецъ императрица Екатерина II рѣшилась покорить ихъ силою оружія и—счастливо исполнила. Въ 1775 году она повелѣла генералъ-поручику Текелію занять ихъ Сѣчь многочисленными регулярными войсками и манифестомъ 3-го августа того года совершенно уничтожила оную.

Бывшимъ въ Сѣчи старшинамъ [1]) запорожскимъ даны чины армейскіе и право избирать родъ службы, какой пожелаютъ; козаки служащіе, смотря по способностямъ, распредѣлены въ регулярные полки, жители же селеній и хуторовъ обра-

---

нокую и занимались болѣе грабежами, разбоями въ земляхъ имъ сосѣдственныхъ; во время войнъ между окружавшими ихъ царствами, они, собираясь шайками, нанимались служить тому, кто болѣе даваль денегъ, или гдѣ надѣялись получить болѣе добычи. При такихъ своевольныхъ собраніяхъ бездомкм выбирали себѣ въ предводители ватажка (атамана) изъ самыхъ отважнѣйшихъ.

[1]) Въ старшины запорожскіе назначались козаки испытанные въ храбрости, благоразумнѣйшіе; имъ въ военное время поручались въ командованіе отдѣльныя части козаковъ до 1,000 человѣкъ и болѣе, и тогда они назывались полковниками, въ мирное же время они употребляемы были отъ Коша по дѣламъ внутренняго управленія запорожцевъ. Но по возвращеніи въ дома свои они обращались въ прежнее состояніе, пользуясь однакожъ всеобщимъ уваженіемъ и званіемъ товарищей. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

щены въ подушной окладъ и наименованы казенными поселянами. [1]).

Такъ уничтожилось славное нѣкогда войско запорожское — и казалось, что съ сего времени самое имя запорожцевъ должно было совершенно уже исчезнуть. Но въ послѣдствіи политическія обстоятельства Россіи подали надежду запорожскимъ старшинамъ: Сидору Бѣлому, Захарію Чепѣгѣ, Антону Головатому [2]), и многимъ другимъ вновь возстановить войско; а путешествіе императрицы, весною 1787 года, въ южную Малороссію благопріятствовало имъ и ускорило исполненіе ихъ надеждъ.

Война съ Портою Оттоманскою, тогда открывшаяся, была причиною, что князь Потемкинъ-Таврическій,—сильный въ то время вельможа, не только не препятствовалъ старшинамъ запорожскимъ ходатайствовать о возстановленіи войска на прежнихъ правахъ, но напротивъ содѣйствовалъ имъ совѣтами и предстательствомъ своимъ у императрицы; ибо, зная изъ опытовъ, какъ запорожскіе козаки были полезны своимъ отчаяннымъ мужествомъ и вѣрною службою въ недавно минувшую войну съ турками, подъ командою фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, онъ и подъ своимъ начальствомъ желалъ имѣть сихъ храбрыхъ воиновъ.

Въ Кременчугѣ старшины запорожскіе подали императрицѣ прошеніе; ея величество, принявъ оное милостиво, благоволила утвердить возстановленіе войска, давъ о томъ именной указъ 3-го іюля того года и назначивъ для ихъ поселенія землю между рѣкъ Днѣстра и Буга. Въ слѣдующемъ же 1788 году указомъ 14 генваря опредѣлила, вмѣсто назначаемой земли, по-

---

[1]) По уничтоженіи Сѣчи запорожской обращены въ казенные поселяне одни семейные козаки и весьма малая часть бездомковъ; всѣ же прочіе бездомки, не желая утратить своей дикой вольности, бѣжали въ Турцію.

[2]) Старшины запорожскіе, по уничтоженіи Сѣчи, служили по дворянскимъ выборамъ съ чинами армейскими: Бѣлый, секундъ-маіоръ, екатеринославскимъ дворянскимъ предводителемъ; Головатый, секундъ-маіоръ, также капитаномъ-исправникомъ въ Новомосковскѣ, а Чепѣга капитаномъ жилъ въ отставкѣ. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

селить сіе вновь составленное войско запорожское въ Керченскомъ кутѣ или на Тамани [1]).

При открытіи войны съ Турціею 1787 года запорожскіе козаки, подъ предводительствомъ своего кошевого атамана Сидора Бѣлаго [2]), собирались и выступили въ составъ дѣйствовавшей арміи. Они раздѣлились на двѣ части: одна, подъ начальствомъ Чепѣги, дѣйствовала на сухомъ пути, а съ другою самъ кошевый на лодкахъ присоединился къ *главному* флоту [3]). Въ продолженіи войны, возобновленные запорожцы своими мужественными подвигами старались оправдать высочайшую къ нимъ милость императрицы и покровительство знаменитаго ея полководца, и—оправдали. Ибо кромѣ наградъ излитыхъ монархинею и прочими военачальниками на старшинъ, чиновниковъ и козаковъ, кромѣ всѣхъ отличій, заслуженныхъ войскомъ на незабвенныхъ штурмахъ Очакова и Измаила, они въ сію войну взятіемъ острова Березани [4]) своею ничтожною гребною флотиліею показали искусство и способность дѣйствовать не на одномъ только сухомъ пути, но и на морѣ, за что пріобрѣли имя вѣрныхъ черноморцевъ [5]), которое сохранили до сего времени.

---

[1]) Во время войны Россіи съ Портою Оттоманскою, по завоеваніи Бессарабіи, вновь составленному войску запорожскому государыня Екатерина II повелѣла первоначально селиться между Бугомъ и Днѣстромъ, по берегу Чернаго моря, до бендерской дороги. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

[2]) Первымъ кошевымъ атаманомъ назначенъ былъ, съ производствомъ въ подполковники, Сидоръ Бѣлый, войсковымъ судьею подполковникъ Головатый и войсковымъ писаремъ старшина Подлисецкій. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

[3]) Первую часть собраннаго войска составляла конница, въ которую явились старшины Запорожья: Алексѣй Высочинъ, Иванъ Шамъ, Лукьянъ Тиховскій и Семенъ Письменный; а вторую пѣхота, назначенная для флотиліи, гдѣ были старшинами: Иванъ Курлянскій, Мукій Гуликъ, Иванъ Порохня, Константинъ Кордовскій, Савва Бѣлый, Иванъ Чернышевъ, Давидъ Бѣлый и Яковъ Мокрый. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

[4]) Островъ Березань и на ономъ турецкая крѣпость была взята запорожцами подъ предводительствомъ судьи Головатаго 7 ноября 1788 года. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

[5]) Названіе *вѣрныхъ* черноморцы получили 3 генваря 1786 г., что видно изъ высочайшихъ рескриптовъ, грамотъ и ордеровъ князя Потемкина, хранящихся въ войсковомъ архивѣ.

Война съ Турціею кончилась со славою для Россіи, но съ окончаніемъ оной не стало войсковаго гетмана и покровителя черноморцевъ, князя Потемкина-Таврическаго [1]). Горестна была возстановленному его ходатайствомъ войску такая потеря! Оно, не имѣя еще никакихъ положительныхъ правилъ къ своему существованію, весьма могло опасаться прежняго уничтоженія, тѣмъ болѣе, что по окончаніи войны оно сдѣлалось ненужнымъ. Однако вѣрная полезная служба Россіи, оказанная сими остатками запорожцевъ, обратила на нихъ особенное вниманіе государыни, и Великая, желая достаточно наградить сихъ вѣрныхъ слугъ, 30-го іюля 1792 года соизволила вручить посланному отъ войска въ Санктъ-Петербургъ съ просьбою депутату, войсковому судьѣ полковнику Головатому [2]) высочайшую мило-

---

[1]) 1790 г. генваря 10, князь Потемкинъ-Таврическій возведенъ государыней императрицей въ званіе великаго гетмана екатеринославскихъ и черноморскихъ козачьихъ войскъ; но еще и до сего возведенія въ гетманы, Потемкинъ, любя запорожцевъ и желая поощрить ихъ къ службѣ, добровольно записался въ ихъ войско козакомъ, подъ именемъ *Грицька Нечоса*. Грицько—Григорій, а Нечоса, потому, что князь носилъ волосы непричесанными и потому, что въ Запорожьѣ было обыкновеніе переименовывать настоящее прозваніе соотвѣтственно качеству человѣка. Состоя по списку въ куренѣ васюринскомъ, Потемкинъ платилъ въ оный ежегодно жалованье на одного козака, который несъ за него на равнѣ съ прочими службу. Кромѣ сего, по примѣру князя, записались въ войско и другіе знатные чиновники, коимъ выданы тогда же отъ Коша аттестаты, а именно:

1-й двора его императорскаго величества оберъ-шталмейстеру и кавалеру Льву Нарышкину, № 818.

2-й бригадиру Василію Голицыну, № 815.

3-й дивизіонъ-квартермистру Егору Маклашевскому, № 822.

4-й надворному совѣтнику Федору Квѣткѣ, № 817.

5-й капитану Иліи Квѣткѣ, № 819.

6-й прапорщику Лисовицкому, № 820.

и 7-й полковнику Михайлѣ Горновскому, № 816.

[2]) Когда умеръ князь Потемкинъ, то съ смертію его пріостановилось какъ сформированіе, такъ и предположенное поселеніе между Днѣстромъ и Бугомъ нынѣшняго войска, такъ какъ всѣ дѣла были у одного князя Потемкина, въ Санкпетербургѣ же мало кому извѣстно было о семъ войскѣ.

Войско отправило въ С.-Петербургъ депутатомъ полковника Головатаго для испрошенія войску утвердительныхъ грамотъ и опредѣлительнаго мѣстоводворенія. Головатый, ходя отъ министра къ министру и не получая ничего удовлетворительнаго, по веселонравію своему, будучи одаренъ природнымъ

стивую грамоту [1]) слѣдующаго содержанія:

«Божію милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская».

«Вѣрнаго нашего войска черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему войску нашего императорскаго величества милостивое слово:

«Усердная и ревностная войска черноморскаго намъ служба, доказанная, въ теченіи благополучно оконченной съ Портою Оттоманскою войны, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе, отъ самаго того времени, какъ сіе войско по волѣ нашей покойнымъ генераломъ-фельдмаршаломъ Потемкинымъ-Таврическимъ учреждено, пріобрѣло особливое наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ войска черноморскаго учрежденіемъ всегдашняго ихъ благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе состоящій въ области таврической островъ Фанагорію со всею землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани отъ устья ея къ устью Лабинскому и Редуту, такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ

умомъ и дальновидностію, рѣчистъ, смѣлъ и храбръ, проводилъ время болѣе въ остроумныхъ шуткахъ... Наконецъ предсталъ внезапно предъ государыню императрицу въ Лѣтнемъ саду, весь въ красномъ запорожскомъ платьѣ, вооруженный двумя пистолетами съ лядункою и саблею, облитымъ сребромъ и золотомъ, и съ обритою головою, упалъ на колѣни и съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнулъ: „*Стій Маты*!“ Потомъ съ душевнымъ благоговѣніемъ и слезами, навернувшимися на глаза, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Жизнедательнымъ державнаго велѣнія твоего словомъ перерожденный изъ неплоднаго бытія, вѣрный черноморскій Кошъ пріемлетъ нынѣ дерзновеніе вознести благодарный гласъ свой святѣйшему величеству твоему и купно изглаголати благодарность сердецъ его. Пріими оную, яко едино къ тебѣ сохраненную, и буди намъ прибѣжище, покровъ, радованіе,—тай годи!“

Освѣдомившись отъ Головатаго лично обо всемъ, касающемся до войска, государыня императрица повелѣть соизволила: „сдѣлать докладъ“.

(Слов. преданіе генерала Бурсака).

[1]) Вмѣстѣ съ грамотами, императрица пожаловала войску серебренное вызолоченное блюдо съ таковою же солонкою, хлѣбомъ и солью; большое бѣлое знамя, серебренные литавры, двѣ серебренныя трубы и для церкви святый потиръ со всѣмъ приборомъ, суто-вызолоченныя глазетныя ризы со стихаремъ и со всѣмъ облаченіемъ. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

другой-же Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли, съ прочихъ-же сторонъ разграниченіе указали мы сдѣлать генералъ-губернатору кавказскому и губернаторамъ екатеринославскому и таврическому чрезъ землемѣровъ, обще съ депутатами отъ войска донскаго и черноморскаго.

«Всѣ состоящія на помянутой нами пожалованной землѣ всякаго рода угодья, на водахъ-же рыбныя ловли, остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой при рѣкѣ Кубани съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которыя для вящшей войску и особливо на случай военной безопасности сооружены быть имѣютъ.

Войску черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

На производство жалованья кошевому атаману съ войсковыми старшинами, по положенной росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и на прочіе нужные по войску расходы повелѣли мы отпускать изъ казны нашей по двадцати тысячъ рублевъ въ годъ.

Желаемъ мы, чтобъ земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными отъ насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы предоставляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ, но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ для осужденія по законамъ отсылать къ губернатору таврическому.

Мы всемилостивѣйше позволяемъ войску черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ.

Всемилостивѣйше жалуемъ войску черноморскому знамя войсковое и лигавры, подтверждая такъ же употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя оному отъ покойнаго генерала фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго по волѣ нашей оставлены.

Губернатору таврическому указали мы доставлять войску черноморскому всѣ исходящія отъ насъ узаконенія, предлагать оному о нарядахъ на службу по назначенію военнаго начальства и

преподавать всѣ нужныя способствованія, а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія въ теченіи двухъ недѣль могутъ приключиться, для донесенія намъ.

Мы надѣемся, что войско черноморское, соотвѣтствуя монаршему нашему о немъ попеченію, потщится не только бдительнымъ охраненіемъ границъ соблюсти имя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрное употребитъ стараніе заслужить названіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ внутреннимъ благоустройствамъ, трудолюбіемъ и распространеніемъ семейственнаго житія.

Дано въ Царскомъ Селѣ іюня 30 дня лѣта отъ рожденія Христова 1792, а государствованія нашего тридесятъ перваго.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

РОСПИСЬ

жалованью ежегодному, полагаемому на войско черноморское козачье:

	Рублей
Кошевому атаману	1000
Войсковому судьи	800
Войсковому писарю	500
Войсковому есаулу	500
Протопопу	200
Попу	100
Діакону	80
На причетъ церковный	120
Куреннымъ атаманамъ каждому по 40 рублей	1600
Пушкарю и довбышу по 40 рублей.	80
Итого	4,980
Содержаніе артиллеріи и жалованья козакамъ, въ дѣйствительной службѣ находящимся, и на всѣ прочіе, по разсмотрѣнію войсковаго правительства, расходы	15,020
Всего	20,000

Войсковымъ старшинамъ, или полковникамъ, когда они внѣ владѣнія войска черноморскаго на службу отряжены, каждому производить въ годъ по сту рублей.

Сотникамъ, есауламъ, квартермистрамъ и прочимъ полковымъ старшинамъ, когда они на службу наряжены внѣ предѣловъ войска черноморскаго, каждому по пятидесяти рублевъ.

Козакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войсковые, производить жалованья въ годъ по двѣнадцати рублевъ и провіантъ указный, а коннымъ и фуражъ.

На подлѣнномъ подписано тако: Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ іюня 30 дня 1792 года.

Въ слѣдующій день, т. е. 1-го іюля получилъ Головатый вторую грамоту:

Божію милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская.

Вѣрнаго нашего войска черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему войску нашего императорскаго величества милостивое слово.

Разсмотрѣвъ всеподданнѣйшія представленія, вступившія къ намъ отъ войска черноморскаго и отъ присланнаго отъ онаго войсковаго судьи Головатаго съ прочими депутатами и удовлетворяя прошеніямъ, съ справедливостію согласнымъ, всемилостивѣйше мы повелѣли:

Первое. Губернатору таврическому имѣть попеченіе объ отысканіи и доставленіи старшинамъ и козакамъ войска черноморскаго справедливо и законно принадлежащаго имъ имѣнія, буде гдѣ оное въ прежнихъ ихъ жилищахъ задержано; равнымъ образомъ истребовать ему для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и козаковъ съ ихъ имуществомъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и Запорожьѣ и по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются тамъ противу воли ихъ, для чего отъ войска черноморскаго и нужно доставленіе къ губернатору таврическому именнаго всѣхъ оныхъ списка, съ означеніемъ мѣстъ ихъ пребыванія.

Второе. На снабженіе переселяющихся въ новопожалованныя войску черноморскому въ Фанагорійскомъ уѣздѣ земли неимущихъ козаковъ, особливо вдовъ съ дѣтьми, потерявшихъ мужей своихъ на сраженіяхъ, отпустить тридцать тысячъ рублевъ.

Третье. Всѣхъ военно-служащихъ козаковъ въ новомъ ихъ поселеніи довольствовать пропитаніемъ по сентябрь мѣсяцъ будущаго тысяча семь сотъ девяносто третьяго года.

Четвертое. Всѣмъ переселяющимся изъ новоприобрѣтенной между Днѣстра и Буга области въ Фанагорійскій уѣздъ старшинамъ и козакамъ дозволить продавать построенныя ими въ той области домы и прочія строенія и въ томъ имъ всякое способствованіе преподавать.

Пятое. При семъ переходѣ войска черноморскаго изъ состоящихъ на пути магазейновъ довольствовать оное провіантомъ и въ переправахъ чрезъ рѣки всевозможное вспоможеніе чинить, въ соотвѣтствіе чего и войско черноморское, во время прохода, да сохранитъ строгую дисциплину и да возбранитъ у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ россійскихъ, какъ тогда, такъ и впредь, по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ, къ оному являющихся.

Шестое. Что касается до пожалованныхъ отъ покойнаго генерала фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго по сему войску въ штабъ и оберъ офицерскіе чины старшинъ, онымъ о выдачи патентовъ указали мы нашей военной коллегіи. Мы надѣемся, что войско черноморское, монаршею нашею милостію взысканное, употребитъ усильнѣйшее стараніе о скорѣйшемъ переселеніи своемъ на земли всемилостивѣйше ему отъ насъ пожалованныя и всемѣрно потщится ревностною и усердною службою учинить себя и впредь достойнымъ нашего благоволенія. Дана въ Царскомъ Селѣ, іюля 1 дня, 1792 года.

На подлинномъ подписано тако: Екатерина.

Въ августѣ мѣсяцѣ войсковый судья Головатый прибылъ изъ С.-Петербурга къ войску съ сими грамотами и былъ принятъ счастливыми козаками, какъ радостный вѣстникъ милостей царицы матери [1]).

---

[1]) Прибытіе Головатаго къ войску съ высочайшими грамотами было радостнѣйшимъ днемъ для всѣхъ запорожцевъ, днемъ новаго ихъ бытія и принятіе грамотъ въ Кошѣ ознаменовалось торжествомъ великолѣпнѣйшимъ. Пѣли благодарственные молебни Господу и молились о здравіи царицы матери; стрѣляли изъ пушекъ и ружей; давали пиры и, поздравляя другъ друга съ высокомонаршими милостями, знаки нелицемѣрной радости своей изъявляли пѣніемъ пѣсни, ими тогда же сложенной отъ полноты сердечныхъ чувствъ:

Ой годи намъ журитися, пора перестати;
Диждалися одъ царыци за службу заплаты.
Дала хлибъ-силь и грамоты за вирнiи службы.
Отъ теперь мы, миле братье, забудемъ вси нужды!

Но еще до полученія грамотъ кошевый атаманъ Захарій Чепѣга отправилъ Чернымъ моремъ, подъ начальствомъ бригадира Пустошкина, премьеръ-маіора Савву Бѣлаго съ 4,000 старшинъ и козаковъ къ острову Фанагорійскому, на 51 лодкѣ, для обозрѣнія и занятія высочайше дарованной земли. 21 августа Бѣлый прибылъ къ острову Фанагоріи. Онъ тогда же по распоряженію Пустошкина отрядилъ полковника, арміи поручика Чернышева съ старшинами и козаками на 20-ти лодкахъ къ устью Кубани въ лиманы Кизильтажскій и Сукоровъ для наблюденія надъ черкесами и для сохраненія рыбныхъ ловлей. Сія часть флотиліи осталась тамъ зимовать, остальная же расположилась у крѣпости Фанагоріи, занималась перевозкою изъ Керчь-Еникаля провіанта и другихъ матеріаловъ, отпускаемыхъ по волѣ начальства на постройку куреней для козаковъ.

Въ слѣдъ за ними полковникъ Кордовскій съ двумя пѣшими полками и частію семействъ прибылъ сухимъ путемъ на сію землю и, ставъ при старомъ Темрюкѣ, учредилъ наблюдательный постъ и устроилъ курени на зиму.

Сентября же 3-го, кошевой атаманъ бригадиръ Чепѣга съ войсковымъ писаремъ Котляревскимъ, полковниками, старшинами и 300 конными козаками, по высочайшему повелѣнію, выступилъ отъ Днѣстра, оставя тамъ начальникомъ надъ поселенными семействами старшинъ и козаковъ войсковаго судью Головатаго и перейдя рѣку Ею октября 24, остановился для зимовки на Ейской косѣ. Построивъ наскоро кое-какія землянки, установивъ церковь въ бывшемъ тамъ ханскомъ домѣ, онъ занялся учрежденіемъ отводныхъ карауловъ по рѣкѣ Чалбасахъ для

Въ Тамани жить, вирно служить, гряныцю держати,
Рыбу ловить, горилку пить, ще й будемъ багати.
Да ще-жъ треба женитися и хлиба робити,
А хто прыйде къ намъ зъ невирныхъ,—якъ ворога бити.
Слава Богу и царыци и покій гетману,
Заличили въ сердцяхъ нашихъ великую рану!
Дякуймо-жъ царыци, молимося Богу,
Що вона намъ показала на Тамань дорогу.

наблюденія надъ запорожцами, проживавшими по временамъ на сей землѣ для звѣриной охоты и рыбной ловли. Ему сопутствовалъ іеромонахъ Θеофанъ.

Такимъ образомъ первоначально была занимаема высочайше пожалованная земля черноморскимъ войскомъ и взяты мѣры продосторожности противъ закубанскихъ сосѣдей.

Бдительность черноморцевъ въ сію зиму была не безполезна. Они успѣли истребить 14 черкесъ и до 10 некрасовцевъ, жившихъ на Каракубанскомъ островѣ и покушавшихся на воровство, одного же некрасовца, взятаго въ плѣнъ, отправили къ таврическому гражданскому губернатору Жигулину. Съ нашей стороны въ сихъ первыхъ дѣйствіяхъ убитыхъ и раненыхъ не было, въ плѣнъ же захвачены хорунжій Безкровный и одинъ козакъ, которые въ скорости оттуда бѣжали.

Перезимовавъ на Ейской косѣ, кошевый атаманъ съ войсковымъ правительствомъ и конницею 10-го маія 1793 года выступилъ къ рѣкѣ Кубани и, прибывъ къ устью Лабы, явился къ бывшему тогда командиру кавказскаго корпуса генералъ-аншефу Гудовичу, отъ коего получа повелѣніе итти внизъ по теченію Кубани и за 7 верстъ отъ воронежскаго редута занимать границу кордонами, двинулся и разставилъ лично посты въ слѣдующемъ порядкѣ и разстояніи каждаго изъ кордоновъ отъ Усть-Лабы:

1) Противъ темиргайцевъ: воронежскій въ разстояніи 18 и константиновскій 9 верстъ.

2) Противъ чечней: Александринъ въ 7-ми, павловскій и велико-марьянскій въ 8-ми верстахъ.

3) Противъ шпедухи: екатеринодарскій въ 7 и александровскій въ 6 верстахъ.

4) Елинскій и марьяновскій въ 7-ми, ново-екатериновскій въ 10, ольгинскій и славянскій въ 7-ми и протоцкій въ 8-ми верстахъ и

5) Противъ натухайцевъ: копыльскій въ 2-хъ, петровскій въ 20-ти, андреевскій въ 19-ти, георгіевскій въ 22-хъ, фанагорійскій въ 12-ти верстахъ.

На каждомъ изъ сихъ постовъ кошевый опредѣлилъ имѣть по 100 козаковъ при исправныхъ чиновникахъ и раздѣливъ всю линію на двѣ части, ввѣрилъ начальство надъ оными двумъ полковникамъ; полковъ еще не было. Бывшіе въ войскѣ бездомки (сѣромы), болѣе пріобыкшіе къ военнымъ трудамъ, презиравшіе самую жизнь, алкавшіе однихъ битвъ и добычи, отличнѣйшіе стрѣлки, занявъ первую цѣпь надъ самою Кубанью въ топкихъ гнилыхъ болотахъ, заросшихъ густыми, непроходимыми камышами, и упражняясь тамъ почти безвыходно звѣриною охотою, служили большою помощію кордонной стражѣ. Сіи безстрашные воины названы пластунами [1]). Нося всегда одежду легкую, сходственную съ черкескою, они отличаются необыкновеннымъ проворствомъ, скоростію въ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Ружье и подсохъ [2]) единственное ихъ вооруженіе, а искусство въ стрѣльбѣ составляетъ всю ихъ славу. Вѣрный глазъ и твердая рука пластуна всегда гибельны непріятелю. Находясь безпрерывно на виду у горцевъ, они совершенно свыклись со всѣми ихъ хитростями и уловками: скрытно наблюдая за всѣми дѣйствіями непріятеля, они предъугадываютъ его намѣренія, быстро извѣщаютъ объ оныхъ кордоны и притаясь въ густотѣ камышей у самой переправы злодѣевъ, первые встрѣчаютъ ихъ своимъ губительнымъ ружейнымъ огнемъ. До сего времени пластуны служатъ вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ охраненіемъ границы черноморской отъ внезапныхъ вторженій непріятельскихъ.

Кошевый атаманъ, при занятія мѣста для кордоновъ, желая самъ имѣть бдительнѣйшее наблюденіе за спокойствіемъ границы, призналъ удобнѣйшимъ расположиться съ войсковымъ правительствомъ и остальною конницею при Кубани въ Карасунскомъ кутѣ и 10 іюня сталъ въ ономъ лагеремъ.

---

1) Названіе пластуновъ заимствовано отъ малороссійскаго глагола *пластать*, то есть бродить по грязи, по болоту; ибо они, съ малолѣтства пристрастясь къ охотѣ, проводятъ всю жизнь въ топкихъ мѣстахъ, заросшихъ непроходимымъ тростникомъ, гдѣ обитаютъ одни дикіе звѣри.

2) Родъ копья, нѣсколько короче обыкновеннаго.

Въ слѣдъ за сими распоряженіями по границѣ учреждены паланки [1]),—первая въ Тамани, куда полковникомъ назначенъ премьеръ-маіоръ Савва Бѣлый, а вторая на рѣкѣ Еѣ, въ карантинномъ строеніи, подъ управленіемъ полковника Семена Письменнаго, коему въ помощь опредѣленъ есауломъ поручикъ Уманецъ, а писаремъ прапорщикъ Герченко; въ вѣдомство сей послѣдней поступили рыболовные промыслы на приморскихъ косахъ, Ейской, Долгой и Комышеватой. Для соблюденія же порядка въ управленіи и отклоненія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, сіи чиновники получили отъ войсковаго правительства надлежащія наставленія.

Между тѣмъ войсковый судья Головатый, въ февралѣ мѣсяцѣ, заботился о приготовленіи къ переселенію сюда остававшихся на прежнихъ жилищахъ между рѣками Буга и Днѣстра штабъ и оберъ-офицеровъ, старшинъ, козаковъ и семействъ ихъ; ходатайствовалъ у генералъ аншефа графа Суворова Рымникскаго, просилъ губернаторовъ: екатеринославскаго, херсонскаго и таврическаго о безпрепятственномъ слѣдованіи переселенцевъ; предписалъ полковнику Тиховскому, кинбурской и березанской паланкамъ такъ же готовиться къ походу съ подвѣдомственными имъ жителями. 18 марта онъ отправилъ съ секундъ-маіоромъ Шульгою и капитаномъ Григоревскимъ первую колонну козаковъ съ семействами и всѣмъ имуществомъ, велѣвъ имъ, при слѣдованіи по пути, который будетъ признанъ удобнѣйшимъ, руководствоваться высочайшими грамотами. Слѣдованіе прочихъ предположено въ 20 колоннахъ, чрезъ Бугъ на Соколы, а чрезъ Днѣпръ на Берславль. Начальниками колоннъ были назначены: полковникъ Бѣлый, бунчуковые товарищи: секундъ-маіоръ Бурносъ, капитанъ Танскій, Лисица, поручики: Мален-

---

[1]] Паланками назывались въ Запорожьѣ пограничные укрѣпленные посты, а послѣ нынѣшніе окружные или земскія управленія.

скій, Дрига, Никипольскій, Брунько, Миргородскій, Куцкій, Иваненко, Верисъ, Сташковъ, Малый; поручики: Томначевскій, Семенко; прапорщики: Лозовый, Голубицкій, Щербина и полковый хорунжій Мазуренко. Колонны сіи разновременно приходили на эту землю и заселяли оную. Іюля же 15-го и самъ войсковый судья съ остальнымъ войскомъ и всѣми тяжестями выступилъ отъ Днѣстра къ Фанагоріи и прибылъ въ оную 15-го августа. Его сопровождалъ войсковый протоіерей Романъ Порохня.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего кошевый атаманъ съ войсковымъ правительствомъ, войсковые старшины и атаманы, собравшись общимъ совѣтомъ, положили: въ воспоминаніе славнаго имяни великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, матери благодѣтельницы войска, въ Карасунскомъ кутѣ противъ дубравы, называемой *Кругликъ*, построить главный войсковый городъ *Екатеринодаръ*[1]) и въ немъ быть войсковому правительству и сорока куренямъ[2]). По границѣ же, для скорѣйшаго снисканія съ закубанскими народами сосѣдственной дружбы и для прекращенія имъ свободной переправы чрезъ Кубань, устроить при кордонахъ военныя селенія и дать имъ названіе куреней по примѣру бывшихъ нѣкогда въ Сѣчи Запорожской, что тогда же исполнилось въ слѣдующемъ порядкѣ:

Поселено при кордонахъ жителей:

---

[1]) Планъ города былъ сдѣланъ присланнымъ отъ губернатора Жигулина инженеръ-прапорщикомъ Гетмановымъ.

[2]) Въ городѣ, по примѣру запорожскаго Коша, были устроены 40 куреней (домовъ) для жительства куренныхъ атамановъ и козаковъ, служащихъ и бездомовныхъ.

	Число дворовъ.	Число душъ.	
		Мужеска пола.	Женска пола.
Воронежскомъ	250	685	546
Константиновскомъ	195	480	406
Александровскомъ	107	316	269
Павловскомъ	109	320	275
Великомарьянскомъ	289	768	646
Въ городѣ Екатеринодарѣ	365	916	769
Александровскомъ	50	132	116
Елинскомъ	47	119	91
Елисаветиномъ	39	93	62
Марьянскомъ	125	306	221
Ново-Екатериновскомъ	226	630	597
Ольгинскомъ	39	95	70
Славянскомъ	54	129	98
Протоцкомъ	43	97	81
Копыльскомъ	76	211	173
Петровскомъ	65	175	116
Андреевскомъ	77	184	110
Григорьевскомъ	112	313	267
Платоногорскомъ	119	350	293
Фанагорійскомъ	34	91	59
При рѣкѣ Еи у сладкаго лимана	95	300	259
При горькомъ Бурлацкомъ броду	115	362	271
У колодцевъ выше устья Сасыкъ-Еи	39	64	78
При устьи Кугу-Еи	57	161	102
Итого	2727	7308	5975

Сверхъ сего въ фанагорійскомъ округѣ построенъ городъ Тамань, въ коемъ поселено въ 129 дворахъ мужеска пола 516, женска 480 душъ. Но со стороны кавказскаго намѣстничества селеній вовсе не было, только старшины и козаки заводили тамъ хутора.

Приходившіе въ послѣдствіи времени изъ прежнихъ своихъ мѣстъ старшины и козаки разселялись войсковымъ правительствомъ

симъ куренямъ, согласно желанію каждаго, и кромѣ того заводились новые курени, смотря по необходимости. Между тѣмъ войско просило позволенія строить храмы Божіе и назначенія въ оные священниковъ и церковнослужителей. Государыня императрица соизволила 2-го генваря 1794 г. повелѣть святѣйшему синоду таковую просьбу удовлетворить. Маія 1-го войсковые старшины, полковники, бунчуковые товарищи и атаманы, вникая въ положеніе престарѣлыхъ, раненыхъ въ сраженіяхъ и увѣчныхъ старшинъ и козаковъ, кои желали бы окончить жизнь на заслуженной ими землѣ при церквѣ Божіей, а нѣкоторые и поступить въ монашескій чинъ для своего успокоенія и пропитанія, согласились испросить разрѣшеніе у святѣйшаго правительствующаго синода построить на войсковой землѣ монашескую пустынь. Сіе было разрѣшено и первымъ архимандритомъ черноморской екатерино-лебежской пустыни поставленъ синодомъ іеромонахъ Ѳеофанъ.

15-го іюля войсковый судья Головатый, по ревности къ православію, желая на собственной щетъ построить въ Тамани церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, представилъ планъ оной преосвященному Іову, епископу ѳеодосійскому и маріупольскому и просилъ разрѣшенія на постройку. Преосвященный утвердилъ планъ и поставилъ туда священникомъ козака Павла Демешка.

Въ таковомъ порядкѣ съ іюня 1792 года по 1794 г. до 25 тысячъ старшинъ и козаковъ, оставшихся отъ сильнаго нѣкогда войска запорожскаго, съ женами и дѣтьми переходили на сію землю и селились, сообразуясь съ обычаями своихъ предковъ, на виду у непріятеля, дабы безпрестанно имѣть надъ нимъ наблюденіе и удобнѣе предупреждать всякое его злонамѣреніе.

Внутреннее управленіе и устройство сей горсти черноморцевъ остановилось въ то время на нуждахъ цѣлаго сословія и каждаго козака порознь. Старшины и старики въ общемъ совѣтѣ обдумывали средства къ улучшенію благосостоянія всѣхъ, а кошевый атаманъ своимъ рѣшеніемъ утверждалъ ихъ благія

предположенія и только въ случаяхъ важныхъ испрашивалъ разрѣшенія у начальства высшаго. Перемѣна таковаго управленія сдѣлана правительствомъ уже въ послѣдствіи времени, о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, до того же черноморцы руководствовались одними только высочайшими грамотами, нѣкоторыми предписаніями начальства и правилами, собственно войсковымъ правительствомъ издаваемыми, какъ напримѣръ:

Вѣрнаго императорскаго войска черноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариству, полковымъ старшинамъ, курѣннымъ атаманамъ и всему войску.

Порядокъ общей пользы:

Божіимъ призрѣніемъ и всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, монаршимъ благоволеніемъ, блаженныя и вѣчно-достохвальныя памяти покойнымъ господиномъ генералъ-фельдмаршаломъ, священныя римскія имперіи княземъ и великимъ гетманомъ, Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, при учрежденіи войска черноморскаго, мы, будучи избранными и утвержденными къ управленію имъ въ начальники, нынѣ воспоминая первобытное сего войска существованіе подъ названіемъ запорожцевъ и Божіимъ попущеніемъ онаго за разныя погрѣшности уничтоженіе, а потомъ неизреченною Его милостію и ея императорскаго величества матернимъ милосердіемъ, сверхъ заслугъ сего войска и нашихъ, нечаяннаго, новаго, почетнѣйшаго и полезнѣйшаго нынѣшняго состоянія сего войска и нашего учрежденія, съ утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія, къ благополучному пребыванію всемилостивѣйшее отъ ея императорскаго величества земли пожалованіе, по принесеніи Богу благодарственнаго моленія и ея императорскому величеству съ преданностію сердечной вѣрности благодаренія, постановляемъ отънынѣ на всегда: *первое*, по Божію и монаршему правосудію за достойное наказаніе въ страхъ и трепетъ воображать, *а второе*, ощущая Божіе и монаршее благодѣяніе нынѣшнее на насъ и войско черноморское, яко неоцѣненный даръ свято почитать и сохранять, дабы сего войско не потеряло, по силѣ высочайшей ея императорскаго величества гра-

моты, въ 30-й день іюня 1792 года всемилостивѣйше войску жалованной, сообразуясь изданнаго отъ ея императорскаго величества учрежденія о управленіи губерній, устроить порядокъ нижеслѣдующій:

1-е. Да будетъ въ семъ войскѣ войсковое правительство, на всегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи всероссійскихъ законовъ безъ и малѣйшей отмѣны, въ которомъ засѣдать должны: атаманъ кошевый, войсковый судья и войсковый писарь.

2-е. Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ, при рѣкѣ Кубани, въ Карасунскомъ кутѣ воздвигнуть градъ и, для вѣчнаго достопамятства нынѣшней жизнодательницы и благодѣтельницы нашей, всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, именовать его *Екатеринодаръ*.

3-е. По воинской дисциплинѣ, ради собранія войска, устроенія довлѣемаго порядка и прибѣжища бездомныхъ козаковъ, въ градѣ Екатеринодарѣ выстроить сорокъ куреней, подъ названіемъ симъ: Екатериновскій, Кисляковскій, Ивановскій, Конеловскій, Сергѣевскій, Динскій, Крыливскій, Канивскій, Батуринскій, Поповичивскій, Васюринскій, Незамаивскій, Иркліевскій, Щербиновскій, Титоровскій, Шкуренскій, Коринивскій, Рогивскій, Корсунскій, Калниболотскій, Уманскій, Деревянковскій, Нижне-стебліевскій, Выше-стебліевскій, Джереліевскій, Переясловскій, Полтавскій, Мышастовскій, Минскій, Тымошивскій, Величковскій, Леушковскій, Пластуновскій, Дядьковскій, Брюховецкій, Ведмедовскій, Платнировскій, Пашковскій, Кущовскій и Березанскій, по плану, да и войско при границѣ поселить курѣнными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ.

4-е. Въ курени избирать атамановъ тѣхъ куреней войску изъ достойныхъ людей и перемѣнять ихъ другими каждаго года мѣсяца іюня 29 числа, то есть въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла и на вѣрность должности приводить ихъ къ присягѣ.

5-е. Курѣнные атаманы долженствуютъ въ куреняхъ безотлучное пребываніе всегда имѣя, по нарядамъ начальства на службу козаковъ чинить немедленное выстаченіе и случающіясь между ку-

рѣнными людьми маловажныя ссоры и драки разбирать голословно и примирять, съ доставленіемъ обиженной сторонѣ справедливаго удовольствія, а за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству.

6-е. Всѣ обрѣтающіесь у войска старшины безъ должности, какого-бы ранга ни были, и козаки, состоя подъ управленіемъ своего куреня, да повинуются атаману и товариству; напротивъ того и атаманы съ товариствомъ, отдавая заслугамъ справедливую признательность старшинъ и козаковъ, въ недавно кончившуюся турецкую войну за вѣру и отечество всероссійскаго престола, дѣйствительно лично служившихъ и кровь проливавшихъ, съ уваженіемъ пристойнымъ образомъ да почитаютъ.

7-е. Для заведенія и утвержденія во всей войсковой земли, къ долгоденственному спокойствію, благоустройнаго порядка, раздѣлить войсковую землю на пять округовъ и завесть окружныя начальства, подъ названіемъ таковымъ: *первое*, при рѣкѣ Кубани между козачьимъ Еркомъ и Усть-лабинскою крѣпостью въ городѣ Екатеринодарѣ, *Екатеринодарское; второе* отъ Чернаго моря до Чернаго Ерка на Фанагорійскомъ островѣ, въ называемой Тамани, *Фанагорійское*; *третье*, отъ Ачуева вверхъ по Азовскому морю до рѣчки Чалбасъ, съ лѣвой стороны теченія рѣки Бейсуга, при устьѣ его, *Бейсугское*; *четвертое* отъ рѣки Чалбасъ до рѣки Еи при устьѣ ея, *Ейское* и *пятое* при границѣ отъ стороны Кавказскаго Намѣстничества, по размежеваніи земель, гдѣ заспособнѣе будетъ, *Григорьевское*.

8-е. Для управленія округами въ окружныя правленія опредѣлить по одному полковнику, писарю, асаулу и хорунжему и, на должность приведя къ присягѣ, велѣть имъ, исключая I-ю Екатеринодарскую округу, въ послѣднихъ четырехъ округахъ выстроить окружные города, яко то: *Фанагорію*, *Бейсугъ*, *Ейской и Григорьевской*, а села всѣмъ поселять въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ назначено будетъ, переселяющимися изъ разныхъ мѣстъ сего войска людьми, и для печатанія при правленіяхъ письменныхъ дѣлъ подѣлать окружныя печати за гербами, по приличію округовъ свойственными, яко то: на Екатеринодарской, такъ какъ на границѣ противу врага имени христіанскаго, козакъ водрузившій ратище въ землю и приложа къ нему, во мѣсто присѣшекъ, ружье, держа

лѣвою рукою ратище и ружье, а другою прикладъ, врага стрѣляющій; на Фанагорійской—по морю плавающая лодка, со всѣмъ воинскимъ приборомъ; на Бейсугской рыба; на Ейской козакъ, на границѣ единовѣрныхъ съ ружьемъ на караулѣ стоящій, а на Григорьевской, отъ пустаго степу, такъ какъ на отводномъ пикетѣ, козакъ, сидящій на конѣ, при всемъ воинскомъ приборѣ.

9-е. Окружныя правленія и командиры долженствуютъ по посылаемымъ отъ амамана кошеваго и войсковаго правительства письменнымъ повелѣніямъ чинить непремѣнное и немедленное исполненіе, безъ и малѣйшаго упущенія.

10-е. Окружныя правленія имѣютъ попеченія: о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ, а имѣющіесь лѣса и родючое дерево да сохранятъ отъ опустошенія вырубкою, скотомъ и пожаромъ въ цѣлости, къ общей войсковой пользѣ; такъ же между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать, обиженныхъ защищать, съ доставленіемъ справедливаго удовлетворенія, свирѣпыхъ укрощать и во всемъ имъ помогать, лѣнивыхъ побуждать къ трудолюбію, для распространенія семейственнаго житія холостыхъ къ женитьбѣ понуждать, не покоряющихся власти и не почитающихъ старѣйшинъ по мѣрѣ преступленія штрафовать, а содѣявшихъ важное преступленіе къ законному сужденію присылать въ войсковое правительство.

11-е. Окружныя правленія о благосостояніи въ той округѣ всѣхъ военныхъ жителей семидневныя, а о чрезвичайностяхъ въ тотъ же самой часъ имѣютъ присылать рапорты атаману кошевому и въ войсковое правительство, для донесенія главной командѣ.

12-е. Окружныя правленія долженствуютъ имѣть приличное смотрѣніе, дабы всѣ жительствующіе въ тѣхъ округахъ старшины и козаки, имѣя у себя на каждую мужеска пола душу военное орудіе, во всякой чистотѣ исправное, на случай наглаго военнаго времени, или воровскимъ образомъ на войсковыхъ жителей и проѣзжающихъ по сей землѣ постороннихъ россійскихъ людей непріятельскаго нападенія, имущественные конно, а не имущественные пѣшо, къ пораженію непріятеля были на всякой часъ въ готовности и чтобъ на войсковой землѣ за всякимъ дѣломъ ѣздить,

ходить, хлѣба пахать, рыбу ловить и скотъ на пастьбу гонить безъ военнаго орудія никто не дерзалъ, а кто въ семъ ослушнымъ окажется, на томъ-же мѣстѣ штрафовать.

13-е. Окружныя правленія да имѣютъ смотрѣніе по своимъ округамъ, чтобъ на рѣкахъ, болотахъ и гдѣ надобно, переправы мосты и гати были во всей исправности.

14-е. Окружныя правленія должны смотрѣть за жителями, чтобъ въ городахъ и селеніяхъ, по улицамъ и дворамъ сохранена была чистота и на случай пожара имѣли къ утушенію онаго воду и обыкновенные для пожара желѣзные инструменты.

15-е. Въ тѣхъ округахъ, ежели гдѣ появятся воры и разбойники, окружнаго правленія командиры долженствуютъ съ подчиненными имъ старшинами и козаками стараться всѣхъ переловить и отослать къ законному сужденію, какъ и передержателей, въ войсковое правительство при рапортѣ.

16-е. Ежели въ какой округѣ на людяхъ появится заразительная болѣзнь, отъ чего Боже сохрани, окружныя правленія имѣютъ тотъ часъ зараженныхъ отъ здоровыхъ людей отдѣля, окружить карауломъ съ великою осторожностію, дабы зараженные изъ здоровыми отнюдь не совокуплялись, и съ подробнымъ поясненіемъ, откудова таковое зло возъимѣло начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, безъ и малѣйшаго замедленія, для донесенія о томъ главной командѣ.

17-е. При случаѣ въ тѣхъ округахъ скотскаго падежа, окружныя правленія, стараясь оное же истребить, чрезъ кого слѣдуетъ, увѣдавъ о томъ подробно, тотъ часъ рапортуютъ атаману кошевому и войсковому правительству, и отдѣля скотъ больный отъ здороваго, содержать больной на особомъ закрытомъ пастьбищѣ, пока отъ заразы выздоровѣетъ, и съ палаго кожъ не снимать, а съ оными зарывать въ глубокія ямы; и какъ съ того мѣста никуда зараженнымъ не выѣзжать, такъ и въ оное съ стороны съ здоровымъ скотомъ въѣзжать запретить, покудова отъ заразы то мѣсто освободится.

18-е. Въ окружныхъ правленіяхъ чиновъ перемѣняетъ войсковое правительство другими каждаго года, іюня 29 числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла, а ежели съ ихъ первые явятся чрезъ тотъ годъ въ препорученности своей должности исполните-

лями довлѣемаго по законамъ порядочнаго служенія безспорны, то, о таковыхъ уважая, пріостановлять ихъ при тѣхъ же должностяхъ и на дальнѣйшее время; а которыя окажутся въ непорядочномъ поведеніи и законамъ противныхъ преступленіяхъ, сихъ, не дожидаясь года, въ то самое время, когда увѣдано будетъ, перемѣняя другими, предавать законному сужденію и штрафу.

19-е. Сначала учрежденія вѣрнаго войска черноморскаго, старшинамъ и козакамъ, во всю не давно кончившуюсь съ Портою Оттоманскою войну за вѣру, отечество и сію землю, дѣйствительно лично служившимъ и тѣмъ важность пріобрѣвшимъ, за ихъ труды и подвиги позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные свои дворы, а въ степи хутора и мельницы, заводить лѣса, сады, виноградъ, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы.

20-е. Въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ, отъ общихъ сего войска благъ, позволяется при своихъ хуторахъ изъ сродственниковъ и вольно-желающихъ людей населить дворовъ и опредѣлить подъ оныя земли, по прилагаемой у сего штатной росписи.

21-е. Старшины населенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ съ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, кромѣ долговъ, коими ежели кто будетъ обязанъ, не имѣетъ воли выйтить, дондеже долгъ хозяину не возвратитъ.

22-е. Козаковъ, какъ выше писано, во уваженіе ихъ службы и понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ, ни въ какія общественныя и войсковыя тягости по конецъ ихъ жизни не употреблять.

23-е. Вышеписаннымъ старшинамъ и козакамъ на вѣчно спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, виноградами и рыболовными заводами владѣніе выдать открытые листы, съ тѣмъ, чтобъ до онаго, кромѣ хозяина и законнаго ихъ наслѣдія, ко владѣнію никто права не имѣлъ, да и землею не утѣснялъ.

24-е. Для военнаго время, а въ случаѣ и воровскимъ образомъ нападенія на военныхъ жителей, или постороннихъ россійскихъ людей отъ закубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ, какъ служив-

шіе старшины съ поселенными людьми и козаками, такъ и не служившіе старшины и козаки, исключая только старыхъ, скалѣченныхъ и малолѣтковъ къ службѣ негодныхъ, словомъ сказать всѣ безъ изъятія долженствуютъ со всѣмъ воинскимъ исправнымъ приборомъ къ пораженію непріятеля, имущественные конно, а не имущественные пѣшо, быть на каждой часъ во всей готовности.

25-е. Войсковый асаулъ долгъ имѣетъ, по границѣ и внутри войсковой земли разъѣзжая, смотрѣть за опредѣленными въ окружныя правленія чинами и кордонными старшинами, дабы всѣ повелѣнія атамана кошеваго и войсковаго правительства были выполняемы въ самой точности безъ и малѣйшей отмѣны, и ежели за кѣмъ будетъ имъ усмотрѣна какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству съ подробнымъ поясненіемъ его винности; для чего отъ кошеваго давать ему о томъ на оное наставленіе.

Вышеписанный порядокъ, въ соотвѣтствованіе высочайшей ея императорскаго величества воли, мы, будучи обязаны усердіемъ и ревностію къ отечеству, а любовію ко всему нашему обществу, почитая для долговременнаго благосостоянія сего войска самонужнѣйшимъ началомъ и на войсковой землѣ возстановляя, надѣемся, что наше войсковое общество пріиметъ сей въ кротости духа и воздавъ Богу за ея имп̀ераторское величество благодарственныя молитвы, посвятитъ себя къ непремѣнному его исполненію на всегда. Благополучный городъ Екатериподаръ. 1794 года генваря 1-го дня.

Подлѣнный подписали: атаманъ кошевый, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Чепѣга; войсковый судья, арміи полковникъ и кавалеръ Антонъ Головатый; войсковый писарь, арміи подполковникъ, Тимофей Котляревскій.

Земля, высочайше дарованная черноморскому войску и занятая имъ, какъ выше сказано, отдѣляется рѣкою Кубанью отъ разноплеменныхъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ черкесъ, которые, состоя въ подданствѣ турецкой имперіи, жили свободно и не имѣя никакихъ положительныхъ законовъ въ своемъ управленіи, подобно дикимъ, склонны къ хищничеству и разбоямъ. Сосѣдство такого народа было тягостно для черноморцевъ, еще не устроившихся на новомъ своемъ поселеніи. Недостатокъ во всѣхъ житейскихъ потребностяхъ, съ одной стороны, и опасность

сосѣдства съ хищниками, съ другой, препятствовали черноморцамъ съ успѣхомъ заниматься внутреннимъ благоустройствомъ. Первоначально должно было радѣть о укрѣпленіи границы по Кубани, нужно было помышлять о защитѣ семействъ своихъ,— и войсковое нравительство дѣятельно, неутомимо заботилось о томъ. Черкесы внимательно наблюдали за всѣми дѣйствіями, видѣли всѣ мѣры противъ нихъ предпринимаемыя и, какъ-бы боясь сихъ новыхъ мужественныхъ пришельцевъ, начали укрываться въ лѣса и горы, бросая прибережныя свои жилища, на равнинахъ при Кубани разсыпанныя. Впрочемъ, можетъ быть, причиною сего страха была не одна бдительность черноморцевъ, но и то еще, что анапскій паша, по сношенію россійскаго двора съ Портою Оттоманскою, имѣлъ тогда приказаніе и нарочитыя войска для удержанія своеволія черкесъ, которые долго были принуждаемы возвращать все похищаемое ими у черноморцевъ имущество; кромѣ того, по замѣчанію здѣшнихъ старожилыхъ, такъ надобно принять во вниманіе, что они въ то время хотя были равно хищны и жадны къ воровству, какъ теперь, но были менѣе воинственны, не собирались еще большими партіями, не нападали открытою силою.

Тогда же нѣкоторыя племена начали явно искать дружбы козаковъ и покровительства Россіи. Предводители шпедуховъ, султаны: Муратъ-Мусатъ Кирей, Марсутъ-Кирей Исламъ Гиреевъ; князья Лейтенъ, Алкасъ, Батокъ и Батыръ-Гирей Аджеевы съ узденями сего народа, Уздемиромъ Шеретлуковымъ и Бедусомъ Исламовымъ; натухайскій бей Асланъ Гирей и чеченскіе князья Машетъ, Бечукъ-Нотахокъ, Батъ-Мурза, Натхажъ, Махметъ Калабатъ и Хатукай Асланъ Гирей со множествомъ узденей и слугъ явились къ кошевому Чепѣгѣ, съ предложеніемъ мира и обѣщаніемъ пребыть въ подданствѣ Россіи. Чепѣга угощалъ, ласкалъ ихъ и, увѣривъ въ искренномъ своемъ къ нимъ дружелюбіи, разстался съ ними по пріятельски и донесъ о томъ таврическому губернатору Жигулину. Такія дружескія сношенія съ черкесами были весьма полезны для черноморцевъ; ибо и закубанцы, желая жить мирно и опасаясь нападенія съ

нашей стороны, въ продолженіи четерехъ лѣтъ доставляли козакамъ все нужное по хозяйству и во всемъ пособляли, сколько могли. Хлѣбъ всѣхъ родовъ въ зернѣ для посѣва, фруктовыя дерева для разведенія садовъ и даже оружіе они сами привозили въ кордоны и отдавали козакамъ за самое ничтожное количество соли, а иногда и даромъ изъ дружбы. Наконецъ послѣдствіемъ сей дружбы было то, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ владѣтельный князь Батыръ-Гирей убѣдительно сталъ просить войсковое правительство отправить его съ нѣсколькими дворянами къ высочайшему двору въ Санктъ-Петербургъ, чтобы лично представиться государынѣ императрицѣ и искать милостей ея и покровительства всѣмъ миролюбивымъ черкескимъ племенамъ. Кошевый атаманъ испрашивалъ на сіе разрѣшенія у высшаго начальства и, по предписанію къ нему губернатора Жигулина, февраля 21 отправилъ Батыръ-Гирея при хорунжемъ Кравченкѣ въ Симферополь, оттуда же 5-го апрѣля, по волѣ графа Зубова, его препроводили ко двору.

Князь сей былъ такъ счастливъ, что успѣлъ въ своемъ предстательствѣ, и государыня императрица именнымъ указомъ 3 маія 1794 г. повелѣла графу Зубову объявить натухайскимъ и шедухскимъ князьямъ, ихъ мурзамъ и дворянамъ ея монаршее благоволеніе, съ увѣреніемъ, что они за спокойное пребываніе на Кубани и воздержаніе впредь подвластныхъ имъ народовъ отъ хищничества будутъ приняты подъ высочайшее покровительство; а въ случаѣ нападенія на нихъ враждебныхъ абазеховъ дано имъ позволеніе перегонять свои табуны для сбереженія на войсковую землю, съ платою умѣренной цѣны козакамъ, за оными наблюдающимъ. Благоволеніе великой императрицы къ симъ дикимъ племенамъ сдѣлало ихъ совершенно преданными Россіи и спокойствіе нашей границы казалось нерушимымъ.

Но обитатели горъ, непріязненные абазехи, завидуя мирнымъ батыръ-гирейцамъ, удостоеннымъ высочайшаго вниманія, рѣшились мстить имъ. 1796 г. іюня 25 они, собравшись до 12,000, намѣревались сперва разорить аулы ихъ, а потомъ

вторгнуться въ границы войска для грабежа. Князь Батыръ Гирей, свѣдавъ о семъ злоумышленіи абазеховъ, немедленно далъ знать о семъ кошевому Чепѣгѣ, прося у него помощи и защиты. Чепѣга для пользы общей и для спокойствія цѣлаго края не могъ отказать Батыръ-Гирею въ его просьбѣ. Десять старшинъ, сто козаковъ и одно орудіе, ввѣривъ кордонному полковнику капитану Еремѣеву, отправилъ за Кубань, приказавъ ему присоединиться къ 3,000 собравшихся батыръ-гирейцевъ и дѣйствовать совмѣстно противъ хищныхъ абазеховъ. Капитанъ Еремѣевъ отправился съ своимъ отрядомъ къ Батыръ-Гирею, принялъ начальство и надъ черкесами и, ставъ лагеремъ между рѣкъ Супъ и Суксупсъ, ожидалъ послѣдствій.

20 іюня передовые наши караулы дали знать, что абазехи показались толпами и готовятся къ нападенію. Храбрый Еремѣевъ не хотѣлъ ожидать онаго, но, посовѣтовавшись съ Батыръ-Гиреемъ, рѣшился предупредить ихъ нечаяннымъ стремительнымъ натискомъ. Битва продолжалась болѣе 4 часовъ. Благоразумныя распоряженія Еремѣева, личная храбрость князя Батыръ-Гирея и вѣрные картечные выстрѣлы изъ орудія рѣшили оную въ нашу пользу. Ни многочисленность абазеховъ, ни отчаянное ихъ мужество не могло спасти ихъ. Они обратили тылъ и были поражаемы на всякомъ шагу; 1,000 человѣкъ убитыхъ, до 2,000 раненыхъ, 300 взятыхъ въ плѣнъ и 800 отбитыхъ лошадей свидѣтельствовали о ихъ пораженіи и остались нашими трофеями, съ нашей же стороны раненъ прапорщикъ Блоха и 8 козаковъ; батыръ-гирейцевъ ранено и убито до 200 человѣкъ; но съ ними вмѣстѣ, къ сожалѣнію, палъ и храбрый ихъ предводитель князь Батыръ-Гирей.

Пораженіе абазеховъ и помощь, оказанная кошевымъ Чепѣгою батыръ-гирейцамъ, возбудили мстительность всѣхъ горцевъ, и они предпринимали сдѣлать нападеніе на наши границы съ разныхъ сторонъ. Анапскій паша былъ о томъ увѣдомленъ войсковымъ правительствомъ, и онъ, по праву, ему представленному, вызвавъ въ Анапу двухъ абазехскихъ султановъ, главныхъ возмутителей, казнилъ ихъ смертію. Братья сихъ султа-

новъ рѣшились мстить пашѣ. Они, созвавъ до 20,000 горцевъ разграбили Пашинскій поселокъ, лежавшій у Кизильтажскаго лимана, захвативъ всѣхъ жителей онаго въ плѣнъ и еще не удовольствуясь симъ, приступили наконецъ къ самой крѣпости съ намѣреніемъ разорить оную до основанія. Гарнизонъ, находясь въ осадѣ, нѣсколько дней терпѣлъ недостатокъ въ водѣ; но осада сія не могла быть продолжительна. Въ Анапу вскорѣ прибыло немаловажное подкрѣпленіе изъ Трапезонта и другихъ турецкихъ крѣпостей и черкесы, свѣдавъ о томъ и сами уже нуждаясь въ продовольствіи, по неимѣнію средствъ на долго запасаться онымъ, принуждены были бѣжать отъ крѣпости. Паша по слѣдамъ ихъ пошелъ съ гарнизономъ своимъ въ горы и жестоко наказалъ виновныхъ злодѣевъ.

Стеченіе такихъ обстоятельствъ было началомъ недружелюбія къ намъ черкесъ и съ сего времени спокойствіе границы рушилось. Но между тѣмъ войсковое правительство заботилось о поселеніи жителей внутри земли, высочайше пожалованной, на мѣстахъ отведенныхъ по плану подъ селенія куренныя и распорядилось въ слѣдующемъ порядкѣ устроить 40 курѣнныхъ селеній, которыя и раздѣлены на округи:

1) Щербиновское, гдѣ учреждено сыскное окружное правленіе, при рѣчкѣ Еѣ, у Чернаго Броду и гдѣ чрезъ рѣку Ею сдѣланъ мостъ. [1]).

2) Деревянковское, при рѣчкѣ Еи.

3) Минское, при рѣчкѣ Сасыкѣ.

4) Конеловское
5) Шкуринское
} при рѣчкѣ Еи.

6) Кущовское при устьѣ рѣчки Кугуейки.

7) Кисляковское
8) Екатериновское
9) Незамаивскоое
} при рѣчкѣ Еи.

10) Калниболотское, гдѣ Григорьевское окружное правленіе, при рѣчкѣ Еи.

---

[1]) Сыскное Ейское начальство переведено въ 1820 году изъ щербиновскаго куреня въ кущовскій.

11) Переяславское при рѣчкѣ Сасыкѣ, при раздорахъ, отъ границы верстъ за пятнадцать, кои разбиты тамъ, какъ и на нижеписанныхъ рѣчкахъ.

12) Уманское, при той же самой рѣчкѣ.

13) Криловское при рѣчкѣ Тихинькой, около старой дороги, съ лѣвой стороны.

14) Леушковское при рѣчкѣ Чальбасахъ съ правой стороны, пониже той же дороги за двѣ версты.

15) Иркліевское
16) Брюховецкое — при вершинѣ рѣчки Альбаша, при раздорахъ, на старой дорогѣ, Иркліевскому съ правой, а Брюховецкому съ лѣв. стороны.

17) Березанское
18) Батуринское — при рѣчкѣ Великомъ Бейсугу, Березанскому съ правой стороны, а Батуринскому съ лѣвой, верстъ 35 отъ кавказской границы; тутъ Бейсугское окружное правленіе.

19) Коренивское
20) Дядьковское — при рѣчкѣ Маломъ Бейсугу, Коренивскому съ правой, а Дядьковскому съ лѣвой стороны, отъ кавказской границы верстъ за 6.

21) Платнировское
22) Сергіевское — при рѣчкѣ Кирпиляхъ, Платнировскому съ правой, а Сергіевскому съ лѣвой стороны, отъ той же границы верстъ за восемь.

23) Васюринское, тутъ Екатеринодарское окружное правленіе состояло.
24) Корсунское — Сіи по надъ рѣкою Кубанью поселены.

25) Пластуновское
26) Динское
27) Пашковское
28) Величковское
29) Тимошивское
30) Рогивское — И сіи по надъ рѣкою Кубанью поселены.

31) Поповичивское
32) Мышастовское
(за пять верстъ до урочища Сачи.

33) Ивановсоое
34) Нижне-стебліевское
(до Сухого Лиману.

35) Полтавское, за 15 верстъ до вершины Сухой Ангелики. Сіи отъ Кубани отдвинуты по причинѣ низменныхъ тамъ мѣстъ на возвышенныя мѣста.

36) Джереліевское
37) Каневское
38) Ведмедовское
} Въ Куркахъ.

39) Титаровское, при Новогригорьевскомъ и Широчанскомъ постахъ.

40) Выше-стебліевское при Сухомъ Лиманѣ.

Въ войскѣ учреждено 5 окружныхъ правленій и членами въ оныхъ опредѣлены: *Екатеринодарскомъ*, полковникъ арміи капитанъ Василій Танскій, есаулъ Максимъ Килининъ, писарь Тарасъ Вынниковъ; *Бейсугскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Герасимъ Кухаренко, есаулъ Иванъ Сербинъ, хорунжій Максимъ Письменный, писаремъ Иванъ Мулява; *Ейскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Сакъ, есаулъ Николай Матяшевскій, писарь Иванъ Замолѣй; *Григорьевскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Иванъ Куликъ, есаулъ Иванъ Василенко, писарь Семенъ Нещерецкій; *Фанагорійскомъ* полковникъ арміи, секундъ-маіоръ Бурносъ, есаулъ Григорій Лозинскій, писарь Семенъ Аксентьевъ, хорунжій, Федоръ Брусенко. Въ слѣдъ за симъ устроенъ войсковый рыболовный заводъ при впаденіи рукава Кубани въ Азовское море и начальникомъ онаго назначенъ прапорщикъ Григорій Дубчакъ, писарь Яковъ Демидовичъ.

Разселяя такимъ образомъ жителей и обезопася границу кордонною линіею, войсковое правительство опредѣлило старшаго есаула для наблюденія за порядкомъ арміи секундъ-маіора Лукьяна Тиховскаго, снабдивъ его инструкціею, въ слѣдующихъ пунктахъ:

1-е. Всѣ посылаемыя повелѣнія по сдѣланной порученности исполнять во всей точности безъ и малѣйшаго упущенія, и по сему обязанъ живущій въ вѣдомствѣ его быть послушнымъ; не исполни-

телей же закона и установленнаго порядка такъже и ослушниковъ ради подлежащаго, при обстоятельныхъ рапортахъ, представлять начальству.

2-е. Маловажныя и уголовныя дѣла разбирать въ вѣдомствѣ сего войска случившіесь, не исключая и тѣхъ мѣстъ, гдѣ надъ войсковыми жителями и частные командиры опредѣлены, принимая обиженныхъ по просьбамъ ихъ подъ свое покровительство, а такъ же, гдѣ командиръ своего подчиненнаго обидѣлъ несправедливымъ судомъ, притѣсненіемъ и прочимъ тому подобнымъ, доставлять имъ по справедливости слѣдуемое удовлетвореніе, виновныхъ старшинъ присылать съ просителями при своихъ обстоятельныхъ рапортахъ на рѣшеніе правительства, а рядовыхъ на томъ же мѣстѣ штрафовать по мѣрѣ вины ихъ; но какое, гдѣ и когда случится сдѣлать разбирательство и чѣмъ спорющіесь примирены, или обиженный удовольствованъ будетъ, долженствуетъ опредѣленной при немъ писарь для всякихъ справокъ записать кратко, но ясно въ книгу; о важномъ-же дѣлѣ, буде не подлежитъ его рѣшенію, вмѣстѣ тяжущимся развѣдаться въ правительствѣ, или ближнемъ окружномъ правленіи.

3-е. Всѣ состоящіе при Кубани на пограничной стражѣ кордонные старшины съ козаками и войсковыя селенія, начиная отъ Чернаго моря до Усть-лабинской крѣпости, отдаются въ полное его командованіе и распоряженіе, почему долженъ онъ наблюдать за оными, что по прежде даннымъ отъ правительства содержащимъ сію стражу гг. полковникамъ и городничему повелѣно было, и имѣлъ бы строгую воинскую дисциплину, съ тѣмъ, чтобы у кордонныхъ козаковъ, а въ селеніяхъ у жителей на всякую мужескаго пола душу были исправныя ружья, пики и другія воинскія оружія, установя для безопасности въ кордонахъ денныя и ночныя по самымъ берегамъ Кубани отъ одного къ другому конные разъѣзды, въ городѣ же и селеніяхъ ночные обходы и велѣть, что ими съ противной стороны повсюду усмотрѣно будетъ, тотъчасъ о томъ давать знать ему и своимъ командамъ; онъ, разсмотря оное, ежели подвержено будетъ какой опасности, или чрезвычайности, имѣетъ въ обстоятельствѣ правительству рапортовать.

4-е. Буде гдѣ появится въ вѣдомствѣ его скопище воровъ и разбойниковъ, о таковыхъ дать знать правительству, а самому отпра-

виться съ потребнымъ числомъ команды въ то мѣсто, стараться всѣхъ переловить; а за тѣмъ, по разспросѣ ихъ на мѣстѣ и оговоренныхъ участвовавшими, забравъ подъ караулъ, имѣніе всѣхъ ихъ описать безъ остатка, отдать, какихъ слѣдовать будетъ, подъ присмотръ, самыхъ же учинившихъ злое дѣло и на чемъ пойманы будутъ, все то доставлять правительству за крѣпкимъ карауломъ, для сужденія по законамъ, при рапортахъ.

5-е. Смотрѣть, дабы состоящіе въ вѣдомствѣ его лѣса отнюдь, кромѣ нужной для строенія вырубки, отпущаемы не были, а мосты и гати были бы во всей исправности такъ, чтобы вездѣ въ проѣздахъ никто не могъ терпѣть неудобства и остановки.

6-е. Ежели случится полкамъ ея императорскаго величества, или командамъ вступить въ предѣлы, въ вѣдѣніи его состоящіе, смотрѣть за оными, чтобы во время ночлеговъ и растахъ не угнетали сего войска старшинъ и козаковъ излишнимъ вымагательствомъ и дабы ни у кого ничего безденежно не брать и войсковые сѣнокосные луга въ лѣтнее время безъ отвода не смѣлъ бы никто занимать; а ежели сіе отъ кого воспослѣдуетъ, то требовать отъ полковаго, или при командѣ находящагось командира удовольствія, безъ котораго не давать потребныхъ квитанцій.

7-е. Когда появится въ вѣдомствѣ его на людяхъ (отъ чего Боже храни) заразительная болѣзнь, или прилипчивая горячка, тотъчасъ отдѣливъ людей больныхъ отъ здоровыхъ, накрѣпко запретить имъ соединяться; для чего учредить пристойный караулъ и для взятія о предосторожности сосѣдственныхъ мѣстъ рапортовать начальству.

8-е. Ежели гдѣ появится въ вѣдомствѣ сего войска скотской падежъ, то, отдѣля больной скотъ отъ здороваго, опредѣлить больному пастьбище и не велѣть отнюдь соединять до настоящаго выздоровленія; а палой, не снимая кожъ, зарывать глубоко въ землю, о чемъ тогожъ времени рапортовать для учиненія о невыѣздѣ туда по другимъ мѣстамъ публикаціи.

9-е. Имѣть попеченіе въ вѣдомствѣ его, дабы наблюдаема была по улицамъ и дворамъ чистота и предосторожность отъ пожара; а ежели гдѣ случится пожаръ, то обязанъ всякь живущій съ опредѣленнымъ къ тому инструментомъ спѣшить на то мѣсто, гдѣ пожаръ случится, и всячески стараться утушить, для чего ка-

ковы должны быть инструменты и отъ кого оные исправить, даны будутъ ему въ свое время наставленія; одно начальное средство способствовать можетъ къ предохраненію отъ пожара, ежели всякъ хозяинъ въ домѣ изобиловать будетъ водою.

10-е. Дабы въ вѣдомствѣ его продажа всему производилась умѣренными цѣнами, вѣсы и мѣры были справедливыя, имѣть смотрѣніе; а у кого найдены будутъ при продажѣ чего либо вѣсы или мѣра фальшивые, таковыхъ продавцовъ съ тѣми вѣсами и мѣрами брать подъ караулъ и доставлять при рапортахъ въ правительство, а товары ихъ описавъ запечатать и до резолюціи не велѣть продавать.

11-е. Приблудный скотъ, ежели отъ кого объявленъ будетъ оной, описать масть и примѣты и опредѣля пристойное число козаковъ, отправить въ войсковое правительство для учиненія объ ономъ, гдѣ надлежитъ, публикаціи.

14-е. Дабы въ вѣдомствѣ его никто не принималъ бѣглыхъ и безпашпортныхъ, россійскихъ подданныхъ, людей, о томъ найстрожайше подтвердить, а ежели гдѣ таковые бѣглые окажутся, взявъ подъ караулъ, отослать при рапортѣ въ войсковое праительство для отсылки, куда слѣдуетъ, а передержателей привлекать къ сужденію по законамъ.

13-е. О благосостояніи препорученности, о случившейся чрезвычайности, гдѣ будетъ находиться, чрезъ каждыя семь дней рапортовать безъ упущенія правительству.

Въ пункты для осторожности отъ покушеній непріязненныхъ сосѣдей, кошевый атаманъ куреннымъ атаманамъ куреней, поселенныхъ при рѣкѣ Кубани, предписалъ къ непремѣнному исполненію слѣдующее:

1-е. По полученіи приказа, собравъ вмѣстѣ войсковыхъ жителей, объявить, чтобы они, учредя изъ себя для осторожности очередь по числу дворовъ, отъ каждаго двора высылали по одному вооруженному карауьному, которымъ, раздѣлясь на двѣ половины, очередоваться каждую ночь занятіемъ около онаго частыми караулами, а обходы и караулы повѣрять самымъ куреннымъ атаманамъ.

2-е. Когда караульные усмотрятъ шедшихъ ночью стремящихся къ воровству или къ другому какому злу закубанцевъ, таковыхъ изловля и ради подлежащаго прислать за крѣпкимъ карауломъ при рапортѣ къ нему; буде же изловить ихъ не будетъ способа и возможности, съ таковыми тогда поступать, какъ съ непріятелями.

4-е. Ежели же и за симъ воровство въ сихъ селеніяхъ или другое какое злоключеніе чрезъ неосторожность учинится, то за таковое слабое и нерадивое смотрѣніе старшины той половины караульныхъ, на которой сіе зло произойдетъ, и за нанесеніе главной командѣ излишнихъ затрудненій, не минуетъ строжайшего по законамъ взысканія, а казаковъ чрезъ третьяго, въ строгій примѣръ другихъ, безъ пощады жестоко бить кіями [1]).

Попечительность войсковаго атамана Чепѣги и судьи Головатаго о внутренномъ устройствѣ сего края доставила имъ покровительство бывшаго генералъ-фельдцехмейстера графа Зубова, а безпримѣрныя милости къ войску августѣйшей императрицы доказывали, сколь велико было его покровительство.

Щедрая монархиня, по его ходатайству, 1794 г. соизволила назначить 3,000 рублай на сооруженіе храма въ городѣ Екатеринодарѣ, подарила для онаго богатѣйшую церковную утварь и ризы, повелѣла отпускать войску провіантъ отъ казны, по случаю дороговизны на оный отъ неурожая и недостаточныхъ здѣсь въ то время способовъ къ занятіямъ хлѣбопашествомъ и наконецъ строжайше указала возвратить войску всѣхъ людей, удержанныхъ притѣсненіями помѣщиковъ въ тѣхъ селеніяхъ малороссійскихъ губерній, гдѣ прежде жили черноморцы.

Вскорѣ послѣ сего государыня императрица благоволила назначить 2 пятисотные полка отъ войска, для дѣйствія противу поляковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Чепѣги. Графъ Зубовъ, сообщивъ Чепѣгѣ волю высочайшую, просилъ его письмомъ прибыть въ Санктъ-Петербургъ. Іюня 16 Чепѣга, оставя по себѣ правителемъ войска войсковаго судью Голова-

[1]] Кіи были деревянные посохи и на концѣ одномъ наростъ.

того и выкомандировавъ полки въ походъ, подъ командою премьеръ-маіора Высочина, отправился въ Петербургъ.

По прибытіи въ столицу онъ явился къ графу Зубову и былъ имъ представленъ императрицѣ. Ея величество съ особенною благосклонностію приняла атамана черноморцевъ и отпуская его на войну, вручила ему хлѣбъ, соль и саблю, украшенную алмазами, сказавъ: «Бей, сынокъ, враговъ отечества»! При выѣздѣ изъ столицы, по высочайшему ея повелѣнію, онъ снабженъ отъ двора дорожною коляскою и прогонными деньгами.

2-го іюля Чепѣга явился къ генералъ-фельдмаршалу графу Суворову Рымникскому въ м. Варновичахъ съ своими полками и вступилъ на военное поприще. Разбитіе козаками авангарда генерала Сѣраковскаго, занятіе Кобрина и отличныя дѣйствія ихъ при истребленіи непріятеля подъ мѣстечкомъ Кобылкою доставили Чепѣгѣ генералъ-маіорскій чинъ, за мужественные же подвиги, имъ оказанные при знаменитомъ штурмѣ Праги, награжденъ орденомъ св. равно-апостольнаго князя Владиміра 2-й степени большаго креста.—Однимъ словомъ, въ сію войну съ Польшею, черноморскіе полки служили отлично и съ честію возвратились 23 декабря 1795 г. въ Екатеринодаръ.

Между тѣмъ, въ отсутствіе атамана изъ войска, войсковый судья Головатый неутомимо занимался водвореніемъ порядка въ управленіи и распространеніемъ благосостоянія жителей.

1794 г. іюля 1-го его стараніемъ отдана на откупъ масайскому купцу Яшнину продажа вина и другихъ напитковъ на войсковой землѣ; 4-го начали проводиться дороги отъ Екатеринодара до Ейской и Тамани и по онымъ учредились почтовыя станціи: до ейскаго окружнаго правленія десять и до Тамани десять; на каждую изъ нихъ опредѣлено по шести паръ лошадей съ исправными повозками и ямщиками; 5-го устроены, по разрѣшенію преосвященнаго Іова, епископа ѳеодосійскаго и маріупольскаго, двѣ походныя церкви: св. архистратига Михаила въ Копылѣ и Преображенія Господня на Ейской; 18-го бывшій

въ Тамани карантинъ по распоряженію губернатора переведенъ на Бугазъ.

Тогда же, по сношенію графа Гудовича съ Жигулинымъ, высланные депутаты кавказскаго намѣстничества: коллежскій совѣтникъ Томашевскій, секундъ-маіоръ Ехеридузевъ съ сельскими засѣдателями и уѣзднымъ землемѣромъ, таврической губерніи землемѣръ Колчигинъ съ тремя уѣздными землемѣрами, генералъ-поручикъ Бердяевъ и чиновники отъ войска: премьеръ-маіоръ Гуликъ, секундъ-маіоры: Котляревскій и Письменный занимались постановленіемъ границъ земли сего войска отъ кавказскаго намѣстничества и отъ земли войска донскаго, и границы утверждены, какъ нынѣ существуютъ.

1794 г. Несовершенное еще устройство жилищъ, недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ и непривычка къ здѣшнему климату, всегда непостоянному и сырому, породили въ семъ году между жителями Екатеринодара и окрестныхъ селеній болѣзни заразительныя, смертоносныя. Головатый, принимая всевозможныя мѣры къ искорененію сего бѣдствія, просилъ таврическаго губернатора Жигулина, о высылкѣ медика въ войско (коего до сего никогда не было), и первымъ войсковымъ медикомъ назначенъ въ то время штабъ-лѣкарь Барвинскій, медикаменты же предписано покупать изъ еникальской полевой аптеки. Вскорѣ болѣзни и смертность прекратились.

1795 г. Февраля 20-го отданы рыболовныя заводы на южной косѣ на откупъ керченскимъ жителямъ; іюня 24 доставлены изъ Херсона въ Екатеринодаръ водою семь колоколовъ и въ Тамань одинъ для церквей; сентября 8 прислана изъ С.-Петербурга съ капитаномъ Язучевскимъ высочайше подаренная войску золотая церковная утварь: чаша, дискосъ, звѣзда, два копья, двѣ ложицы и два блюдца, вѣсомъ въ 14 фунтъ 8 золотниковъ.

Лѣтомъ построенъ за Карасуномъ кирпичный войсковый заводъ, совершенно починена войсковая гребная флотилія, снабжена всѣмъ нужнымъ и для всегдашняго безопаснаго ея пре-

бываніи устроена въ Бугазѣ удобная гавань такъ же приведена къ окончанію постройка фанагорійской крѣпости, которая и занята тогда двумя баталіонами егерей, подъ командою полковника Куприна.

1796 г. Въ сіе время послѣдовалъ разрывъ съ Персіею и государынѣ императрицѣ угодно было назначить снова 1,000 черноморцевъ для военныхъ дѣйствій противъ персіянъ. Графъ Зубовъ предписалъ кошевому исполнить волю ея величества. Чепѣга назначилъ войсковаго судью Головатаго начальникомъ двухъ пѣшихъ полковъ, долженствовавшихъ выступить въ походъ. Таврическій губернаторъ Жигулинъ желалъ лично присутствовать при выступленіи сихъ полковъ изъ Екатеринодара, но жестокія мятели и сильные морозы совершенно затруднили сообщеніе съ Крымомъ и онъ, не могши удовлетворить своему желанію, благословилъ выступающихъ въ походъ иконою Спасителя, которую прислалъ съ нарочнымъ. 26 февраля Головатый, по отслушаніи молебствія, выступилъ съ полками. 15-го мая онъ поступилъ на передовыя транспортныя суда и, по теченію Волги спускаясь въ Каспійское море, 13 іюля прибылъ въ г. Баку. Тамъ явился онъ къ главнокомандующему графу Валеріану Александровичу Зубову, родному брату генералъ-фельдцехмейстера и благодѣтеля черноморцевъ, которымъ былъ принятъ съ особеннымъ благоволеніемъ. Въ сію войну, какъ и въ прежнія, черноморцы своимъ мужествомъ, своею вѣрною неутомимою службою, пріобрѣли лестное вниманіе начальства. Они дѣйствовали противу персіянъ на небольшихъ судахъ, отдѣльно отъ прочей флотиліи, и вездѣ одерживали надъ ними побѣду; весьма часто абордажемъ брали у нихъ лодки и вредили всѣмъ сообщеніямъ персіянъ. За такія дѣйствія Головатый произведенъ въ бригадиры. Но графъ Валеріанъ Александровичъ, всегда внимательный, благосклонный къ черноморцамъ, желалъ еще болѣе поощрить ихъ. Онъ просилъ Головатаго зачислить его и малолѣтняго сына его, Платона Валеріановича, въ войско и просьба сія тогда же удовлетворена. Онъ записанъ войсковымъ товарищемъ,

а сынъ его полковымъ есауломъ. Кромѣ сего и прочіе чиновники штаба его, по примѣру начальника, приняты въ войско товарищами.

Тѣмъ временемъ дружескія сношенія Черноморіи съ черкесами не прекращались. Но вкравшаяся неосторожность при такихъ сношеніяхъ была пагубна для черноморцевъ.

Въ исходѣ марта мѣсяца 1796 г. безпечные козаки, посланные капитаномъ Данильченкомъ въ черкескіе аулы для размѣна хлѣба на соль, внесли оттуда на нашу сторону моровую язву. Злое повѣтріе мгновенно разнеслось по всей землѣ. Города Екатеринодаръ, Тамань и курени: брюховецкій, ивановскій, нижне-стебліевскій, крыливскій, титаровскій, вышестебліевскій и многіе хутора подверглись ужасной гибели, и не было средствъ прекратить смертность, продолжавшуюся болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Наконецъ, едва 8 іюля сильными дѣйствіями и неимовѣрною заботливостію Чепѣги съ присланнымъ на сей случай въ войско главнымъ докторомъ пограничныхъ краевъ, коллежскимъ совѣтникомъ Очаковымъ, таможеннымъ директоромъ Фонъ-Матіясъ и главнымъ начальникомъ таврическихъ карантиновъ надворнымъ совѣтникомъ Гофельдомъ, успѣли совершенно остановить заразу.

Августа 10-го, по прекращеніи оной, обозрѣвали Черноморію екатеринославскій, вознесенскій и таврическій вице-генералъ-губернаторъ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Тебекинъ. Они были приняты Чепѣгою, сообразно ихъ достоинствамъ; входили съ участіемъ въ положеніе сего края, всматривались во внутренное благосостояніе жителей онаго и обѣщали войску свое покровительство, а при выѣздѣ пожелали, со всѣми чиновниками, ихъ сопровождавшими, записаться товарищами въ курень кисляковскій, на что имъ тогда же выданы отъ войсковаго правительства аттестаты.

14 сентября войсковые старшины и товарищество въ общемъ собраніи положило: отдачу на откупъ продажи вина на войсковой землѣ съ будущаго 1797 года уничтожить, а была бы такова вольная, со взносомъ въ войсковую сумму отъ каждаго ведра по одному рублю. Въ тотъ же день обществомъ признали полезнымъ для приращенія войсковыхъ доходовъ открыть на откупъ съ 1797 года ачуевскій черно-протоцкій рыболовный заводъ желающимъ явиться на торги.

Войсковое правительство внимательно наблюдая, что закубанскіе наши сосѣди, не смотря на мѣры кротости, употребляемыя при сношеніяхъ съ ними, начали день ото-дня усиливать свои покушенія къ прорыву на нашу сторону для грабежей, и желая, сколько возможно, оградить жителей безопасностію, командировало премьеръ-маіора Гулика осмотрѣть всю кордонную линію и поручило ему, гдѣ признаетъ нужнымъ, учредить новые пикеты надъ самымъ берегомъ Кубани, а въ мѣстахъ, удобныхъ для переправы, усилить кордоны стражею. Сообразно симъ распоряженіямъ, кордонная линія достаточно укрѣплена; ее раздѣлили по прежнему на двѣ части и командованіе каждой изъ оныхъ поручено полковникамъ. Козаковъ опредѣлено во всякій кордонъ по 25 конныхъ и по столько же пѣшихъ и положено всѣмъ служащимъ довольствоваться собственнымъ провіантомъ.

Тогда же сдѣлана перемѣна чиновниковъ въ окружныхъ правленіяхъ. Въ Екатеринодарѣ построенъ арсеналъ для храненія бывшей въ войскѣ артиллеріи. Въ куренѣ щербиновскомъ, по просьбѣ жителей, учреждено въ годъ три ярмонки: 1-я на Ѳоминой недѣли, 2-я 29-го іюня на праздникъ Петра и Павла и 3-я въ день Воздвиженія Честнаго Креста, 14-го сентября.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1796 г. Черноморія, вмѣстѣ съ сѣтующей Россіею, оплакивала кончину блаженно-незабвенной памяти

государыни императрицы Екатерины великой, возстановительницы войска сего, матери благодѣтельницы онаго! Вскорѣ же за сею плачевною утратою черноморцы лишились первѣйшихъ своихъ начальниковъ. Войсковый атаманъ генералъ-маіоръ Чепѣга 14 генваря скончался въ Екатеринодарѣ, а 28 того же мѣсяца войсковый судья бригадиръ Головатый умеръ въ Персіи. Потеря всегда чувствительная, но невозвратная для войска!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО КІЕВА.

Предлагаемыя вниманію читателей замѣтки найдены мною въ старой рукописной книгѣ конца прошлаго столѣтія, одномъ изъ тѣхъ сборниковъ всякой всячины, которые во множествѣ обращались въ средѣ грамотныхъ людей XVII, XVIII и начала XIX столѣтій на юго-западѣ и сѣверо-западѣ Россіи, составляя настольную книгу нашихъ предковъ, которую они пополняли и просматривали въ часы досуга и давали другимъ для прочтенія, какъ теперь даются газеты и журналы. Находящійся у насъ сборникъ наполненъ самыми разнообразными выписками и записями, преимущественно духовно-нравственнаго характера, сдѣланными изъ такихъ же сборниковъ и быть можетъ отдѣльныхъ рукописей. Тутъ есть между прочимъ житіе Макарія Переяславскаго, написанное въ 1756 г. какимъ-то Ѳедоромъ силлабическими стихами въ 230 строфъ съ акростихомъ; есть апокрифъ о жизни Іуды предателя, начиная съ его дѣтства, и много другихъ подобныхъ статей. И рядомъ съ такими важными для тогдашняго средняго читателя произведеніями пріютились эти болѣе чѣмъ скромныя замѣтки едва грамотнаго человѣка, никогда конечно не разсчитывавшаго, что онѣ попадутъ въ печать. Старинный скорописный почеркъ замѣтокъ и бумага ихъ, на которой выведенъ водянымъ знакомъ 1797 годъ, показываютъ, что онѣ писаны въ концѣ прошлаго столѣтія. Ихъ велъ какой-то богомолецъ, путешествовавшій изъ Смоленска въ Кіевъ на поклоненіе тамошней святынѣ. Поэтому храмы, святыни—главный сюжетъ его замѣтокъ, и объ нихъ онъ неопустительно упоминаетъ. Но цѣль замѣтокъ, по видимому, была другая: путешественникъ, человѣкъ небогатый, или, по крайней мѣрѣ, разсчетливый, записывалъ каждую копѣйку, деньгу, полушку, на что истратилъ ту или другую. Какъ-бы мимоходомъ онъ обозначаетъ производство и продукты проходимыхъ имъ мѣстностей, а главное ихъ цѣны, или же дѣлаетъ наблюденія въ качествѣ натура-

листа, въ родѣ того, напр., что въ Стародубѣ «легушки квохчать не по смоленски». Все это любопытно и забавно; но не въ этомъ главный интересъ замѣтокъ. Въ нихъ отразился во всей своей непосредственности, простотѣ и наивности русскій человѣкъ, какимъ онъ являетъ себя во время *хожденія*. Тутъ онъ весь на лицо—съ его религіознымъ настроеніемъ, будничными привычками, незатѣйливыми потребностями, своимъ особымъ кругозоромъ и даже волнующими подъ часъ его чувствами. Въ этомъ отношеніи помѣщаемыя замѣтки являются рѣдкимъ памятникомъ нашей письменной литературы.

Богомолецъ, видно, былъ свѣтскій человѣкъ, потому что брился, какъ это означено въ замѣткахъ. Ходилъ онъ не одинъ, а въ группѣ другихъ богомольцевъ; по крайней мѣрѣ въ запискахъ обозначаются еще три личности: Титъ, Данило и отецъ Анатолій. Путешественники были смоленскіе, а записывающій, кромѣ того, хорошо былъ знакомъ съ мѣстностью смоленскаго уѣзднаго города Сычевска, какъ равно и со Смоленскомъ, съ которымъ и сравниваетъ встрѣчающееся на пути.

Писаны замѣтки отчасти чернилами, отчасти карандашемъ, и съ трудомъ разбираемы были. Приводимъ ихъ, какъ онѣ есть, цѣликомъ, съ удержаніемъ орѳографіи подлинника.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Пошли въ суботу маия 29, въ вечерню. Отъ Смоленска на 15 верстъ виделъ Стіопку, секретарскаго беглеца [1]); послалъ назадъ.

Ночлегъ отъ Смоленска жъ 17 верстъ въ Дрѣжинѣ, на постоялѣ дворѣ. Тамъ хозяину, Никитѣ Иванову, объявилъ объ Стіопкѣ.

30-го воскресенье. Около Белоручья, вправѣ, недалече около Надолгомостья, змѣя было укусила въ завтракъ.

31-го. Село Стрыгино. Дьячекъ Иванъ Богдановскій 30 числа [2]), на заговены, дравшись, убилъ было до смерти свою свячину; отливали ее водою дьячиху. Отецъ Михаилъ говоритъ, что у него часто сіе бываетъ, а битая прикидывается міортвой.

---

[1]) Бѣглые люди изъ дворовыхъ слугъ—обычная черта крѣпостной эпохи.

[2]) Тогда наступалъ петровскій постъ, въ который и пришлось странствовать нашимъ путешественникамъ.

Рославль отъ Смоленска 119 верстъ. Село Гореново отъ Рославля 10 верстъ. Въ ономъ у священника Петра ночевали. Сынъ онаго священника, діаконъ села Ладыжина, Иванъ тамъ былъ.

Титъ у Рословлѣ свалился съ гребли (плотины).

Село Рудня отъ Рословля.... Село Ершичи отъ Рословля 31 верста.

Съ слѣдующаго пункта начинается финансовый счетъ. Порядокъ записокъ такой: сначала упоминаніе о селеніяхъ, а потомъ запись расходовъ, которая однако ведется не всегда послѣдовательно: затраченное раньше иногда вспоминается послѣ.

Съ Михайлою, попомъ Стрыгинскимъ	6 к.
У жидовъ съ попами за полпиво, гдѣ господинъ стоитъ .	8 к.
У Рословлѣ попу Михай.	4 к.
Самъ за.	2 к.
Витушикъ за.	2 к.
На закуску	1 к.
Луку за.	2 к.
За квасъ	2 к.

Разрытое отъ Рословля 56 верстъ. Смоленская граница кончилась при рѣкѣ Ипати, отъ Рословля въ 76 верстахъ. До Мглина оттоль 26 верстъ, и тамъ шатеръ на столбахъ.

На родинахъ въ Хмарѣ за себѣ и за Данилу . . . 10 к.

Мглинъ имѣетъ 3 церкви, а 4-ая на выездѣ Николаевская и все деревянные, и строенія каменнаго нѣтъ. Грязно весма, *мостовъ нѣту*[1]). Горелку въ рынкѣ продаютъ, словно квасъ и даютъ откушивать[2]). Дворъ будинокъ.—Отъ поповъ остались, не доходя до Мглина 15 верстъ.

Вышедши изъ Смоленска на нищихъ	2 к.
У Дрожжинѣ горѣлки за	4 к.
У жидовъ въ Разрытомъ	15 к
Въ Мглинѣ въ будинкѣ на квасъ	2 к.
На табакъ	1½ к.

---

1) Сравненіе со Смоленскомъ, въ которомъ въ то время до 1812 года, низкія улицы города были устилаемы бревнами.

2) Для Смолянина и въ ту пору это была большая новость, ибо въ Смоленскѣ со времени Алексѣя Михайловича горѣлку продавали только въ 3 или 4 кабакахъ.

Мглинъ и Стародубъ новгородско-северскаго намѣстничества. Отъ Новгорода Мглинъ 150 верстъ, Стародубъ 90. *Легушки квохчатъ не по смоленски.*—Отъ Мглина 12 верстъ постоялой дворъ, при немъ погребенъ Загвосткинъ Максимъ; дворъ тотъ мглинскаго стряпчаго Косоча.

Въ косочьемъ дворѣ на горѣлку . . . . . 5 к.
Ѳляшку . . . . . 3 к.
Въ нее горѣлки на . . . . . 6 к.
Квасу . . . . . 2 к.
Въ другомъ мѣстѣ квасу на . . . . . 2 к.

Стародубскаго уѣзду село Бѣлогорецъ, церковь Покрова, отъ Мглина 20 верстъ.

На ночлегѣ, гдѣ два козака ночевали, горѣлки за . 3 к.

Село Ряхово стародубскаго уезду, церковь Иліи пророка; отъ Мглина 40, а до Стародуба 20 верств. Село Осколково, до Стародуба 7 верстъ; храмъ архидіакона Стеѳана. Въ правой сторонѣ село Пятовскъ, храмъ Дмитрія Ростовскаго. Стародубъ—славный городъ, но грязенъ, а всего довольно, и добрые и личные въ немъ люди; разстояніемъ не меньше Смоленска; строеніе хотя хорошее, но каменнаго, кромѣ церквей, нѣту.

Въ Стародубѣ рыбы за . . . . . 6 к.
Хлѣбъ . . . . . 3 к.
Булка и колачь тройной . . . . . 3 к.
Рашки . . . . . 1 к.
Горѣлки въ рынкѣ за . . . . . 4 к.
Въ шинкѣ, где ночевали въ Стародубѣ за горелку, за варенье рыбы и за постой . . . . . 7 к.

Село Нижнее, отъ Стародуба на 16 верстъ; 2 церкви: 1—Покровъ, 2—Рождество Богородицы.

Въ томъ селѣ въ богодѣльню денга, да на греблѣ безпалой денга жъ . . . . . 1 к.

Село Курозново, церковь Воскресенія, уѣзду новомирскаго. Село Изтобки, церковь троепрестольная: Георгія, Луки и Троицы.

У жида горѣлки за 15 верстъ до Рѳбскаго. . . 4 к.

У Робскѣ, гдѣ ночевали, хозяйка дочку родила.

Въ Робскѣ пироговъ тройныхъ за . . . . . 4 к.
У жида горѣлки за . . . . . 6 к.

Робскъ отъ Стародуба 50 верстъ.

Въ Робскѣ, въ шинкѣ у козака, за тобаки . . . 3 к.

Отъ Робска село Балычаны, церковь архангела Михаила; такъ, какъ Сычевскъ Короваево. Село Бровничи, церковь Петра и Павла.

Въ немъ за варенье бѣлуги . . . . . 1 к.

Село Соловьево, церковь николаевская.

Въ немъ у жидовъ, сидѣвши отдохая, горелки за. . 5 к.

Село Куршановичи, церковь Благовѣщения, рѣка Трубишъ, уѣзду новомирскаго. Село Хорошнее, епархіи новгородско-сѣверской, церковь Николая чудотворца. Въ немъ у жида рыбу доели [1]).

Горѣлки за . . . . . 4½ к.

Местечко Горекъ черниговскаго намѣстничества, уезду городницкаго. Отъ Горска Городня 24 версты.

Въ Горскѣ хлѣбъ . . . . . 2 к.

Двѣ витушки тройныя и згибень, все по 1 к. . . 3 к.

У жида горѣлки за . . . . . 4 к.

Рыбъ и за варение съ ухою и съ перцемъ. . . 4 к.

Село Жабчичи, церковь Петра и Павла, 14 верстъ до Городни. Село Бутовка, церковь Покрова, 9 верстъ до Городни. Тамъ ночевали противъ *10 числа июня*.

Въ Городнѣ хлѣба (1 булка по грошу) за. . . 4 к.

Горѣлки за . . . . . 5 к.

Село Листвено 2 церкви: 1 каменная, 2 деревянная.

Подъ Черниговымъ за 12 верстъ у жида горѣлки за . 5 к.

За вареніе рыбъ съ грибами и крупами . . . 2 к.

Село Куликово. Село Седнево.—Въ Черниговѣ, въ домѣ Дзогина, гдѣ ночевали, ввечеру новгородской губерніи дворянинъ Иванъ Кондратьевичъ Берчниковъ подчивалъ горѣлкою и просилъ кланяться отцу сконому Дмитрію.

Въ Черниговѣ рыбъ за . . . . . 2 к.

Квасу за. . . . . 1 к.

Поляницу . . . . . 1 к.

Хлѣба . . . . . 7 к.

---

[1]) Какъ выше обозначено, рыба эта (бѣлуга) куплена еще въ Стародубѣ за 6 копѣекъ; изъ нея три раза варили кушанье; слѣдовательно каждое такое кушанье всякій разъ обходилось для троихъ животовъ только по 2 копѣйки.

Горѣлки въ рынкѣ . . . . . 5 к.
Близъ Тройцы ввечеру *отъ живота* . . . . 4 к.
Утромъ тамъ-же . . . . . 4 к.
У жида Пенскѣ за . . . . . 5 к.
За варение грибовъ[1]) . . . . . 2 к.
Ввечеру за . . . . . 6 к.
Въ Олишевкѣ въ церковь и на милостину . . . 1 к.

Село.... Село....[2]) Село Красное, церковь Параскевы Пятницы. Въ Олишевки двѣ церкви. Село Чемерь.

Въ немъ горелки за. . . . . 6 к.
За варение грибовъ со пшеномъ . . . . 2 к.
На горѣлку тамъ . . . . . 6 к.

Подъ Козелцомъ, за 15 верстъ, волкъ скотину несъ.—Село Хотки.—Село Лемеши отъ Козелца къ Смоленску на 13 верстъ.

Въ Козелцѣ хлѣбъ . . . . . 8 к.
Рыбку и за табакъ . . . . . 2 к.
На квасъ . . . . . 1 к.
Два колоча жолтинкихъ . . . . . 4 к.
Въ церковь Николая чудотворда . . . . 1 к.
Горѣлки за . . . . . 4 к.
За ночлегъ . . . . . 1 к.
Въ обѣдѣ горѣлки за . . . . . 4 к.
Квасу за . . . . . 2 к.
На пути въ шелашѣ на церковь Праскевы. . . 1 к.
Въ шелашѣ за холодецъ . . . . . 1½ к.
За рыбку . . . . . 1 к.

Село Владимерка. Село Дымарка.

Нищему . . . . . ¾ к.
За поленицу . . . . . 1 к.
Въ Проворахъ селедей . . . . . 3 к.
Ситная . . . . . 2 к.
Горѣлки за . . . . . 4 к.

---

[1]) Грибы, вѣроятно, сами собирали, идя дорогой.

[2]) Прилучившееся болѣзненное состояніе путешественника не дозволило ему своевременно записать названія данныхъ селъ, а послѣ онъ, вѣроятно, не могъ вспомнить.

Въ Киевѣ церквѣй около 60. Церковь Успенія, двенадцатью святыми строенная, весьма хороша и украшенная; престоловъ въ ней..... Пещеры нижние и верхние ближние.

Михайловской золотоверхней монастырь, въ немъ мощи великомученицы Варвары безъ главы, по левой сторонѣ, противъ царскихъ вратъ, посреди церкви, подъ сѣнию въ рацѣ прекрасной. По правую сторону часть мощей святыхъ Понтелея, целителя зубовъ.—Софійской монастырь; въ немъ мощи митрополита киевскаго Макария по средней церкви ево; а недалече по левой—части разныхъ святыхъ мощей. Въ софійскомъ монастырѣ, въ Софіе же престоловъ 18, а было 24, иныхъ 6 уничтожены, изъ нихъ одинъ вмѣсто жертвенника. Братской монастырь, гдѣ стояли, тамъ академия.—Петропавловскій монастырь; Дѣвичей противъ его на другой сторонѣ.

17 числа (іюня) въ четвергъ въ банѣ хотѣли париться, но покупались; а ключи отца Анатолия были украдены, но откинуты; а печатку, снятую у вора, послѣ по обыскѣ отобрали.

18 числа. Варварѣ мученицѣ на акаѳистъ и на свѣчи и въ Софійскомъ монастырѣ мощамъ Макария издержано денегъ: 1 р. 78к.

На квасъ въ Кіевѣ	2 к.
Мыла и масла на	2 к.
Брылся	4 к.
Нищимъ	1 к.
На баню, хотя и не парились	5 к.
Василью повару на горѣлку	5 к.
Въ церковь на свѣчи	4 к.
Да въ кошелекъ	1 к.
На квасъ на радощахъ, что печатка нашлась . .	1 к.
Просвиры 4 к., пузырьки 7 к., на квасъ 2 к. . .	13 к.
На проскомидію съ просвирами общихъ . . .	20 к.».

Замѣтки кончились. На обратномъ пути богомолецъ нашъ уже не велъ записи. Мы свели къ итогу его расходы. Оказывается, всего изведено 4 р. 93 копѣйки. Изъ нихъ въ Кіевѣ, составлявшемъ цѣль его путешествія, затрачено 2 р. 36 копѣекъ; а путь отъ Смоленска до Кіева обошелся ему, при полномъ довольствѣ, безъ выпрашиванія подаяній (напротивъ, онъ самъ подаетъ милостину), въ 2 рубля 57 копѣекъ, считая не на серебро, а на ассигнаціи.

Смоленскъ. 1887 г. 5 января.

Сообщилъ **С. Писаревъ.**

Библіографія.

Полтавскій адресъ-календарь на 1887 г. Составленный подъ редакціею секретаря полтавск. губернскаго статистич. комитета Д. А. Трощинскаго.

Въ то время, какъ въ русской исторической наукѣ установлено положеніе, что дальнѣйшая ея разработка должна идти по частямъ, путемъ областнымъ, мѣстная областная исторія пополняется очень туго, дозами микроскопическими, и находитъ себѣ мѣсто въ такихъ изданіяхъ, гдѣ никакой исторіи по видимому совсѣмъ не полагалось-бы. Вотъ полтавскій адресъ-календарь на нынѣшній годъ. Казалось-бы, какъ можетъ забрести исторія въ это чисто практическое и такъ сказать мимолетное изданіе. Но почтенные издатели нашли и тутъ для нея мѣсто.

«Кіевской Старинѣ», какъ органу мѣстному, но періодическому, надо выслѣживать и въ такихъ изданіяхъ историческія крохи и собирать ихъ въ одну общую массу, вмѣстѣ съ болѣе крупнымъ историческимъ матеріаломъ, по пословицѣ: «ловись рыбка велика й маленька».

Въ названномъ календарѣ есть двѣ статьи, относящіяся къ мѣстной исторіи и одна къ мѣстной этнографіи. Названія ихъ слѣдующія: 1) Историческія свѣдѣнія о Полтавѣ и ея памятникахъ; 2) Полтава 1779 г. и 3) Полтавская старина. Всѣ три статьи составлены однимъ лицемъ, г. Сторожевскимъ. Первая изъ нихъ была напечатана еще въ 1882 г. въ «Справочно-адресной книгѣ г. Полтавы» на этотъ годъ. Теперь она перепечатана снова, притомъ безъ всякихъ измѣненій и дополненій, и сдѣлано-ли это, какъ отъѣзжающимъ артистомъ, *по желанію публики*, или по соображенію, что статья забыта и явится опять новинкой, или еще почему либо, остается неизвѣстнымъ. Быть

можетъ, авторъ, по скудости мѣстныхъ источниковъ, не нашелъ, чѣмъ пополнить свою статью, или онъ считалъ ее на столько полною, что всякія дополненія дѣйствительно были-бы излишни? Но ни того, ни другаго сказать нельзя. Стоило бы автору пересмотрѣть мѣстныя губернскія вѣдомости до 60-хъ годовъ, а также «Памятную книжку полтавской губерніи», составленную г. Бодянскимъ, и онъ нашелъ-бы тамъ и здѣсь не мало такого, что могъ-бы съ пользою внести въ свой историческій очеркъ. А что этотъ очеркъ страдаетъ крайней неполнотой даже для невзыскательнаго провинціальнаго читателя, въ этомъ убѣдиться не трудно. Не говоря о первой половинѣ XVII столѣтія, и для второй половины онаго и даже для всего XVIII вѣка въ «историческомъ очеркѣ» г. Сторожевскаго не находимъ необходимыхъ свѣдѣній. О возстаніи, напримѣръ, Мартина Пушкаря онъ говоритъ какъ-бы мимоходомъ, посвящая этому историческому моменту всего 11 строкъ (стр. 88). Подробнѣе авторъ останавливается на описаніи полтавской битвы (39—43), но и здѣсь главное вниманіе обращается только на ходъ самаго сраженія. О составѣ населенія Полтавы за прежнее время, хотя-бы за XVIII в., нигдѣ не говорится ни слова; между тѣмъ данныя для этого, и весьма интересныя, лежали подъ рукою у автора историческаго очерка, именно въ архивѣ мѣстнаго губернскаго правленія, и отчасти уже были помѣщены въ Полт. Губ. Вѣдомостяхъ за 1861 г., въ № 3-мъ, подъ заглавіемъ: «Компутъ всего полку полтавского 1718 г.» Находящіяся здѣсь цифровыя данныя не только опредѣляютъ количество населенія, но даютъ понятіе и о сословныхъ группахъ г. Полтавы прошлаго вѣка. Быть можетъ, эти-же данныя заставили-бы автора остановиться долѣе на значеніи Полтавы, какъ оплота отъ набѣговъ татаръ XVII в. и первой половины XVIII в., о чемъ авторъ упоминаетъ только мимоходомъ (стр. 38). Не будемъ останавливаться на другихъ пробѣлахъ историческаго очерка г. Полтавы, не имѣющаго особеннаго интереса даже для мѣстнаго обывателя. Замѣтимъ только, что перечень нѣсколькихъ фактовъ изъ внѣшней исторіи полтавскаго края, при невсегда удачной связи ихъ, а главное, при полномъ игнорированіи значенія этихъ фактовъ въ развитіи внутренней жизни мѣстнаго общества, представляется намъ совершенно излишнимъ и безполезнымъ балластомъ.

Больше интереса представляетъ вторая статья: «Полтава 1799 г.», составляющая извлеченіе изъ дѣлъ архива городской полиціи. Но и здѣсь авторъ, по пословицѣ, больше «медомъ помазалъ»... Въ началѣ статьи онъ заявляетъ, что ему «удалось, какъ въ архивахъ, такъ и въ частныхъ домахъ, на аукціонахъ и т. п. случаяхъ отыскать (?) много старыхъ дѣлъ, книгъ полтавскаго суда, бумагъ и документовъ, начиная

съ первой половины прошлаго столѣтія (стр. 107) и что по этимъ матеріаламъ онъ предполагалъ рядомъ отрывковъ и монографій изобразить, хотя отчасти, мѣстный бытъ, общественныя отношенія, устройство (?), средства (?) и постепенное развитіе Полтавы отдаленныхъ временъ». Но.... предположеніе автора не сбылось и собранный богатый матеріалъ былъ переданъ имъ же нынѣ покойному профессору кіевскаго университета Кистяковскому. Но и проф. Кистяковскій не сдѣлалъ изъ переданныхъ ему бумагъ употребленія и уцѣлѣли ли они, неизвѣстно; въ рукахъ же г. Сторожевскаго остались архивныя бумаги лишь съ 1798 г.

Для статьи о Полтавѣ главнымъ матеріаломъ послужили рапорты городничаго кн. Шаховскаго ревизовавшему Полтаву кіевскому военному губернатору Беклешову и рапортъ преемника Шаховскаго, Михаила Значко-Яворскаго. Въ статьѣ подробно описанъ городъ, какимъ онъ былъ тогда, съ его старыми валами, остатками бастіоновъ и башень, съ его деревянными постройками, крытыми дранью и соломой. Всѣхъ домовъ было 1283, всѣхъ жителей, мужчинъ и женщинъ, 7769. Изъ нихъ около 5½ тысячъ козаковъ и болѣе тысячи мѣщанъ. Дворянъ не было и 500 человѣкъ: переходъ въ благородное сословіе и прибавки къ фамиліи окончанія *въ* тогда только-что входили въ моду. Въ описи подробно обозначены городскія зданія и учрежденія, доходы и оброчныя статьи города, лавки и базары; сообщаются данныя о доставляемыхъ городомъ *полевыхъ*, огородныхъ и садовыхъ продуктахъ, о ярмаркахъ и о поразительныхъ по дешевизнѣ рыночныхъ цѣнахъ.

Улицы не носили тогда опредѣленныхъ названій и изъ всѣхъ ихъ вымощена была одна. Только позднѣе, при Куракинѣ, сталъ застраиваться городъ. Къ той позднѣйшей эпохѣ относится умышленно-наивное, лукавое восклицаніе, вложенное Котляревскимъ въ уста одного изъ лицъ его безсмертной «Наталки»: «Вже-жъ городъ буде—якъ макъ цвите! Якъ бы покійни шведы, що згинули пидъ Полтавою, повставали, то-бъ теперъ и не познали Полтавы»!

Иностранцевъ въ Полтавѣ было въ ту пору всего три: французъ и два нѣмца. На нихъ, по предписанію губернатора Миклашевскаго, устремлено было «недремленное око» городничаго. Французъ Жаке дѣйствительно пошатался по Россіи,—былъ въ плѣну у Пугачева, оттуда бѣжалъ къ Михельсону и потомъ вынырнулъ какъ-то въ Полтавѣ. Нѣмецъ Менгесъ состоялъ при разорителѣ Сѣчи Текеліи. Пасторъ Веберъ существовалъ неизвѣстно для чего. Жаке и Менгесъ «занимались въ Полтавѣ обученіемъ и наставленіемъ благороднаго юношества въ наукахъ» и содержали два пансіона. Кромѣ этихъ иноземныхъ разсад-

никовъ просвѣщенія, въ 1799 г. была открыта «предположенная по положенію общества г. Полтавы 4-хъ классная школа».

Третья статья: «Старина Полтавская» представляетъ собою изложеніе трехъ дѣлъ, разбиравшихся въ полтавскомъ полковомъ судѣ первой половины XVIII в. Первое дѣло: «Евдохи Дацѣй, чаровничимъ дѣломъ бавячейся», относится къ 1710 г. и состояло въ слѣдующемъ.

У Евдохи Дацѣй было найдено четыре узелка «завязанныхъ чаровничихъ рѣчей» и «полторы палянички изъ житней муки». Дацѣй была вызвана въ судъ, гдѣ показала, что въ первомъ узелкѣ «заключается земля отъ гроба мертваго человѣка, взятая на особливомъ мѣстцу у гробовища». Земля была смѣшана съ бѣлымъ макомъ; по словамъ Дацѣй, достаточно было этой смѣсью «посыпать въ судѣ, шобъ право было тому человѣкови, который пришолъ поклониться суду»; во второмъ узелкѣ содержался «замурокъ (замоpенный зародышъ яйца) курячій съ пушкомъ», употребляемый, какъ средство отъ лихорадки: «накурившись тымъ замуркомъ, заразъ трясця покине»—объявила Дацѣй на судѣ. Въ третьемъ узелкѣ «чаровничихъ рѣчей» находился «спаленный на уголь мозокъ кошечій зъ ниченими нитками»,—средство свести кого-либо съ ума, «щобъ зайшолъ въ голову», какъ говоритъ документъ. Въ четвертомъ узелкѣ было найдено «мыло съ покармомъ женскимъ»: смѣсь эту нужно было «росколотить съ пивомъ и въ каждую бочку всыпать, щобъ зо всѣхъ сторонъ люде до того двора шинкового сходились пить, минаючи иніе дворы, хочь-бы найлѣпшій напитокъ гдѣ былъ». Относительно паляничекъ, найденныхъ у Дацѣй, она заявила, что приготовлены онѣ изъ житней муки съ святой водой, «якая святится въ церкви богоявленского святъ вечера» и давались ею (Дацѣй) при дурныхъ супружескихъ отношеніяхъ, «жебы зъ собою жили гараздъ». На судѣ въ качествѣ свидѣтельницы была спрошена и «мужа Дацѣйного мачиха»—Оришка, заявившая, что «тую Дацѣю о чарованія не просила». Послѣ допроса «судъ городовый полтавскій вынайшовъ въ Саксонѣ правъ магдебургскихъ тотъ пунктъ: ежели бы кто кого очаровалъ, маетъ быти огнемъ спаленъ« (126 стр.), но принявъ во вниманіе, что Дацѣй не успѣла „чаровничества" привести въ исполненіе, а мачиха—Оришка, зная о чародѣйствѣ Евдохи, не „свѣдчила", постановилъ наказать обѣихъ публично канчуками „нещадно, жебы болше такихъ поступковъ чинить завстяглися".

Изложивъ содержаніе этого дѣла, г. Сторожевскій, между прочимъ, говоритъ: „изъ многочисленныхъ рѣшеній полковыхъ судовъ XVII и XVIII в. ясно можно видѣть, что употреблявшіеся въ Малороссіи кодексы, по своей средневѣковой суровости, не соотвѣтствовали уже тѣмъ

идеаламъ народнаго сознанія, которые выработались къ тому времени общественною жизнію». Съ замѣчаніями автора можно согласиться только отчасти. Въ полковыхъ судахъ Малороссіи XVIII в. далеко не всегда и не вездѣ руководились правомъ обычнымъ. Все зависѣло отъ личности судей, а чего либо вполнѣ установившагося нельзя замѣтить.

Другое дѣло: «О ложномъ чудѣ» относится къ 1711 году. Особеннаго научнаго интереса оно не представляетъ; вотъ его суть. Въ Полтавѣ рзшесся слухъ, что въ погребѣ мѣстнаго обывателя Рымаря «*щось говоритъ*». Народъ толпами сходился слушать этотъ невѣдомый голосъ, убѣждавшій, напримѣръ, одного жителя, чтобы онъ, «якъ доробитъ церковь», имѣлъ бы «доброе въ сердцю и добрые дѣла сотворялъ, и будетъ благодать мати». Судъ послалъ коммисію для изслѣдованія погреба. Оказалось, что слова, слышанныя изъ погреба, произносила Оришка, жена Рымаря. Вызванная въ судъ Оришка заявила, что сама «своими нечистыми устами говорила и прельщала людей для собиранія денегъ съ легковѣрныхъ». Судъ постановилъ: «тую блюзнѣрку Оришку подъ часъ торгу поблѣчне выбити на мосту».

Невольно какъ-то вспоминается при этомъ обошедшее недавно газеты, а первоначально явившееся въ «Кіевскомъ Словѣ» сообщеніе о необычайномъ явленіи, которое, по наблюденію кіевскаго вице-губернатора Баумгартена и профессора Прахова, имѣло мѣсто въ новостроющемся въ Кіевѣ Владимірскомъ соборѣ и состояло въ томъ, что на запрестольной стѣнѣ этого собора показывалось то самое изображеніе Божіей Матери, которое задумалъ художникъ Васнецовъ.

Наконецъ 3-е дѣло 1727 г.: «о Рѣшетиловскомъ упырѣ Гаврилѣ Ивановѣ Мовчаненкѣ» заключаетъ въ себѣ тоже не безъинтересныя данныя для исторіи повѣрій южно-русскаго народа. Иванъ Мовчаненко, назвавшись упыремъ, въ с. Рѣшетиловкѣ заявилъ народу, что наступившее бездождіе прекратится тогда, когда будутъ утоплены четыре мѣстныя вѣдьмы, указываемыя имъ. Громада рѣшетиловская потребовала отъ сотника привести въ исполненіе предсказаніе Мовчана, но сотникъ поспѣшилъ объявить о начавшемся народномъ бунтѣ коменданту Полтавы. Комендантъ и полковникъ послали въ Рѣшетиловку унтеръ-офицера и бургомистра, которые и доставили въ судъ Мовчаненка и указанныхъ имъ четырехъ вѣдьмъ изъ мѣстныхъ обывательницъ. На судѣ «подъ батожьимъ боемъ» упырь сознался, что «въ безуміи опорочилъ этихъ женъ и что въ новомѣсячьи припадаетъ ему въ голову замѣшаніе». Полтавскій полковой судъ отпустилъ женщинъ, освободилъ отъ наказанія и упыря, объявивъ «всему товариству и посполитству рѣшетиловскому не довѣрять вымышленному обманщику и не полнаго ума человѣку».

Какъ видитъ читатель, и эта статья, и предшествовавшая ей хотя представляютъ собою простое изложеніе сырыхъ матеріаловъ, но заключаютъ въ себѣ не мало интересныхъ данныхъ по южно-русской этнографіи. Спасибо любителямъ полтавской старины; но невольно подумаешь при этомъ о судьбѣ самыхъ памятниковъ этой старины. Сколько ихъ лежитъ втунѣ въ архивахъ полтавскаго губ. правленія, казенной палаты, окружнаго суда, консисторіи, дворянскаго депутатскаго собранія! И нѣтъ особаго надежнаго хранилища для нихъ, нѣтъ рукъ и средствъ для ихъ разработки. Есть архивныя коммисіи въ Саратовѣ, въ Рязани, въ Новочеркасскѣ проэктируется музей, а нашъ югъ и не помышляетъ о семъ, ожидая вѣрно толчка свыше. Тѣмъ больше чести отдѣльнымъ личнымъ попыткамъ, къ какимъ принадлежитъ безспорно и разсмотрѣнный нами трудъ гг. Сторожевскаго и Трощинскаго.

Н. Н. Бакай.

Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1886 г. т. I—II.

Оба тома названнаго сборника очень объемисты и весьма разнообразны по своему составу. Въ первомъ томѣ помѣщено 20, во второмъ 7 статей, касающихся различныхъ сторонъ мѣстной, минувшей и современной, жизни. Мы не можемъ однако разсматривать этого сборника во всей полнотѣ и разнообразіи его содержанія. По спеціальной задачѣ нашего изданія, мы можемъ слѣдить въ немъ лишь то, что относится къ исторіи или этнографіи южнорусскаго или малорусскаго населенія той мѣстности; но статей съ такимъ содержаніемъ въ обоихъ томахъ сборника очень мало, или почти совсѣмъ нѣтъ. Лучшія статьи обоихъ томовъ посвящены преимущественно или даже исключительно городу Воронежу, трехъсотлѣтній юбилей котораго праздновался, а такія статьи, какъ о землевладѣніи и семейныхъ раздѣлахъ въ крестьянскомъ классѣ, или этнографическіе очерки населенія воронежской губерніи, гдѣ можно бы найти что-либо по малорусской исторіи и этнографіи, крайне малы и слабы. Конечно, этото не могло бы случиться при болѣе широкомъ взглядѣ мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей на задачи юбилейнаго сборника, такъ какъ территорія воронежская, отчасти и самый Воронежъ первоначально заселены черкасскими выходцами, да и въ настоящее время на 2,486,197 д. населенія губерніи приходится 1,200,000 малороссіянъ; но мы должны довольствоваться тѣмъ, что даетъ для нашихъ

цѣлей сборникъ въ настоящемъ его составѣ, а даетъ онъ, какъ мы уже сказали, весьма немного.

Въ 1-й томъ сборника вошла статья неизвѣстнаго автора (N.) о малорусскомъ населеніи полтавской гусерніи, напечатанная первоначально въ Полтавскомъ Сборникѣ 1877 г. Странно, конечно, встрѣтить такую перепечатку въ юбилейномъ изданіи; но составители Воронежскаго Сборника объясняютъ такое заимствованіе съ одной стороны огромнымъ процентомъ малорусскаго населенія воронежской губерніи, а съ другой тѣмъ, что среди населенія полтавской губерніи лучше сохранились этнографическія особенности малорусскаго народа. Объясненіе это мало поправляетъ ошибку издателей, такъ какъ самая статья оказывается крайне жидкой и пустой. На 23 страницахъ разгонистой печати говорится о типѣ малороссовъ, ихъ характерѣ, положеніи женщины, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, обрядахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ, обо всемъ понемножку, съ примѣсью громкихъ фразъ, причемъ не видно ни малѣйшей личной наблюдательности или личнаго изученія народа. Перепечатка этой пустой статьи, хотя вышла изъ самыхъ лучшихъ побужденій, обнаружила однако почти полное незнакомство составителей сборника съ малорусской этнографіей вообще и этнографіей воронежскихъ малороссовъ въ частности. А между тѣмъ украинское населеніе губерніи въ 1 мил. 200 тыс. человѣкъ вполнѣ заслуживаетъ изученія, и въ связи съ остальнымъ украинскимъ народомъ, и отдѣльно, изученія этнографическаго, археологическаго и бытоваго.

Съ большимъ интересомъ можно остановиться на статьѣ, служащей украшеніемъ перваго тома; это историческій очеркъ города Воронежа, составленный Л. Б. Вейнбергомъ, членомъ-секретаремъ мѣстнаго статистическаго комитета. Представимъ вкратцѣ его содержаніе; въ немъ не мало любопытныхъ фактовъ изъ исторіи малорусскихъ поселенцевъ въ томъ краѣ и самомъ Воронежѣ.

Воронежъ построенъ въ 1585 г. по указу Ѳедора Іоанновича, одновременно съ г. Ливнами, и главной цѣлью основанія этихъ двухъ городовъ было облегчить «передачу вѣстей про приходъ воинскихъ людей». Первымъ воеводой былъ Сабуровъ. Въ 1590 г. малорусскіе козаки изъ Канева въ количествѣ 600 человѣкъ напали на Воронежъ и разрушили его. Находясь на бойкомъ торговомъ пути, Воронежъ скоро оправился, обстроился; но въ смутное время Заруцкій его ограбилъ и разорилъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ очень заботился о заселеніи воронежскаго края великороссами и малороссами. Очень уважая малорусское козачество за храбрость, Михаилъ Ѳедоровичъ надѣлилъ малороссовъ-переселенцевъ разными льготами и привиллегіями. Черкасы мас-

сами двинулись въ плодородный воронежскій край, и въ четыре года основали три города: Усердъ (1641 г.), Коротоякъ (1642 г.) и Ольшанскъ (1645 г.). При Алексѣѣ Михайловичѣ возникаютъ новые малорусскіе города: Усмань (1650 г.), Орловъ (1650 г.), Острогожскъ (1652 г.) и Землянскъ (1657 г.). Острогожскъ скоро такъ поднялся, что Воронежъ сталъ ему завидовать. Права и привиллегіи черкассъ, въ особенности торгово-промышленныя, неблагопріятно повліяли на экономическую жизнь великороссовъ, и между первыми и послѣдними возникли непріязненныя отношенія. Въ особенности часто спорили воеводы съ черкасскими полковниками. Обвиненія всякаго рода и доносы шли въ Москву въ обиліи отъ обѣихъ сторонъ: но правительство не обращало серьезнаго вниманія на эти доносы, такъ какъ знало, что они были вызваны преимущественно личными интересами начальныхъ людей. Правительство понимало, что близость привиллегированныхъ черкасскихъ городовъ оказывала неблагопріятное вліяніе на экономическую жизнь Воронежа, но оно интересы всего края ставило выше интересовъ города Воронежа и весьма цѣнило военную доблесть и опытность малорусскихъ поселенцевъ, тѣмъ болѣе, что малорускіе поселенцы были найболѣе культурнымъ элементомъ въ краѣ. Въ Воронежѣ въ XVII ст., по словамъ г. Вейнберга, число грамотныхъ жителей было весьма велико, причемъ грамотность была распространена не только среди дворянъ и дѣтей боярскихъ, но также среди купцовъ и крестьянъ; наставниками были, вѣроятно, малороссы. Въ селѣ Ендовищѣ въ концѣ XVII ст. была школа для дѣтей козаковъ-черкасъ. Выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ былъ дьячекъ мѣстной церкви. Грамота преподавалась по азбукамъ, составленнымъ грамотѣями. Малорусское населеніе давало не только испытанныхъ въ бояхъ воиновъ, не только наставниковъ грамоты, но также искусныхъ ремесленниковъ. Иностранецъ путешественникъ де-Бруинъ, посѣтившій воронежскій край въ 1702 г., говоритъ объ одной необыкновенной мельницѣ, построенной малорусскимъ мастеромъ, причемъ приложенъ рисунокъ съ нея. Мельница имѣла форму восьмиугольника. Втутри зданія помѣщались четыре мельницы, которыя дѣйствовали одновременно безъ крыльевъ и всякихъ другихъ наружныхъ приспособленій для примѣненія силы вѣтра. Но внутри этой главной мельничной постройки устроено семь парусовъ, похожихъ на обыкновенные барочные паруса, и само зданіе снабжено и закрывается снаружи большими окнами или дверями. При благопріятномъ вѣтрѣ открывали два или три окна съ той стороны, съ какой онъ дулъ. Черезъ эти окна врывался вѣтеръ, надувалъ паруса и такимъ образомъ приводилъ въ быстрое движеніе весь механизмъ. Эту мельницу осматривалъ Петръ Великій.

Населеніе города Воронежа состояло изъ разнородныхъ элементовъ, среди которыхъ элементъ малорусскій занималъ не послѣднее мѣсто.

Пребываніе Петра Великаго въ Воронежѣ и предпринятая имъ въ широкихъ размѣрахъ постройка кораблей на воронежской верфи чрезвычайно оживили этотъ захолустный городокъ и еще болѣе преобразили его разношерстный составъ. Громадные пустыри среди города и вдоль берега рѣки покрылись живописными домиками иноземцевъ. Быстро выросла нѣмецкая улица, на которой рядомъ съ легкой галлереей домика швейцарца высилась неуклюжая крыша флегматика голландца. Населеніе этой улицы весь день проводило на работѣ, на рѣкѣ, строя корабли. Шумъ былъ такой, что вся крупная рыба ушла изъ рѣки Воронежа въ Донъ. Въ началѣ XVIII ст. Воронежъ имѣлъ уже десять тысячъ жителей, одѣтыхъ во «французское» платье, обучающихся и лечащихся у врачей иностранцевъ, переписывающихся по «ординарной» почтѣ, охотниковъ до музыкальныхъ исполненій «виртуозовъ-черкасъ».

Воронежъ Петра Великаго сгорѣлъ почти до-тла въ 1748 г. Пожаръ истребилъ болѣе тысячи домовъ, въ томъ числѣ государевъ дворецъ, адмиралтейскій дворъ, дома Апраксина и Меньшикова. Городъ вскорѣ отстроился. Въ 1773 г. Воронежъ снова выгорѣлъ, и лишь съ этого времени приняты были нѣкоторыя гигіеническія и противопожарныя мѣры.

Съ шестидесятыхъ годовъ обнаружился упадокъ торговли и вообще экономической жизни Воронежа. Съ открытіемъ московско-курской и курско-харьковско-азовской желѣзныхъ дорогъ Воронежъ отодвинутъ былъ въ сторону Харьковомъ и даже Ельцомъ.

Въ замѣну понесеннаго Воронежомъ ущерба въ матеріальномъ благосостояніи благосклонная къ нему судьба дала ему духовные успѣхи. Въ текущемъ столѣтіи страницы исторіи г. Воронежа украсились цѣлымъ рядомъ именъ полезныхъ мѣстныхъ дѣятелей: Болховитинова, Второва, Хованскаго, Вейнберга и двумя именами всероссійской извѣстности, Кольцовымъ и Никитинымъ.

Въ второмъ томѣ лучшая статья Н. В. Воскресенскаго о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Это правдивая и фактическая лѣтопись просвѣтительной дѣятельности лучшихъ силъ мѣстной интеллигенціи.

Въ 1847—1849 годахъ редакторомъ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей состоялъ А. С. Аѳанасьевъ, писавшій подъ псевдонимомъ Чужбинскій, авторъ извѣстной «Поѣздки» на югъ Россіи, по Днѣпру и Днѣстру. При Аѳанасьевѣ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщались статьи для народнаго чтенія на русскомъ и малорусскомъ языкахъ.

Такъ, по случаю новаго года (1848 г.) редакторъ обратился къ малороссамъ съ такимъ привѣтствіемъ: «Поздоровляю васъ съ новымъ годомъ! Чи живеньки, здоровеньки? Чи добре бенкетували на святкахъ? Ну, брацця (!), щожъ робытымемо съ новаго году. Мынулы святки, пора пріймaтысь за роботу; годи седыть позкладавши руки. А я кожнисенькій тыждень у суботу розсказыватыму вамъ яку небудь прыповисть: и старовыну згадаемъ, и казку найдемо, и балясы точытымемо, щобъ нескушно було у недилю, а у мене розсказивъ багато, повнысенька торба—тильки слухайте». Редакторъ очевидно не владѣлъ малорусскимъ языкомъ и, чтобы скрыть свое незнаніе, прибѣгъ къ шуткамъ и пустословію. Но долго нельзя было держаться на этой шутовской почвѣ въ дѣлѣ серіозномъ, и съ іюля 1848 г. разсказы для народнаго чтенія прекратились.

Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ (1838—1848 г.) существованія Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей не было помѣщено ни одной статьи по этнографіи. Въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 50 и 60-хъ годовъ помѣщено много этнографическихъ статей, при чемъ лучшія статьи написаны фонъ-Кремеромъ.

Въ статьѣ о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ находятся обширныя извлеченія изъ весьма любопытнаго этнографическаго альбома Второва и его статистико-этнографическихъ замѣчаній о населеніи воронежской губерніи. Разсматривая населеніе воронежской губерніи за 1854 г., Второвъ обрисовываетъ великоруссовъ, населяющихъ всѣ сѣверные и восточные уѣзды, и малоруссовъ, составляющихъ значительное большинство въ западныхъ и южныхъ уѣздахъ: «Малороссіяне, говоритъ онъ, набожны и религіозны, усердны къ церкви и строго исполняютъ церковныя установленія. Они охотно учатся грамотѣ. Много между ними есть самоучекъ-живописцевъ, такъ что почти всѣ иконостасы въ сельскихъ и многихъ городскихъ церквахъ воронежской губерніи писаны хохлами. Многіе также промышляютъ разными ремеслами; вообще они предпріимчивы и склонны къ торговымъ занятіямъ. Малороссіяне еще живо сохраняютъ въ памяти прежнее свое козачество... Въ случаяхъ злоупотребленій помѣщичьей власти, со стороны малоруссовъ встрѣчалось болѣе оппозиціи, чѣмъ со стороны крѣпостныхъ великоруссовъ... Малоруссы живутъ весьма опрятно, хаты у нихъ, даже у самыхъ бѣдныхъ, свѣтлыя, обмазанныя внутри и снаружи глиною и выбѣленныя, а передъ хатами, выходящими лицомъ всегда на улицу, находятся палисадники съ мальвами, шафраномъ и другими цвѣтами; въ пищѣ малороссіяне не любятъ себя ограничивать... Нравственность сохраняется въ чистотѣ... Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ малорусское населеніе сближается съ

великорусскимъ, болѣе ощутительное вліяніе оказываетъ первое на послѣднее; великороссіяне живутъ тамъ опрятнѣе, въ бѣлыхъ хатахъ..., въ языкѣ малоруссы и великоруссы имѣютъ взаимное вліяніе другъ на друга, и перевѣсъ остается на сторонѣ великоруссовъ. Вступая въ браки, они перемѣшиваются, но при этомъ, если мать малороссіянка, то дочери въ языкѣ и одеждѣ удерживаютъ болѣе малорусскую національность, а сыновья походятъ болѣе на отца, и наоборотъ». Этнографическій альбомъ Второва содержитъ 49 рисунковъ, изъ которыхъ каждый содержитъ отъ 2 до 6 и болѣе типовъ. Эти рисунки изображаютъ крестьянъ 23 великорусскихъ, 6 малорусскихъ и 1 нѣмецкаго поселенія. Костюмы описаны весьма подробно.

Г. Воскресенскій слѣдитъ за содержаніемъ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей изъ года въ годъ, сообщаетъ біографіи редакторовъ и перечисляетъ главныя статьи по этнографіи, исторіи и статистикѣ. Въ приложеніи къ статьѣ о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ находятся біографическіе очерки знаменитыхъ людей, родившихся въ воронежской губерніи: митроп. кіевскаго Евгенія, А. В. Кольцова, Н. И. Костомарова и Н. А. Сѣверцова. Юбилейный сборникъ снабженъ нѣсколькими рисунками и портретами, мимоходомъ замѣтимъ, плохо исполненными.

Въ цѣломъ Воронежскій Юбилейный Сборникъ представляется весьма отраднымъ явленіемъ провинціальной жизни.

Н. С.

A. v. Schweiger Lerchénfeld, Zwischen Donau und Kaukasus. A. Hartleben's Verlag. Wien. Pest. Leipzig. 1886. (А. ф. Швейгеръ Лерхенфельдъ. Отъ Дуная до Кавказа).

Подъ приведеннымъ заглавіемъ вышло популярное сочиненіе со многими политипажами, картинами и картами, посвященное описанію странъ, прилегающихъ къ Черному морю, между которыми, понятно, нашла себѣ мѣсто и степная полоса юга Россіи. Если судить о сочиненіи Швейгеръ Лерхенфельда по одеждѣ, то надо пожалѣть, что подобнаго сочиненія о югѣ Россіи до сихъ поръ нѣтъ и въ нашей литературѣ: изобиліе и красота иллюстрацій, отличная бумага и хорошій шрифтъ закупаютъ въ пользу его книги; однако, при ближайшемъ ознакомленіи съ ней, обаяніе исчезаетъ.

Ближайшимъ образомъ къ югу Россіи относятся собственно двѣ главы: введеніе, представляющее общій обзоръ историко-географиче-

скаго содержанія, и спеціальная глава «Южная Россія (отъ Прута до Дона)». Въ обѣихъ говорится объ очень многомъ. Такъ, введеніе (1—52 стр.) трактуетъ о путяхъ переселенія въ Европу кельтовъ, греко-италійцевъ, славянъ и финновъ, объ арійскомъ происхожденіи скиѳовъ, о достовѣрности Геродота, касается географическаго распредѣленія народовъ геродотовой скиѳіи, говоритъ о греческихъ колоніяхъ и ихъ торговыхъ сношеніяхъ со скиѳами, о движеніяхъ савроматовъ, гунновъ, болгаръ, аваръ и пр., занимается топографіей похода агронавтовъ, босфорскимъ царствомъ и т. д., кончая Петромъ Великимъ и его азовскими походами, и наконецъ столь же поверхностнымъ географическимъ обзоромъ.

Спеціальная глава о югѣ Россіи (97—136 стр.), при равныхъ претензіяхъ, не превосходитъ достоинствами вводную главу. Начинается она географическимъ обзоромъ степныхъ губерній, расположенныхъ между Прутомъ и Дономъ. Въ немъ мы находимъ удивительныя вещи. Такъ, напримѣръ, Днѣпръ впадаетъ близъ Одессы, въ одесскій заливъ (101 стр.), минимумъ зимней температуры 25°Ц., средняя лѣтняя температура равна средней лѣтней Мадеры, зимняя средней таковой же сѣверныхъ странъ Европы (102 стр.). Далѣе опять на сцену является исторія. О курганахъ говорится, что большая часть ихъ насыпана кочевыми народами для указанія границъ и дорогъ (111 стр.). Потомъ снова мчатся скиѳы, ихъ нагоняютъ мадьяры, болгары, готѳы и другіе «языки», свыше двенадесяти—толпятся на небольшомъ пространствѣ трехъ страницъ (115—118 стр.), спутываются, сшибаются и ложатся огромной, безпорядочной кучей. За симъ слѣдуетъ нѣчто, озаглавленное «Народная мозаика на югѣ Россіи»; это нѣчто посвящено вопросу о сравнительной этнической чистотѣ малоруссовъ и великоруссовъ, при чемъ авторъ держитъ себя вполнѣ прилично, что надо зачесть въ большую похвалу ему: онъ признаетъ нѣкоторую подмѣсь въ великоруссахъ финскаго, а въ малоруссахъ тюркскаго начала, но считаетъ ее мало существенною, а разстояніе между тѣми и другими менѣе, чѣмъ между Ober und Niederdeutschen. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ серьезно-деликатной бесѣды, авторъ съ неожиданной быстротой перескакиваетъ въ Запорожье; говоритъ немного о національности «козаковъ», приходя къ похвальному заключенію, что они тоже славяне, заявляетъ, что украинскіе козаки назывались сначала запорожцами, но что потомъ, съ начала XVI в., слово козакъ получило болѣе обширное значеніе, запорожцами же стали называть преимущественно днѣпровскихъ островитянъ (122—123 стр.). Затѣмъ Швейгеръ Лерхен-

фельдъ садится на быстраго пегаса и мчится далѣе: вмѣстѣ съ козаками онъ воюетъ съ Польшей и Турціей, участвуетъ въ возстаніи Богдана Хмельницкаго и въ присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, вмѣшивается въ бунтъ Мазепы и на короткое время останавливается на эпохѣ Екатерины, для того, чтобы высказать нѣсколько глубокомысленныхъ замѣчаній относительно того, что хотя козаки были храбры, смѣлы и осмотрительны, но что эти добрыя качества затемнялись пагубными наклонностями къ пьянству и къ игрѣ (къ какой?). Послѣ экскурса о козакахъ, слѣдуетъ новое нѣчто, названное авторомъ: «Къ исторіи Руси». Здѣсь идетъ рѣчь о вторженіяхъ норманновъ и о пришествіи Рюрика; вопросъ о Руси обойденъ темною фразою о томъ, что славяне стали называться русскими со времени Рюрика; далѣе говорится о сношеніяхъ Руси съ Византіей, вліяніе которой признается болѣе сильнымъ, чѣмъ норманское, и оцѣнивается слѣдующимъ образомъ: положительная сторона византійскаго вліянія та, что оно одолѣло азіатскій духъ и положило предѣлъ распространенію магометанства, отрицательная—застой подъ преобладаніемъ консервативныхъ богословскихъ взглядовъ (128—129 стр.). Потомъ мелькаютъ передъ читателемъ Святославъ, Владиміръ, Иванъ III, Иванъ VI и далѣе. Наконецъ, утомленное этой базарной пестротой предметовъ вниманіе на нѣсколько минутъ останавливается на обозрѣніи современныхъ южно-русскихъ городовъ и прежде чѣмъ закрыть книжку, читатель еще почерпаетъ не лишенныя новизны свѣдѣнія, что въ Николаевѣ есть важный музей древностей крымскихъ и южно-русскихъ, а Елисаветградъ—сильно укрѣпленный городъ съ обширнымъ арсеналомъ (135 стр.).

Нѣсколько словъ о рисункахъ. Въ началѣ главы о югѣ Россіи изображенъ бородачъ съ длинными, спускающимися на плечи, волосами и съ кнутомъ въ рукѣ, это малорусскій кучеръ; на стр. 112 чудовищный «тарантасъ», небывалый и несуществующій на югѣ, мчится тройкой вдоль кривыхъ телеграфныхъ столбовъ, торчащихъ въ разныя стороны; на стр. 120 и 121 представлены малороссіянка и малоруссъ; послѣдній также съ бородой, но остриженъ въ скобку, одѣтъ въ долгополый кафтанъ, а въ рукахъ держитъ длинную трубку; на пейзажѣ, окружающемъ изображеніе, слѣва виднѣются двѣ сосны и тесовая крыша, а справа два тополя. Послѣднія два изображенія почерпнуты изъ соч. Гельвальда: «Естеств. исторія племенъ и народовъ (стр. 792—793, II т. въ русск. перев.)»; но у того бородачъ сидитъ за чаемъ и представляетъ великоросса, у Швейгера онъ сошелъ за малоросса, благо, Швейгеръ не находитъ между ними большаго

различія. Наконецъ, въ заключеніи главы, изображенъ монахъ съ подписью «попъ».

Сказаннаго считаемъ достаточнымъ для того, чтобы признать сочиненіе Швейгеръ-Лерхенфельда неудовлетворяющимъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ, предъявляемымъ популярному сочиненію по географіи и по исторіи. Въ недавнее время европейская литература и наука обратили самое серьезное вниманіе на Россію и представили рядъ солиднѣйшихъ трудовъ по ея изученію, весьма важныхъ или, по меньшей мѣрѣ, любопытныхъ и для русской читающей публики. Сочиненіе Швейгера показываетъ еще разъ, что интересъ къ Россіи на западѣ очень великъ, но что его можно эксплуатировать и такой негодной книжкой, скомпонованной на чисто коммерческихъ основаніяхъ; само собою разумѣется, что для русскихъ читателей она представляетъ только интересъ курьеза.

В. Я.

Харьковскій календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю). Изданіе Харьков. Губер. Стат. Ком. подъ редакціей дѣйств. члена-секретаря П. С. Ефименка. Цѣна 1 р. 20 к.

Прошлогодній Харьковскій календарь, изданный подъ редакціей П. С. Ефименка, не оставлялъ, казалось, желать ничего лучшаго; но календарь этого года далеко оставляетъ за собою прошлогодній. Не говоря о внушительныхъ достоинствахъ изданія, довольно сказать о его объемѣ и цѣнѣ. За 1 руб. 20 коп. покупатель пріобрѣтаетъ 2 книги: Календарь въ 63 печ. листа мелкаго петита (болѣе 1000 страницъ) и Сборникъ въ 17 печатныхъ листовъ (278) стр.) также мелкаго петита. Что литературно-научныя статьи выдѣлены теперь въ особую книжку, названную Харьковскимъ Сборникомъ, къ этому нельзя не отнестись сочувственно; безъ этого календарь, вслѣдствіе своей излишней тучности, былъ бы неудобенъ для справокъ: но идя въ этомъ направленіи, слѣдовало бы, намъ кажется, для удобства публики перенести въ сборникъ изъ календаря и статьи научнаго характера: отъ этого объемъ календаря нѣсколько уменьшился бы, а объемъ сборника увеличился. Изъ календаря текущаго года можно было бы безъ ущерба перенести въ сборникъ статьи по сельскому хозяйству.

Мы не будемъ перечислять статей, помѣщенныхъ въ календарѣ, ни знакомить читателей съ разнообразнымъ содержаніемъ всего сборника,

а укажемъ только на тѣ статьи его, которыя имѣютъ связь съ задачами «Кіев. Старины,» журнала, посвященнаго южно-руской старинѣ.

На первомъ мѣстѣ въ Харьковскомъ Сборникѣ стоятъ воспоминанія Ф. О. Рейнгардта о Харьковѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Для харьковцевъ это самая интересная и занимательная статья въ книгѣ. Авторъ статьи (донынѣ здравствующій отставной педагогъ 75 лѣтъ) обладаетъ поразительною феноменальною памятью и знаніемъ стариннаго Харькова: ему въ точности извѣстны, напр., всѣ каменные дома въ Харьковѣ 30-хъ годовъ; онъ прекрасно вообще знаетъ топографію стариннаго Харькова и тѣ перемѣны, которыя совершались въ немъ въ послѣдующее время; приводитъ любопытные цифры цѣнъ того времени, имена и фамиліи купцовъ, жителей, содержателей магазиновъ, владѣльцевъ заводовъ, иностранныхъ ремесленниковъ и т. п. Чрезвычайна любопытна его характеристика домашней жизни и нравовъ разныхъ сословій тогдашняго общества; приведено при этомъ не мало и анекдотовъ.

Гораздо менѣе занимательны мемуары другаго харьковскаго уроженца о г. Харьковѣ и харьковской губерніи (съ 1788 по 1820), В. И. Ярославскаго. Они носятъ слишкомъ отрывочный характеръ. Впрочемъ эти недостатки относятся больше къ внѣшней сторонѣ записокъ. Но и въ нихъ мы найдемъ не мало любопытныхъ данныхъ о болѣе или менѣе выдающихся дѣятеляхъ того времени—Шидловскомъ, Комбурлеѣ, архитекторѣ Палицынѣ и др., есть и нѣкоторыя интересныя бытовыя подробности (объ экзаменѣ въ университетѣ для полученія чина коллежскаго ассесора).

Особенный интересъ представляетъ отрывокъ изъ воспоминаній о В. Н. Каразинѣ, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ харьковскій университетъ. Личность Каразина выступаетъ передъ нами въ не совсѣмъ привлекательномъ видѣ. Здѣсь между прочимъ разсказывается о томъ, что Каразинъ выхлопоталъ у государя признаніе законорожденной дочь помѣщика Надаржинскаго, для того, чтобы жениться на ней и взять ея богатое приданое.

В. Н. Каразину посвящена кромѣ того еще отдѣльная статья въ сборникѣ «В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручина», прот. Н. А. Лащенкова. Здѣсь приведены новыя [1]) и интересныя свѣдѣнія о Каразинѣ, какъ первомъ эмансипаторѣ изъ украинскихъ помѣщиковъ I-й четверти настоящаго столѣтія. Вышедши въ отставку въ цвѣтѣ силъ (31 г.), Каразинъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи с. Кручинѣ и

[1]) Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ архива харьк. дух. консисторіи.

предпринялъ цѣлый рядъ филантропическихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта и просвѣщенію его крестьянъ. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ нужно поставить попытку его устроить бытъ духовенства своей церкви на совершенно новыхъ началахъ: «онъ составилъ запись, въ которой лично отъ себя назначилъ священнику очень достаточное содержаніе, поставивъ при этомъ правиломъ, чтобы священникъ ни подъ какимъ видомъ не бралъ съ прихожанъ платы за требы и отказался не только отъ занятія хлѣбопашествомъ, но и отъ владѣнія церковною землею». Запись эта была утверждена, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями (напр., пунктъ о церковной землѣ былъ совсѣмъ выброшенъ) и на практикѣ принесла большую пользу, м. б., главнымъ образомъ потому, что выборъ священника оказался очень удачнылъ. Другимъ предпріятіемъ Каразина было устройство *сельской думы*, въ которой участвовали выборные изъ крестьянъ для суда, раскладки податей и т. п. Наконецъ, въ третьихъ, В. Н. Каразинъ устроилъ въ своемъ имѣніи первую приходскую школу, о процвѣтаніи которой сильно заботился. Прот. Лащенковъ называетъ Каразина необыкновенно смѣлымъ вождемъ народа и, что важнѣе, въ его-же духѣ и чувствѣ». Что такое заключеніе о. Лащенкова преувеличено, доказывать это было-бы излишне. Попытки урегулировать отношенія между приходскими священниками и населеніемъ имѣли мѣсто въ Малороссіи еще въ XVIII ст., и существуетъ цѣлый рядъ договоровъ такого рода между священниками и сельскими громадами. Тоже самое нужно сказать о школахъ: онѣ существовали почти во всѣхъ значительныхъ мѣстечкахъ и селахъ Малой Россіи и Слоб. Украйны, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Румянцевскяя опись Малороссіи и перепись Хрущова; остается также подъ сомнѣніемъ, чтобы Каразинъ дѣйствовалъ именно въ духѣ своего (т. е. малорусскаго) народа; скорѣе, пожалуй, можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ представителей либеральной эпохи имп. Александра I, чѣмъ и объясняются его филантропическія и освободительныя идеи и проэкты. Но, какъ сынъ своего вѣка, онъ не чуждъ былъ и многихъ отрицательныхъ въ нравственномъ отношеніи чертъ.

Изъ другихъ историческихъ матеріаловъ въ «Сборникѣ» обращаетъ на себя наше вниманіе прекрасно составленная статья „Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ». Матеріаломъ для нея послужило одно дѣло изъ харьковскаго историческаго архива (объ имѣніяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова). Можно пожелать, чтобъ и на будущее время редакція такъ обработывала сырые архивные матеріалы. Недостаетъ впрочемъ рисунковъ этихъ одеждъ и утвари. Въ замѣткѣ «Кое что о древностяхъ харьковской губерніи»

заключается нѣсколько извѣстій о находкахъ древнихъ монетъ и другихъ предметовъ въ предѣлахъ харьковской губерніи; 2 монеты, по опредѣленію проф. В. Б. Антоновича, времени Митридата и Марка Аврелія. Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены междупрочимъ біографіи В. Пассека и Соханской (Кохановской); эта послѣдняя написана особенно тепло и задушевно. Статья А. Д. Твердохлѣбова объ ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ даетъ мало новыхъ данныхъ. Среди матеріаловъ и мелкихъ замѣтокъ особенное вниманіе обращаетъ на себя статья: «Страница изъ исторіи благоустройства г. Харькова (1760—1765)». Это документъ, извлеченный изъ Харьк. Историческаго архива и проливающій много свѣта на состояніе нашего города во 2-й половинѣ XVIII ст. Здѣсь между прочимъ помѣщена жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича харьковскимъ обывателямъ на устройство цеховъ—извѣстіе совершенно новое. Весьма интересно также «Хроно-географическое описаніе г. Харькова (1767 г.)». Наконецъ, въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи на книги, касающіяся харьковской губерніи.

Мы перечислили только статьи и матеріалы, относящіеся къ мѣстной исторіи; но, кромѣ ихъ, есть еще работы статистическія, экономическія, этнографическія. Нельзя не подивиться умѣнью редактора «Сборника» привлечь къ участію въ немъ (замѣтьте—*безвозмездному*) такую массу сотрудниковъ.

Д. Чеп—ый.

В. Шенрокъ. Ученическіе годы Гоголя. Москва 1887 г.

Въ концѣ прошлаго года авторъ этой книги сдѣлалъ очень цѣнный вкладъ въ литературу о Гоголѣ, издавъ «Указатель» къ его письмамъ, заключающій въ себѣ объясненія инициаловъ и другихъ сокращеній въ изданіи Кулиша, лучшемъ до сихъ поръ и единственномъ, куда вошла переписка великаго писателя. Въ объяснительныхъ замѣткахъ г. Шенрокъ собралъ данныя объ отношеніяхъ Гоголя къ его корреспондентамъ и свѣдѣнія о нихъ самихъ. Все это значительно освѣщаетъ переписку и облегчаетъ пользованіе ею въ видахъ изслѣдованія. Задумавъ біографическій трудъ о Гоголѣ главнымъ образомъ на основаніи его писемъ, г. Шенрокъ очевидно желалъ уяснить житейскія отношенія поэта самому себѣ, и въ виду общаго интереса совершенно кстати подѣлился своимъ трудомъ и съ публикой. Предъ нами теперь біографическія замѣтки о первомъ періодѣ жизни Гоголя, составляющія, нѣтъ сомнѣнія, только начало труда болѣе значительнаго.

Совершенно резонно составитель этой книги сѣтуетъ на поразительное равнодушіе общества къ Гоголю, выразившееся какъ въ отсутствіи попытокъ новой біографіи его, по накопившимся матеріаламъ, такъ и въ небрежности и неполнотѣ всѣхъ новыхъ изданій его сочиненій. Относительно біографіи, думаемъ мы, сказалось явленіе, замѣчаемое почти всегда, когда какого нибудь литературнаго вопроса коснется рука мастера. »Записки о жизни Гоголя» Кулиша составлены съ такимъ талантомъ и проникновеніемъ въ духовную и житейскую натуру писателя, что повторять опытъ прежняго біографа во всемъ его объемѣ у многихъ, надо думать, не хватало рѣшимости. Со времени выхода книги Кулиша количество опубликованныхъ данныхъ о жизни Гоголя удвоилось, цѣлые отдѣлы книги могли бы быть написаны теперь почти заново. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ книга эта едва ли будетъ превзойдена когда нибудь, хотя бы ужъ потому, что носитъ на себѣ характеръ почти современнаго герою мемуара, что описанныя въ ней событія и явленія схвачены и запечатлѣны по первымъ горячимъ слѣдамъ. Изслѣдованіе г. Шенрока—одно изъ тѣхъ пріятныхъ литературныхъ явленій, гдѣ съ большимъ тактомъ, съ любовью и знаніемъ дѣла, не повторяются въ видѣ свода труды и наблюденія прежнихъ работниковъ на томъ же полѣ, а пріискиваются свои пути разсмотрѣнія, новая группировка извѣстныхъ фактовъ и матеріалъ уже опубликованный подвергается новому методу анализа. Наши замѣчанія не будутъ осужденіемъ этого труда, а лишь указаніемъ тѣхъ пробѣловъ, которыя бросаются въ глаза сами собой и при отсутствіи которыхъ эта почтенная работа, думается намъ, несравненно выиграла бы въ рельефности и полнотѣ.

Основнымъ матеріаломъ книги служатъ гоголевскія письма. Въ одной изъ начальныхъ главъ г. Шенрокъ самъ обращаетъ вниманіе на то, что корреспонденція ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваема, какъ незыблемый матеріалъ для біографіи. Ни къ кому важность этого замѣчанія не относится въ такой степени, какъ къ Гоголю, который, по своей натурѣ художника, иногда умышленно, иногда инстинктивно, незамѣтно для себя, становился на точку зрѣнія того лица, съ кѣмъ велъ рѣчь и какъ бы проникался его міросозерцаніемъ. Безъ всякаго стремленія къ лжи, но по художнической живости представленія, онъ вдругъ неожиданно надѣлялъ себя тѣми чертами, которыя, какъ онъ чувствуетъ, будутъ близки, схвачены и усвоены лицомъ, къ которому онъ обращается. Подтвержденіемъ этого могутъ служить хотя бы тѣ примѣры «практичности», которыя отмѣчаетъ въ нѣкоторыхъ письмахъ Гоголя г. Шенрокъ. Эта воображаемая практичность на каждомъ

шагу опровергается въ корень поступками, которые подъ стать только отчаянному мечтателю, а о житейскомъ разсчетѣ невозможно и говорить, въ виду благородства души поэта, умершаго нищимъ. Вторымъ капитальнымъ пробѣломъ работы г. Шенрока надо считать нѣкоторое изолированіе своего героя отъ условій мѣста и времени. Въ тѣни оставлены объстоятельства, факторы, лица, вліявшіе такъ или иначе на формировку характера и воззрѣній писателя. Въ біографіи едва ли можно достигнуть желаемой правды и полноты, не послѣдовавъ тому методу Тэна, который (въ примѣненіи къ болѣе обширной сферѣ явленій) формулированъ имъ въ трехъ словахъ: le climat, le milieu, la race.

Племенныя, расовыя черты натуры и характера Гоголя очень мало, только вскользь анализированы новымъ его біографомъ. Между тѣмъ въ этихъ чертахъ, въ исторически-сложившихся особенностяхъ той среды, къ которой по происхожденію всѣми корнями своими принадлежалъ Гоголь, лежитъ разгадка многаго кажущагося неяснымъ въ его сложномъ характерѣ, въ его тончайшей духовной организаціи. Эти черты расы бросились въ глаза одному изъ новѣйшихъ критиковъ Гоголя, талантливому де-Вогюе, который очень удачно выдвинулъ ихъ въ своей блестящей характеристикѣ поэта. Въ столкновеніи, въ періодъ молодости. этой нѣжной натуры съ явленіями жизни чуждой и жосткой, онъ видитъ разгадку того пессимизма, которымъ, какъ флеромъ, подернулось впослѣдствіи творчество Гоголя. Отсутствіе анализа среды и общества чувствуется у г. Шенрока также съ первыхъ главъ. Въ разсказѣ о дѣтскихъ годахъ Гоголя мы не видимъ той патріархальной, свѣтлой картины, которая воспитала молодое творчество поэта и дала ему удивляющія насъ до сихъ поръ, сіяющія, радужныя краски. Въ характеристикѣ семьи г. Шенрокъ оставилъ къ сожалѣнію безъ вниманія появлявшіеся разновременно маленькіе мемуары, дающія цѣнныя черты, въ родѣ напримѣръ, отрывка изъ записокъ сестры Гоголя Е. В. Быковой, или писемъ матери Гоголя Маріи Ивановны, напечатанныхъ «Русской Стариной» (1882 г.). Глава объ ученіи въ Нѣжинѣ не даетъ почти никакихъ данныхъ ни для характеристики школы, гдѣ учился Гоголь, ни людей, которые его окружали, всѣхъ этихъ Орлаевъ, Шапалинскихъ, Бѣльевичей, которые давно потонули бы въ рѣкѣ забвенія, еслибъ мимо нихъ не прошла тѣнь поэта и не коснулась ихъ крыломъ. Очень богатый матеріалъ могла сообщить въ этомъ случаѣ книга г. Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ», составленная хотя по даннымъ оффиціальнымъ, но менѣе всего приближающаяся къ типу оффиціальныхъ книгъ. Петербургъ начала тридцатыхъ годовъ, служебный міръ, журналистика, знакомства Гоголя—все это необходимыя, но

отсутствующія краски для фона, на которомъ релеѣфно выдѣлилась бы тщательно рисуемая изслѣдователемъ фигура поэта.

Необходимость расширить кругъ наблюденій въ глубь и въ ширь чувствуется всякій разъ въ біографіи такого дѣятеля, жизнь котораго уже извѣстна въ главныхъ чертахъ, но личность котораго желательно уяснить себѣ ярче и полнѣе. Эта потребность сказывается тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ дальше отодвигается отъ насъ время и общество, среди котораго жилъ человѣкъ, чѣмъ болѣе то и другое дѣлается намъ чуждымъ. Не приводя въ примѣръ излишне, можетъ быть, мелочныхъ изслѣдованій мольеристовъ и шекспиристовъ, укажемъ, какъ на образцы въ этомъ родѣ, на характеристики Тэна или на недавнія работы Деломени о Мирабо и Бомарше.

Анализъ перваго періода творчества Гоголя, къ которому обращается г. Шенрокъ въ концѣ своей книги, могъ бы быть несомнѣнно обстоятельнѣе. Сюда могли бы быть введены не только разборъ произведеній Гоголя со стороны ихъ первоначальныхъ мотивовъ и вліяній, подъ какими онѣ создавались, но и исторія распространенія и пріема ихъ въ обществѣ и печати. Сближеніе „Вечеровъ“ и „Миргорода“ съ данными народнаго малорусскаго творчества только намѣчено. Существуютъ между тѣмъ въ этой области пункты любопытнѣйшихъ совпаденій. Въ обнародованномъ въ печати этнографическомъ малорусскомъ матеріалѣ можно указать напр. двѣ легенды, служащія первообразомъ „Вія“ [1]) и проч.

Замѣчанія эти грѣшатъ, можетъ быть, тѣмъ, что расширяютъ представленіе о цѣли, которой задавался авторъ разбираемой книги. Если цѣль его только анализъ писемъ Гоголя по эпохамъ его жизни, то нельзя проявить большей точности и обстоятельности, чѣмъ тѣ, которыя проявилъ г. Шенрокъ. И въ этихъ рамкахъ трудъ его, доведенный до конца, будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ въ литературѣ о Гоголѣ.

В. Г.

---

[1]) Малор. народн. пред. и разсказы, Кіевъ. 1874 г. стр. 71. Легенда „Видьма та видьмакъ“. „Труды“ Чубинскаго, т. I, (Вѣрованія и суевѣрія), стр. 200—Разсказъ о дьячкѣ и вѣдьмѣ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

Изъ исторіи одного при-сеймскаго села.

Случайно въ г. Курскѣ намъ удалось преобрѣсти часть библіотеки и нѣсколько рукописей, нигдѣ еще до сихъ поръ не напечатанныхъ и принадлежащихъ перу извѣстнаго мѣстнаго помѣщика, Д. А. Деменкова, бывшаго много лѣтъ гражданскимъ губернаторомъ г. Москвы. Деменковъ былъ, по разсказамъ, человѣкъ очень образованный; объ этомъ можно судить и по составу его библіотеки, состоящей почти исключительно изъ книгъ научнаго содержанія, и въ особенности по тѣмъ рукописямъ, которыя остались послѣ него. Рукописи его, имѣющіяся у насъ въ рукахъ, распадаются собственно на два отдѣла: 1) Путешествія (въ пензенскую губернію, костромскую, изъ Архангельска до Курска и т. д.) и автобіографическія замѣтки, и 2) мѣстная исторія и этнографія, изъ которыхъ послѣднею Деменковъ занимался съ особенной любовью. Описанія путешествій по сѣвернымъ и центральнымъ губерніямъ Россіи, конечно, не имѣютъ интереса для «Кіевской Старины»; другое дѣло рукописи по мѣстной исторіи и этнографіи,—этнографіи того именно края, гдѣ двѣ народности, великорусская и малорусская, взаимно соприкасаются между собою.

Имѣніе Деменкова, с. Кремянное, находится въ за-сеймской, южной части льговскаго уѣзда (курской губ.), которая, если не вся цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ на три четверти населена

черкасами въ XVII столѣтіи. Мѣстность эта съ исторической и этнографической точки зрѣнія тѣмъ интереснѣе, что взаимное воздѣйствіе двухъ народностей здѣсь обнаруживается, можетъ быть, съ большей ясностію, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь нѣтъ ни одного поселка, который можно бы было назвать собственно чисто-малорусскимъ или чисто великорусскимъ; населеніе представляетъ такую неопредѣленную этнографическую массу, что сплошь и рядомъ положительно нѣтъ никакой возможности разобрать, гдѣ кончается малороссъ и начинается великороссъ. Этнографическія данныя, собранныя Деменковымъ, даютъ въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ для опредѣленія взаимнаго воздѣйстія двухъ народностей, и мы, вѣроятно, въ скоромъ времени подѣлимся ими съ читателями «Кіевской Старины». А теперь покамѣстъ сдѣлаемъ коротенькое извлеченіе изъ одной исторической рукописи Деменкова, подъ названіемъ *«Село Кремянное»*, гдѣ авторъ, частію на основаніи устныхъ преданій, частію на основаніи архивныхъ и церковныхъ данныхъ, подробно излагаетъ исторію своего села, исторію, какъ полагаемъ, далеко не безъинтересную для всѣхъ, кто занимается изученіемъ южно-русскаго края. Считаемъ нужнымъ сказать здѣсь, что рукопись эта была написана Деменковымъ въ 1834—36 гг., какъ это намѣчено у него въ заголовкѣ.

Первое начало заселенію с. Кремяннаго положилъ нѣкій Козьма Полянскій, который, какъ значится по старымъ документамъ (изъ какихъ именно «документовъ» взяты эти свѣдѣнія, Деменковъ ничего не говоритъ объ этомъ), въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, въ 1639 году (7147), имѣлъ здѣсь жалованныхъ ему въ помѣстье за сторожевую службу 50 четвертей земли. Полянскій промѣнялъ въ скорости эту землю Лукьяну Викторову. Кто были эти Полянскій и Викторовъ, въ рукописи Деменкова объ этомъ не сказано, но, судя по общимъ историческимъ признакамъ, можно догадываться, что они принадлежали къ числу тѣхъ «боярскихъ дѣтей», которые посылались правительствомъ на южную «польскую» границу нести сторожевую службу и охранять предѣлы государства отъ внезапныхъ нашествій южныхъ хищниковъ—крымскихъ татаръ. Какъ бы то ни было, но этотъ вопросъ такъ и остается у Деменкова не разъясненнымъ.

Въ 1649 г. (7156) царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ здѣсь же, въ с. Кремянномъ, помѣстье рыльскому дворянину (?) Никифору Григорьевичу Деменкову въ 184 четвертей, въ число назначенныхъ ему «по окладу» 300 четвертей, часть которыхъ была отведена ему въ другомъ мѣстѣ. Немного спустя, именно въ 1653 году, къ Деменкову перешла и земля Лукьяна Викторова, удалившагося отсюда, какъ говоритъ авторъ въ Недригайловъ и сложившаго голову подъ Конотопомъ, гдѣ царскіе воеводы потерпѣли жестокое поряженіе отъ козачьихъ войскъ. Никифоръ Деменковъ заполучилъ землю эту, по особому прошенію, какъ «пустовую» и «нежилую».

Никифоръ Деменковъ привелъ съ собою на землю нѣсколько человѣкъ крѣпостныхъ крестьянъ и поселилъ ихъ въ с. Кремянномъ; но такъ какъ земли у него было много и его крѣпостные не могли обработать ее всю, вслѣдствіе чего значительная часть ея лежала впустѣ. то онъ «*пригласилъ* на свою землю свободныхъ черкасъ изъ-за Днѣпра» и поселилъ ихъ частію въ с. Кремянномъ, частію на хут. Погребскомъ Колодезѣ (нынѣ деревня Погребки, въ 8 верстахъ отъ с. Кремяннаго). Черкасы эти, по объясненію Деменкова, поднялись съ своихъ мѣстъ и ушли сюда первоначально отъ польскихъ угнетеній; затѣмъ они выселялись сюда (т. е. въ южную часть льговскаго уѣзда) вслѣдствіе тѣхъ смутъ, какимъ подвергалась Украйна въ гетманство Богдана и Юрія Хмѣльницкихъ и Дорошенка. Со словъ стараго преданія, Деменковъ записалъ, что крупныхъ переселеній черкасъ, когда они приходили сюда большими партіями, было 6. Селились они здѣсь по большей части на помѣщичьихъ земляхъ. Владѣльцы сначала «припущали» ихъ къ землѣ даромъ, заботясь лишь о томъ, чтобы земля, имъ принадлежащая, не пустовала, а была воздѣлана и обработана; но когда увидѣли, что черкасовъ прибываетъ сюда все больше и больше, стали пускать ихъ на землю съ извѣстными ограниченіями и условіями. Главнѣйшимъ условіемъ поселенія на землѣ они стали ставить то, чтобы черкасы отдавали владѣльцу земли четвертый или пятый снопъ изъ урожая. Эта форма договора въ скорости перенесена была, нужно думать, и на тѣхъ черкасъ, которые поселились на земляхъ владѣльца въ прежнее время и безъ всякаго договора. Такимъ образомъ черкасы поселились на первыхъ порахъ на земляхъ владѣльческихъ въ качествѣ простыхъ арендато-

ровъ, но потомъ «въ непродолжительномъ времени, говоритъ Деменковъ, подпали они въ крѣпость тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ коихъ поселились». Какимъ образомъ произошло это закрѣпощеніе, объ этомъ авторъ, будучи самъ помѣщикомъ и имѣя цѣлый рядъ благородныхъ предковъ, скромно умалчиваетъ...

Переселеніе половины XVII стол. шло такъ интензивно, что, какъ видно изъ «описи» 1676 года, цитируемой Деменковымъ, въ с. Кремянномъ въ то время было уже 87 дворовъ и около 20 душъ муж. пола; изъ этого числа великороссіянъ считалось всего только 12 дворовъ, остальные же всѣ принадлежали къ малорусской народности. Въ настоящее время, прибавимъ мы отъ себя, въ с. Кремянномъ считается 214 дворовъ, но раздѣлить ихъ по народностямъ, или по крайней мѣрѣ *опредѣлить*, къ какой *вообще* народности они относятся по своему костюму, рѣчи и другимъ бытовымъ чертамъ, не рѣшился бы ни одинъ ученый и опытный этнографъ. Намъ самимъ случалось бывать въ с. Кремянномъ и другихъ селеніяхъ за-сеймской стороны льговскаго уѣзда и мы нарочно, путемъ опроса самихъ крестьянъ, хотѣли установить, кто изъ нихъ по происхожденію великороссъ, вели опросъ и по отдѣльнымъ семьямъ и по селеніямъ, и въ результатѣ всегда получали отвѣтъ приблизительно такого рода.

— А хто е зна! Бачишь самъ. Вси топеръ кабы пидъ одну мѣрку подошли...

«Вси и топеръ»—развѣ есть у насъ такой языкъ, который бы допускалъ подобныя соединенія? А здѣсь, въ описываемой мѣстности, такія соединенія въ рѣчи не только пользуются полнымъ правомъ гражданства, но составляютъ общее, заурядное явленіе, потому что всѣ поголовно говорятъ такимъ невозможнымъ, варварскимъ жаргономъ... Но это конечно только къ слову.

Начиная съ 1649 года по 1676 г., въ теченіе 25 лѣтъ, Никифоръ Деменковъ былъ единственнымъ владѣльцемъ с. Кремяннаго, но потомъ пришли наслѣдники Лукьяна Викторова и оттягали у него свою наслѣдственную землю. Затѣмъ появились и другіе владѣльцы, такъ что къ 1834 году, когда была написана исторія села, всѣхъ владѣльческихъ дворянскихъ родовъ въ селѣ было уже *одиннадцать*.

Церковь въ селѣ была выстроена въ 1680—1690 гг. на общія средства Деменкова и Викторовыхъ.

Переходя затѣмъ къ исторіи XVIII столѣтія, Деменковъ первѣе всего останавливается на Мазепѣ. Но здѣсь мы уже предоставимъ слово самому автору.

«Мазепа пользовался, какъ извѣстно изъ исторіи, неограниченной довѣренностью государя Петра I, который считалъ его своимъ другомъ и кромѣ крупецкой волости (въ путивльскомъ уѣздѣ) пожаловалъ ему столь же значительныя дачи въ рыльскомъ уѣздѣ. Но задумывая продать отечество свое Польшѣ (?) и быть владѣтельнымъ княземъ сѣверскимъ, онъ безпрестанно распространялъ свои и безъ того общирныя владѣнія, скупалъ разныя небольшія дачи отъ окрестныхъ владѣльцевъ, чтобы посредствомъ этихъ лоскутковъ имѣть возможность раздвигаться все болѣе и болѣе (при этомъ онъ скупалъ имѣнія только у русскихъ, а своихъ черкасъ не трогалъ). Напримѣръ: у Ѳедора Трунова къ рѣчкѣ Крѣпнѣ и къ Общему Колодезю купилъ 40 четвертей, Петра Износкова въ пустоши Общаго Колодезя, гдѣ нынѣ с. Износково, 7 чет., отъ однодворца Максима Маслова между рѣчкой Крѣпной (?) 7 четв., отъ Афросиньи Масловой и Февроньи Копачевой, въ путивльскомъ уѣздѣ, межъ р. Крѣпной и Снагостьемъ, да въ Дикомъ полѣ къ Семи 20 четв., отъ Артюшкова къ Расподицкому болоту (?) 50 четвертей, Ильи Маслова межъ Крѣпной и Локней и къ Колодезю Погребскому да отъ разныхъ путивльскихъ и рыльскихъ помѣщиковъ 650 четв. Да въ Кремянской дачѣ пріобрѣлъ онъ отъ Ильи Маслова 30 четв. въ 1707 г., отъ Игната Коренева 20 четв. и 80 четв. отъ Осипа Злобина, и тогда же (17 февраля) посланецъ гетмана просилъ о справкѣ за нимъ поступныхъ земель отъ рыльскихъ помѣщиковъ: Слѣпушкина, Анисимова, Маслова, Артюшкова, Дерюгиныхъ, которыя по мѣстнымъ приказамъ за нимъ отказали. Въ томъ же 1707 году кремянскіе помѣщики жаловались уже на гетмана рыльской канцеляріи, что онъ безъ всякаго права и крѣпостей отнялъ у нихъ Шептуховку съ принадлежащими къ погребенской ихъ дачѣ землями, о чемъ тогда и дѣло производилось.

«Послѣ смерти Мазепы все имѣніе его перешло къ любимцу Петра кн. Александру Даниловичу Меньшикову, при чемъ отказана ему и Шептуховка. Князь, какъ извѣстно, не любилъ уступать и дѣйствовалъ подобно своему предшественнику; также скупалъ дачки

у дворянъ и однодворцевъ, обрѣзывалъ сосѣдей. Такъ завладѣлъ онъ еще значительнымъ числомъ десятинъ земли, принадлежащихъ къ сс. Шептуховкѣ и Кремянному и дер. Погребкамъ. Кремянскіе владѣльцы, Викторовъ и Сафоновъ, неоднократно подавали на него просьбы рыльской канцеляріи (1728 г. генваря 17 и февраля 13), но эти жалобы, какъ и приносимыя на Мазепу, не имѣли никакого дѣйствія. По паденіи Меньшикова, все недвижимое имущество его 1720 г. приписано было къ комнатѣ государини Евдокіи, а въ 1731 г., по кончинѣ ея. ко дворцу.

«Меньшиковъ, при жизни своей, для увеличенія своего имущества употреблялъ всѣ средства, не щадя даже лицъ, занимавшихъ мѣсто несравненно выше, нежели кремянскіе помѣщики. Такъ вице-адмиралъ графъ Ник. Фед. Головинъ въ просьбѣ своей къ правительствующему сенату 1732 г. объясняетъ, что въ бытность его въ Швеціи посланникомъ онъ потерпѣлъ великіе убытки и прежде того разоренъ былъ отъ нападенія кн. Меньшикова, во владѣніе коего, рыльскаго уѣзда въ село Ивановское съ деревнями, изъ собственныхъ и приданныхъ его деревень бѣжали болѣе 4,000 душъ крестьянъ, гдѣ живутъ и донынѣ, и что хотя по многимъ ето и жены его прошеніямъ и были посылаемы изъ Сената и Юстицъ Коллегіи указы къ губернаторамъ и воеводамъ, но правители и крестьяне сопротивились имъ и присланныхъ били и выгоняли, онъ же за бѣглыхъ крестьянъ близъ тридцати лѣтъ подати платитъ, почему и просилъ село Ивановское съ деревнями пожаловать вѣчно ему и дѣтямъ его во владѣніе. И на этомъ прошеніи собственнаго ея императорскаго величества рукою подписано: *жалуемъ по его прошенію*. Тогдо то все бывшее владѣніе кн. Меньшикова въ рыльскомъ, путивльскомъ, льговскомъ и другихъ уѣздахъ отдано графу Головину, а по смерти его досталось дочери его Наталіи Николаевнѣ, супругѣ генералъ-фельдмаршала и генералъ губернатора ревельской губерніи, принца Петра Федоровича Фонъ-Голштейнъ-Бекъ.

«Но при новыхъ сосѣдяхъ не легче было селу Кремянному. Крестьяне с. Шептуховки годъ отъ году дѣлались дерзостнѣе, захватывали земли и покосы, рубили лѣса, свозили хлѣбъ съ полей, били жителей. Изъ сохранившихся бумагъ видно, что иногда, собравшись человѣкъ по 40 и болѣе, они, вооруженные копьями и дубинами, подъ предводительствомъ атамана своего, на подводахъ,

отправлялись на промыселъ. Въ одно время (1754 года, іюня 3-го) забрали они до 800 копенъ сѣна, въ другой разъ (1762 г., сентября 13-то) вырубили до 10,000 строеваго и дровянаго лѣса. Нападали на работающихъ въ полѣ, хватали ихъ и, увезя въ с. Шептуховку, били, мучили и запирали ихъ на дворѣ. Кремянскіе помѣщики безпрестанно жаловались на эти половецкіе набѣги рыльской вотчинной канцеляріи [1]). Она немедленно посылала солдата объявить виновнымъ, чтобъ прибыли въ городъ къ отвѣту. Посланный не находилъ ихъ никогда дома и возвращался ни съ чѣмъ. Вызовы повторялись. Не многіе являлись въ судъ, давали подписки жить спокойнѣе и дѣйствовали по прежнему. Отъ директора и управляющихъ имѣніемъ графа Головина (Рейха и Птахинскаго) требовали крѣпостей на владѣніе с. Шептуховкою, ихъ не показывали; дѣла длились, длились и погребались въ архивѣ».

Дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя Деменковымъ о своемъ селѣ, уже не имѣютъ такого общаго интереса и потому мы ихъ здѣсь не приводимъ.

Н. Добротворскій.

Архивная справка по поводу „Записокъ И. М. Сбитнева".

Въ «Кіевской Старинѣ» съ февральской книжки начаты печатаніемъ записки И. М. Сбитнева, имѣющія немаловажное значеніе для исторіи народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ въ ту именно пору, когда оно впервые поставлено на надлежащій путь. Въ самомъ почти началѣ этихъ записокъ читаемъ: «Въ 1830 г. зашумѣли буйныя головы въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ нашихъ западныхъ провинціяхъ.... Тогда то наше правительство вознамѣрилось дать юношеству западныхъ губерній воспитаніе прочное, въ духѣ господствующаго народа и самодержавія. Для этой цѣли оно отправило осенью 1831 года въ кіевскую, подольскую и

---

[1]) „1736 года ноября 1-го, декабря 14 и 22-го числа о побоѣ крестьянъ; о томъ же 1754 г. іюля 3, 1755 г. августа 10 и 20-го, 1762 г. октября 3, 1765 г. апрѣля 29. Это явочныя, а сколько было неизвѣстныхъ!"—Дм. Д.

волынскую губерніи попечителя харьковскаго учебнаго округа Филатьева и двухъ профессоровъ харьковскаго университета: Кронеберга и Архангельскаго. Первымъ занятіемъ ихъ было закрыть всѣ существующія въ нихъ училища, ознакомиться съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрать мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на особыхъ началахъ, чтобы онѣ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ правительства». Въ другомъ мѣстѣ записокъ Сбитневъ замѣчаетъ, что «Кронебергъ и Архангельскій отлично отзывались всегда объ учичеляхъ школъ въ западныхъ провинціяхъ».

Приведенныя строки подали мнѣ мысль, что вся офиціальная переписка объ учебной реформѣ въ юго-западномъ краѣ 30-хъ годовъ, которой посвящены записки Сбитнева, должна находиться въ архивѣ харьковскаго университета. Наведя здѣсь справку, я нашелъ лишь указанія, что хотя командировка Филатьева, Кронеберга и Архангельскаго въ юго-западный край дала дѣйствительно богатый матеріалъ для ознакомленія правительства съ положеніемъ школьнаго дѣла въ краѣ и хотя въ результатѣ посѣщенія ими разныхъ просвѣтительныхъ центровъ края и изученія мѣстныхъ учебныхъ заведеній явилась масса «дѣлъ», которыя мало по-малу были сплавлены въ архивъ харьковскаго университета, но что потомъ, и именно въ 1833 году, всѣ эти дѣла отправлены отсюда попечителю кіевскаго учебнаго округа, по настоятельной его просьбѣ. Было нѣсколько отправокъ: 25-го февраля было отправлено 11 дѣлъ, 4-го марта 38, 9-го 38 д., 1-го 5 дѣлъ, 18-го того-же мѣсяца самая большая отправка—66 дѣлъ и 1-го апрѣля 16 дѣлъ, всего же разновременно передано изъ Харькова въ Кіевъ 167 дѣлъ. Въ настоящее вретя въ архивѣ харьковскаго университета хранятся только краткія описи дѣлъ, отправленныхъ въ Кіевъ. Соображая, какъ важно для занимающихся мѣстною исторіею знать, гдѣ и какія свѣдѣнія можно найти по изслѣдуемому предмету, я считаю нужнымъ, не ограничиваясь этою общею справкою, привести здѣсь и названія дѣлъ, найболѣе относящихся къ затронутой записками Сбитнева реформѣ школьнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ въ 1831 г.

Здѣсь на первомъ планѣ представлннія самого попечителя харьковскаго Филатьева министру народнаго просвѣщенія по начатію и выполненію предпринятой реформы. Именно:

29 сент. 1831 г., № 1333, о выѣздѣ Филатьева въ подольскую, кіевскую и волынскую губерніи; 6 окт. того же года, № 1345, о городѣ Житомірѣ; 17 окт., № 1353, о прибытіи его въ Кременецъ и проч.; 15 окт., № 1355, о дѣйствіяхъ въ Кіевѣ и проч.; 15 окт., № 1375, продолженіе о кременецкомъ лицеѣ; 23 окт., № 1368, объ отправкѣ профессора Архангельскзго въ винницкую гимназію для исправленія директорской должности; 11 ноября, № 1386, о выѣздѣ Филатьева изъ Каменецъ-Подольска и проч.; 12 ноября, № 1388, объ отправкѣ профессора Архангельскаго въ Махновку для осмотра тамошняго училища; 16 ноября, № 1397, о прибытіи въ Умань; 19 декабря, № 1493, о кременецкомъ лицеѣ; 31 декаб., № 1542, объ училищахъ въ волынской губерніи.

Далѣе слѣдуютъ дѣла безъ обозначенія времени и №, именно:

О закрытіи волынскаго лицея, гимназіи въ Винницѣ и училищъ, содержимыхъ римско-католическими монахами, на 66 листахъ; объ училищахъ въ волынской, подольской и кіевской губерніяхъ на 199 листахъ; о перемѣщеніи волынскаго лицея въ Кіевъ на 29 листахъ; о жалованьѣ учителямъ закрытыхъ училищъ на 28 листахъ; объ ассигнованныхъ суммахъ на 1833 годъ на содержаніе училищъ и на другіе расходы изъ общихъ поіезуитскихъ доходовъ на 5 листахъ; объ усиленіи по высочайшему повелѣнію въ училищахъ кіевской губерніи русскаго языка на 5 листахъ; объ упраздненіи по высочайшему повелѣнію приходскихъ училищъ въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ на 12 листахъ; о наймѣ и построеніи дома для каменецъ-подольской гимназіи на 35 листкахъ; объ учрежденіи по высочайшему повелѣнію кіевскаго учебнаго округа на 5 листахъ; о частныхъ пансіонахъ въ г. Винницѣ на 2 листахъ; о заключенномъ съ графомъ Потоцкимъ договорѣ относительно содержанія въ его мѣстечкѣ Немировѣ уѣзднаго училища; распоряженія объ учителлхъ и другихъ чиновникахъ училищъ волынской и подольской губерній на 23 листахъ; объ удаленіи отъ должности ректора любарскаго базиліанскаго монастыря Синицкаго и префекта Литинскаго на 9 листахъ; о наймѣ и построеніи домовъ для уѣздныхъ училищъ на 40 листахъ; о спорной землѣ принадлежащаго волынскому лицею имѣнія Дунаево на 11 листахъ; о спорныхъ земляхъ волынскаго лицея съ графомъ Мнишкомъ на 8 листахъ; о продажѣ училищнаго зданія съ мѣстомъ въ

г. Житомірѣ на 12 листахъ; о поіезуитской коллегіи въ Житомірѣ на 18 листахъ; о пріемѣ библіотеки и другихъ учебныхъ пособій изъ овручскаго базиліанскаго монастыря на 33 листахъ; объ осмотрѣ полицмейстеромъ кременецкимъ Курнатовскимъ церкви волынскаго лицея на 13 листахъ; о высочайшемъ утвержденіи состоящаго въ званіи камергера Скибицкаго почетнымъ попечителемъ житомірской гимназіи на 4 листахъ; о высочайшемъ утвержденіи помѣщика гайсинскаго уѣзда Іосифа Држевецкаго почетнымъ попечителемъ подольской гимназіи на 2 листахъ; о закрытіи нѣкоторыхъ училищъ въ кіевской губерніи по случаю болѣзни холеры и потомъ о начатіи въ нихъ ученія на 10 листахъ; о ложномъ доносѣ на волынскій лицей на 12 листахъ; о мягежѣ, бывшемъ въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, и о лицахъ учебнаго вѣдомства причастныхъ оному; объ удаленіи по высочайшему повелѣнію директора подольской гимназіи Ковалевскаго, префекта Богатько и учителей и объ опредѣленіи Телешова [1]) директоромъ подольской гимназіи на 30 листахъ; историческія записки объ учебныхъ заведеніяхъ кіевской губерніи на 68 листахъ; объ училищахъ взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера на 7 листахъ; о бывшемъ слѣдствіи надъ учениками 3 класса винницкаго училища по извѣту партикулярнаго учителя Ашарда на 10 листахъ; о библіотекѣ и кабинетахъ бывшаго при бердичевскомъ монастырѣ кармелитскаго училища на 49 листахъ и наконецъ о типографіи волынскаго лицея на 19 листахъ.

Кромѣ того, въ описяхъ перечисляются многія дѣла о награжденіи учителей, выдачѣ имъ пенсій, о книжныхъ средствахъ волынскаго лицея, о его фундушахъ и др. т. п.

Въ «Дѣлѣ» подъ № 1703 находится отношеніе попечителя кіевскаго учебнаго округа къ попечителю Филатьеву о перемѣщеніи въ юго-западный край учителей Сбитнева, Македонскаго и Красковскаго въ 1832 г. и объ отпускѣ имъ изъ суммъ новгородъ-сѣверской гимназіи прогонныхъ 154 руб. 37 коп. ассигнаціями.

Н. Сумцовъ.

---

[1]) Упоминается въ „Запискахъ Сбитнева".

Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни.

(Стихотворный памфлетъ въ актовыхъ книгахъ XVII ст.).

На страницахъ «Кіевской Старины» не разъ уже появлялись стихотворенія шутки и пародіи, извлеченныя изъ такихъ солидныхъ памятниковъ, въ коихъ, казалось бы, вовсе не должно быть мѣста для нихъ,—разумѣемъ актовыя книги старинныхъ судовъ правобережной Украйны. Какъ могло явиться въ нихъ столь странное и неумѣстное смѣшеніе забавнаго съ серьезнымъ, шуточныхъ упражненій пера рядомъ съ суровыми приговорами къ «диффамаціи, баниціи, туремному вязеню и караню на горлѣ»? Объясняется это отчасти племеннымъ характеромъ наполнявшихъ тогдашнія судебныя канцеляріи малороссіянъ, столь вообще склонныхъ къ привнесенію комическаго элемента въ самое серьезное дѣло, а болѣе всего недосмотромъ или благодушіемъ тогдашнихъ «реентовъ» судебныхъ и иныхъ канцелярій: декретъ, записанный вчера, становился не нужнымъ завтра, и къ нему не возвращались больше, а если и нападали случайно на неумѣстное упражненіе канцеляриста, то снисходительно относились къ проказамъ, свойственнымъ юному возрасту. Канцеляристы старинныхъ южно-русскихъ судовъ были, какъ видно, вообще народъ веселый, привыкшій разнообразить свою скучную службу разными забавными похожденіями и вносившій элементъ забавы и развлеченія даже въ то самое дѣло, коимъ они занимались въ часы службы, въ стѣнахъ канцелярій. Чаще всего они забавлялись пародированіемъ стереотипныхъ юридическихъ формулъ, влагая въ нихъ какое-нибудь комическое содержаніе: наприм. составляли, съ точнымъ соблюденіемъ узаконенныхъ формъ и юридическихъ выраженій, «*протестаціи*» (жалобы) мышей на кота, вьюновъ на щукъ, «панеи Ѳиты противко панеи Ижицы» и т. под.; «*интерцызы*» (контракты) между волкомъ и козой; «*квиты*» (квитанціи) отъ сороки воронѣ; «*пленипотенціи*» (довѣренности) наприм. «отъ пана *Кухлевича* панови *Выпивайкови* на выпивку горѣлки»; «*росписи*» (мировыя) между волкомъ и медѣдемъ, между шинкаремъ и пьяницей [1]); иногда писались «проте-

[1]) Для образца укажемъ на помѣщенный въ ноябрьской кн. „Кіев. Стар.“ 1885 г. подобнаго характера шуточный документъ: „Зыскъ п. гроша на п. Калитѣ отриманный“.

стаціи» отъ имени кого-либо изъ канцеляристовъ «напротивко шинкарки Маруши о неданье карваша горѣлки на боргъ (въ долгъ), или же вручались «мандаты» кому-либо изъ товарищей по обвиненію въ томъ, что, не умѣя хорошо говорить по-польски, употребляетъ этотъ языкъ, или же что спитъ по цѣлымъ днямъ и съ похмѣлья портитъ казенную бумагу и т. под. И всѣ эти шалости старинные канцеляристы, не смущаясь, вносили, на память грядущимъ вѣкамъ, въ подлинныя актовыя книги, заводя ихъ подъ очередной номеръ и отмѣчая въ реестрѣ на ряду съ королевскими универсалами, сеймиковыми постановленіями и другими важными и серьезными актами. Подобныхъ шуточныхъ документовъ особенно много встрѣчается въ актовыхъ книгахъ XVII ст., меньше ихъ въ книгахъ XVIII в. и почти совсѣмъ нѣтъ въ книгахъ XVI ст.

Кромѣ шуточныхъ записей, такимъ же путемъ попадали въ актовыя книги разнаго рода стихотворенія, отрывки изъ псалмовъ[2]), церковныхъ пѣсней, афоризмы и разныя изреченія (нерѣдко изъ латинскихъ классиковъ) и вообще все, что почему-либо останавливало на себѣ вниманіе досужаго или любознательнаго канцеляриста.

Къ числу такихъ піесъ принадлежитъ и приводимое ниже польское стихотвореніе, внесенное въ луцкую гродскую книгу подъ 14-мъ августа 1696 г. (№ 2225, листъ 423 обор.) подъ заглавіемъ: *Descriptio omnium gentium a quodam nobili Poloni* (т. е. описаніе всѣхъ народовъ, составленное нѣкіимъ польскимъ дворяниномъ). Отличительную особенность его составляетъ то, что въ основу его положенъ политическій и въ концѣ чисто племенной мотивъ,—домашній счетъ съ ненавистнымъ для поляка русиномъ. Является такимъ образомъ новый оттѣнокъ этой своеобразной досужей литературы, это взаимное пикированіе двухъ національностей, представители которыхъ, засѣдая нерѣдко за однимъ канцелярскимъ столомъ, не упускали случая обмѣняться и тутъ чувствами взаимной ненависти и озлобленія. А поляки, нужно замѣтить, были большіе мастера по части составленія политическихъ и иныхъ памфлетовъ и составляли ихъ въ столь легкой и забавной формѣ, что они быстро за-

---

2) См., напр., такого рода отрывокъ стихотворнаго переложенія псалма на южно-русскій языкъ въ март. кн. „Кіев. Старины“ 1886 г.

учивались всѣми на память и благодаря тому распространялись по самымъ отдаленнымъ закоулкамъ. Названное стихотвореніе врядъ ли было составлено кѣмъ либо изъ канцеляристовъ поляковъ; скорѣе оно вписано было, какъ ходячій памфлетъ, въ актовыя книги въ пику сослуживцамъ русинамъ и во всякомъ разѣ даетъ понятіе не только о томъ, въ какомъ свѣтѣ для поляка XVII ст. представлялись другіе европейскіе народы и какія черты онъ считалъ въ нихъ наиболѣе характерными, но и о томъ, какія чувства питалъ къ своему ближайшему сосѣду и заклятому врагу—русину.

Приводимъ текстъ этого стихотворенія, съ правописаніемъ подлинника, а затѣмъ и возможно близкій къ его смыслу, а не буквѣ переводъ:

Hyszpan woiuie, Włoch koktezuie,
Zaś obżyrcowie są Francuzowie,
A Niemiec piie, Dunczyk z ryb żyie.
Mężni Polacy dobrzy junacy;
Angelczykowie są żeglarzowie.
Szwed gęś domowa, jedza gotowa,
Zasię Szkotowie są doktorowie,
Moskwicin głuchy szyie kożuchy;
Litwin poluie, Czech obiecuie,
Żyd wnet oszuka, bo zysku szuka.
Wołoszynowie i Węgrzynowie
Radzi zdradzaią, z rodu to maią.
Hołendry smiele kupuią wiele,
A zaś Persowie są stroyniczkowie,
Brzydcy Turkowie okrutnikowie,
Tatarzyn wszywy, a Mazur żwawy,
Ale y łzawy.
Non cadit in duros
Sapientia et patientia sancta Mazuros.

Испанецъ ходитъ въ походы, итальянецъ волочиться лишь умѣетъ, французъ обжирается, нѣмецъ пьетъ, датчанинъ рыбой живетъ, а поляки удальцы, добрые молодцы. Англичане все пла-

ваютъ по водамъ, шведъ домашній гусь, готовая ѣда, а шотландцы доктора. Москвичъ глухъ, шьетъ кожухъ; литвинъ все для охоты забываетъ; чехъ все обѣщаетъ, еврей въ мигъ обчиститъ, онъ прибыли ищетъ. Румыны и венгры рады всякаго предать, и у нихъ то въ натурѣ. Голландцы знай въ волю торгуютъ, персіанинъ любитъ рядиться, мерзкій турокъ свирѣпо надъ всѣми глумится. Татаринъ вшивъ, а мазуръ удалъ, да слезливъ. Не далися грубымъ мазурамъ ни мудрость, ни терпѣніе святое.

Далѣе слѣдуютъ еще 7 строкъ того же стихотворенія, а противъ нихъ отвѣтъ въ пять строкъ, писанный иною рукою; но въ текстѣ стихотворенія первыя три строки столь старательно перечеркнуты, что нѣкоторыхъ словъ совсѣмъ нельзя прочесть. Приводимъ однако, какъ есть, то и другое:

. . . . . snadnie
Wszystkich okradnie
. . . . yz . . . j . . . ię
Różny kray daie,
Jako Polskie mosty,
Tak Niemieckie posty.

Kiep ci to pisai,
Boday że wisiał
Na szubienicy
Posrod ulicy
Tu w Lucku!

Переведемъ пока лишь отвѣтъ; онъ гласитъ слѣдующее:

«Дуракъ это писалъ; висѣть бы ему на висѣлицѣ среди улицы, здѣсь въ Луцкѣ»!

Чѣмъ могло быть вызвано столь злое пожеланіе писавшему и чѣмъ объяснить то, что въ приведенномъ стихотвореніи такъ или иначе характеризованы почти всѣ европейскіе и даже нѣкоторые азіатскіе народы, а о ближайшихъ сосѣдяхъ поляковъ, *русинахъ*, ни словомъ не упомянуто? Неизбѣжно допустить, что конецъ стихотворенія посвященъ былъ *русину*, съ ѣдкой и даже не печатной бранью. Тогда понятнымъ становится вполнѣ благородное негодованіе канцеляриста-*русина*, старательно вымазавшаго обидныя для своей народности строки въ стихотвореніи и выбранившаго, тоже стихами, ляха, былъ ли онъ авторъ, или переписчикъ. Въ семъ случаѣ текстъ послѣднихъ строкъ памфлета могъ быть таковъ: «А русинъ коварно всѣхъ проведетъ: разную дрянь разныя страны даютъ, какъ въ Польшѣ мосты, а въ нѣмцахъ посты». Словомъ

неизвѣстный памфлетистъ, кромѣ не печатныхъ какихъ-то словъ по адресу русиновъ, характерно прировнялъ ихъ къ тому, что было на его взглядъ самаго негоднаго въ польской странѣ и въ ненавистной ярому католику нѣмецкой вѣрѣ.

О. Л—й.

Изъ записной книжки.

Таинственная судьба такъ называемаго кирилло-меѳодіевскаго кружка до сихъ поръ не выяснена. Пострадавшіе участники этой исторіи, по весьма понятнымъ причинамъ, не могли имѣть особеннаго расположенія вдаваться въ воспоминанія объ этой исторіи, да и относительно близкое разстояніе времени не благопріятствовало выясненію ея со стороны дѣйствующихъ лицъ. Говорятъ, что въ составленной Н. И. Костомаровымъ обширной автобіографіи подробно выяснено все дѣло; но автобіографія эта, по всей вѣроятности, появится въ печати не скоро. Сколько извѣстно, Н. И. даже въ интимномъ кружкѣ не любилъ распространяться объ этомъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ передавалъ лишь нѣкоторые эпизоды, преимущественно тѣ, въ которыхъ такъ или иначе выражались свѣтлыя проявленія того времени. Сообщу нѣсколько его разсказовъ, слышанныхъ мною отъ лица близкаго къ нему.

I.

Какъ извѣстно, доносъ на Костомарова и кирилло-меѳодіевскій кружокъ сдѣланъ былъ студентомъ Петровымъ. Доносъ этотъ, по словамъ Н. И., первоначально явился въ формѣ анонимнаго письма на имя генералъ-губернатора Бибикова. Бибиковъ приказалъ произвести негласное дознаніе, но такъ какъ дознаніемъ ничего особеннаго не было обнаружено, кромѣ собраній нѣсколькихъ лицъ и болѣе или менѣе свободныхъ между ними разговоровъ, то Бибиковъ ограничился только учрежденіемъ негласнаго надзора. Петровъ, не зная послѣдствій своего анонимнаго доноса, рискнулъ лично заявить о своемъ открытіи Бибикову. Но на этотъ разъ вышло хуже. Бибиковъ вообще не долюбливалъ доносовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко цѣнилъ нравственныя отношенія, особенно обязательныя при извѣстномъ положеніи; лишь только Петровъ началъ

свой разсказъ, какъ Бибиковъ, догадавшись по анонимному письму, въ чемъ дѣло, нахмурилъ брови и строго оборвалъ его вопросомъ:

— Ты кто такой?

— Студентъ университета св. Владиміра, робко отвѣчалъ доноситель.

— А Костомаровъ кто такой?

— Профессоръ университета.

— И ты осмѣливаешься доносить на своего учителя, котораго ты долженъ почитать, какъ своего благодѣтеля? Вонъ мерзавецъ!— вскричалъ Бибиковъ и энергическимъ движеніемъ своей единственной руки повернулъ его къ передней.

У Петрова были свои тѣсныя обстоятельства, побуждавшія его выбыть изъ Кіева, и именно какъ-нибудь по волѣ начальства, и онъ рѣшился продолжать разъ начатое дѣло. Воспользовавшись отъѣздомъ Бибикова въ Петербургъ, онъ послалъ свой доносъ прямо туда и на этотъ разъ добился желаемаго: немедленно назначено было строгое слѣдствіе, и Петровъ самъ былъ доставленъ въ Петербургъ, откуда болѣе не возвращался въ Кіевъ.

II.

Въ 1857 году, при возвращеніи Шевченка изъ ссылки, онъ по какимъ-то обстоятельствамъ задержанъ былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, причемъ впредь до особаго распоряженія надъ нимъ учрежденъ былъ строгій полицейскій надзоръ и домашній арестъ, съ воспрещеніемъ переписки и свиданія съ кѣмъ-бы то ни было безъ исключенія. Извѣстный московскій артистъ М. С. Щепкинъ, землякъ и большой пріятель Шевченка, узнавши о задержаніи его, отправился изъ Москвы въ Нижній, чтобы скорѣе увидѣться съ своимъ другомъ и по возможности похлопотать о немъ. Губернаторомъ въ Нижнемъ Новгородѣ былъ въ то время Муравьевъ, съ которымъ М. С. Щепкинъ былъ хорошо знакомъ; вотъ къ нему-то и обратился Щепкинъ за разрѣшеніемъ свиданія. Губернаторъ сначала отказывалъ, ссылаясь на строгость воспрещенія, но наконецъ согласился, съ тѣмъ однакоже, чтобы свиданіе это было въ его присутствіи. Ничего не вѣдая о предстоящемъ свиданіи, Шевченко ходилъ мрачный по комнатѣ, какъ вдругъ дверь отворяется и

предъ нимъ его искренній другъ Щепкинъ. Друзья бросились другъ къ другу въ объятія и осыпая взаимными поцѣлуями, разрыдались, какъ дѣти. Сцена эта глубоко тронула Муравьева, человѣка вообще чрезвычайно добродушнаго и гуманнаго. Муравьевъ прослезился, а еще мгновеніе—и онъ присоединился къ друзьямъ, цѣлуя со слезами умиленія то одного, то другаго. Въ это время Щепкинъ быстро освобождается отъ объятій, отскакиваетъ въ сторону и съ свойственнымъ ему комизмомъ обращается къ губернатору: «Ваше превосходительство! Что я вижу! Вы плачете? да вѣдь вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили»! Случай этотъ передавалъ Костомарову Шевченко, сообщая при этомъ, что губернаторъ Муравьевъ значительно облегчилъ его положеніе въ Нижнемъ Новгородѣ и не мало содѣйствовалъ ему въ скорѣйшемъ разрѣшеніи его дѣла. Впослѣдствіи же Н. И. слышалъ объ этомъ и отъ самого М. С. Щепкина.

М. Комаровъ.

Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березнѣ.

Въ черниговской губерніи есть городъ Березна; его не найдете ни въ какихъ россійскихъ географіяхъ и отыщете развѣ въ спискахъ населенныхъ мѣстъ. Такъ вотъ въ этомъ-то городѣ, скажемъ, примѣняя пріемъ Шевченка, существовалъ, а можетъ быть и теперь существуетъ крестный ходъ. Въ сборникѣ документовъ Домницкаго монастыря я нашелъ переписку объ этомъ крестномъ ходѣ. Изъ нея видно, что уже въ исходѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія свѣдѣнія о началѣ и значеніи этого хода затерялись, и какъ ходъ идетъ въ Березну изъ Домницкаго монастыря, отстоящаго на 9 верстъ, то заинтересовался учрежденіемъ его архимандритъ домницкій Серафимъ и обратился по этому поводу съ письмомъ къ благочинному г. Березны, протоіерею Макарію Рындовскому, который и пояснилъ ему, послѣ долгихъ справокъ, происхожденіе и значеніе крестнаго хода. Оригиналенъ самый способъ переписки: архимандритъ написалъ свой запросъ на чистыхъ листахъ монастырскаго сборника и послалъ протоіерею Рындовскому самую книгу, прося написать въ ней отвѣтъ, „такъ какъ, замѣчаетъ онъ, отсюда никакъ не можетъ и никогда утратиться“.

Такъ какъ теперь кольми паче многимъ черниговскимъ обывателямъ, и уповательно и самимъ жителямъ г. Березны, неизвѣстно

происхожденіе и значеніе совершающагося тамъ 8-го сентября крестнаго хода, то почитаю не лишнимъ подать въ печать упомянутую давно наведенную о немъ справку. Вотъ эти два письма.

I.

Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій старецъ, отецъ протоіерей Макарій!

Всепокорнѣйше прошу васъ, почтеннѣйшаго отца и старца, доставить свѣденіе на щетъ крестнаго ходу изъ вашего города Березны въ сей домницкій монастырь: 1-е, съ котораго году онъ учрежденъ, 2-е, по какому случаю и нѣтъ ли въ подтвержденіе оному или письменнаго, или народнаго вѣрнѣйшаго преданія. Желательно, чтобы это учрежденіе предковъ, особенно случай, по которому учрежденъ оный, могъ, въ честь Божія Матери, сохраниться въ потомство и послѣ насъ. Благоволите отзывомъ вашимъ почтить обитель сію, достопочтеннѣйшій отецъ и старецъ, на оборотѣ сего—болѣе потому, что отсюда никакъ не можетъ и никогда утратиться.

Вашего высокопреподобія, достопочтеннѣйшаго старца, всепокорнѣйшій слуга и сомолитвенникъ, домницкій архимандритъ Серафимъ.

Августа 12-го дня 1838 года.

II.

Ваше высокопреподобіе, всепочтеннѣйшій господинъ, отецъ архимандритъ Серафимъ!

По письму вашего высокопреподобія ко мнѣ, отъ прошлаго августа 12 числа состоящемуся, касательно доставленія отъ меня свѣденія о крестномъ ходѣ изъ нашего города Березны въ вашъ домницкій монастырь, 8 сентября, 1-е, съ котораго года оный учрежденъ, 2-е, по какому случаю и нѣтъ ли въ подтвержденіе оному письменнаго или народнаго вѣрнѣйщаго преданія, симъ честь имѣю ваше высокопреподобіе освѣдомить:

По забратой мною вѣрнѣйшей справкѣ оказалось, что крестный ходъ изъ нашего города Березны въ вашъ домницкій монастырь, каждогодно 8-го сентября, то есть въ день престольнаго праздника въ немъ во имя Рождества Божіей Матери, всѣмъ города Березны духовенствомъ съ многочисленнымъ народомъ дѣлаемый, начало свое имѣетъ съ 1772 года и установленъ по

случаю сему: когда въ 1771 году оказалася въ городѣ Березнѣ моровая язва и начала свирѣпствовать умерщвленіемъ каждодневно много народа; то городское духовенство и всѣ жители въ общемъ своемъ совѣтѣ положили упросить и упросили домницкой святой обители настоятеля съ братіею сдѣлать духовную процессію изъ монастыря къ городу Березнѣ съ чудотворнымъ образомъ Божія Матери, по принесеніи коего къ городу образъ былъ встрѣченъ у заставы города духовенствомъ онаго и народомъ, гдѣ, по отпѣтіи молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, чудотворный образъ обнесенъ былъ вокругъ города, съ пѣніемъ акафиста Божіей Матери. А по окончаніи таковаго шествія повторно отпѣто было съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе и образъ обратно понесенъ въ святую обитель. По таковомъ обхожденіи губительная язва примѣтно начала уменьшаться и въ томъ же 1771 году совершенно уничтожилась. Въ память чего и въ благовѣйную благодарность пречистой Дѣвѣ Богородицѣ за явное милосердіе ея ко всему народу города Березны, обще согласно положено ходить каждогодно изъ сего города въ домницкій монастырь, отстоящій отъ Березны въ 9 верстахъ, 8 сентября съ крестнымъ ходомъ, для поклоненія сему чудотворному образу, каковъ ходъ и начатъ 1772 года и совершается каждаго года. Чему, хотя не отыскано мною письменнаго документа, но старожилы нашего города Березны, бывшіе самовидцы и довольно свѣдомые о всемъ выше прописанномъ, единогласно то утверждаютъ.

Съ отличнымъ моимъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю пребыть навсегда вашего высокопреподобія всепокорнѣйшимъ слугою.

Благочинный заштатнаго города Березны, протоіерей Макарій Рындовскій.

1838 года, сентября 30 дня.

В. К—шъ.

Маленькое поясненіе къ „Кобзарю“ Т. Г. Шевченка.

Всякое, даже малѣйшее указаніе, относящееся къ незабвенному нашему поэту Т. Г. Шевченку, особенно, если это указаніе относится къ уясненію непонятныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, должно быть дорого для всякаго украинца, любителя роднаго языка и литературы.

Одно изъ такихъ поясненій хочу и я предложить вниманію читателей «Кіевской Старины».

Во всѣхъ изданіяхъ «Кобзаря» въ заключительной строфѣ стихотворенія «Хиба самому написать таке посланіе до себе» при словѣ *дулевина*» [1]) поставленъ вопросительный знакъ (?), обозначающій, конечно, что смыслъ этого слова не ясенъ былъ для лицъ, редактировавшихъ всѣ изданія «Кобзаря». При чтеніи названнаго стихотворенія я тоже неоднократно останавливался на этомъ словѣ; казалось и мнѣ оно очень страннымъ, и я никакъ не могъ допустить, чтобы такой знатокъ живаго украинскаго языка, какимъ былъ Шевченко, могъ употребить слово, не существующее въ дѣйствительности.

Въ настоящее время, въ бытность мою въ ананьевскомъ уѣздѣ херсонской губерніи (въ с. Перешорахъ), мнѣ пришлось услышать это слово въ живой народной рѣчи отъ тамошняго владѣльца, который мнѣ и объяснилъ, что *дулевина* есть разновидность *стали*, которой мѣстные жители кузнецы различаютъ два сорта: *темлянка* —мягкая, употребляющаяся при обыкновенныхъ подѣлкахъ (якъ треба насталити сокиру, або що), и *дулевина*—твердая и хрупкая, сильно загартованная (закаленная) сталь, употребляемая исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда орудіе испытываетъ сильное треніе. Изъ дулевины, напр., дѣлается *зерно*—конецъ мельничнаго веретена и гнѣздо, въ которомъ оно вертится.

Такимъ образомъ фраза

«Въ дулевину себе закуй»

становится совершенно ясной и въ переводѣ на обще-русскій литературный языкъ значитъ: закуй себя въ непроницаемую броню (сильно закаленную сталь), что вполнѣ гармонируетъ и со смысломъ

---

[1]) Ничого, друже, не журыся
Въ *дулевыну* (?) себе закуй,
Гарненько Богу помолыся,
А на громаду хочъ наплюй—
Вона капуста головата.
А въ тимъ, якъ знаешъ, пане брате:
Не дурень—самъ соби миркуй.

(*Кобзарь*, С.-Петербургъ, 1883 г., стр. 292).

всей заключительной строфы этого стихотворенія нашего незабвеннаго поэта.

Смѣю надѣяться, что настоящая замѣтка послужитъ къ разъясненію этого, сколько мнѣ извѣстно, единственнаго темнаго мѣста въ «Кобзарѣ».

А. Г.

Коротенькое воспоминаніе о Т. Гр. Шевченкѣ.

Я была очень маленькой, мнѣ не было еще и пяти лѣтъ, когда Шевченко умеръ; но я помню его очень живо.... Не много я знала его и объ немъ, но одно врѣзалось въ моей памяти: онъ любилъ дѣтей и дѣти его любили; какая-то непостижимая сила связывала его чистую высокую душу съ этими непорочными существами. Передаю, что вспомнилось объ немъ изъ моего далекаго прошлаго, и пусть это слабое мое воспоминаніе ляжетъ новымъ вѣнкомъ на его одинокую полузабытую могилу.

Однажды вечеромъ (это было въ Петербургѣ), мы всѣ собрались въ нашей столовой, вокругъ чайнаго стола. Я была въ тревожномъ состояніи, ожидался одинъ нашъ знакомый, котораго я почему-то боялась и не долюбливала.... Раздался звонокъ, и я стремительно вскакиваю съ мѣста и прячусь лицомъ у отца въ колѣняхъ, невольно подражая извѣстной привычкѣ страуса...

Слышатся чьи-то тяжелые шаги; но вошедшій гость молчитъ, не подаетъ голоса, очевидно его предупредили...

— А подивись, *хто* прыйшовъ! загадочно-весело говоритъ мнѣ отецъ.

Подозрѣвая предательскую западню, я не двигаюсь.

— Та то не той дядько, не бійсь, дурна!... подивись!...

Тотъ-же самый результатъ; я не поддаюсь.

Отецъ беретъ мою голову и насильно приподымаетъ. Я въ ужасѣ открываю крѣпко защуренные глаза и вижу—передо мной стоитъ здоровый, лысый «дядя» съ добродушнѣйшей улыбкой на кругломъ, полномъ лицѣ.

— Дядько Кобзарь! вскрикнула я и въ одно мгновеніе повисла у него на шеѣ.

Да, дѣти любили добродушнѣйшаго кобзаря.

Помнится еще другой случай. Мы переѣхали на дачу въ Стрѣльну, и Шевченко у насъ гостилъ. Однажды, забравши насъ дѣтей (меня, которую онъ называлъ: «мое маленьке», и сестру мою моложе меня годомъ, которую онъ называлъ: «мое велыке»), онъ отправился съ нами гулять на какую-то поляну. День былъ ясный, солнечный, золотистый, одинъ изъ тѣхъ радостныхъ, лѣтнихъ дней, которые могутъ быть только въ беззаботномъ дѣтствѣ и которые никогда потомъ не забываются.... Мы съ сестрой безъ устали бѣгали по душистой, пестрой левадѣ, собирая цѣлыми охапками цвѣты и таская ихъ въ перегонку «дядьку Кобзарю»....

Онъ сидѣлъ съ краю, на какомъ-то возвышеніи, должно быть скатѣ рва, и, склонивъ голову на руку, въ безмолвіи глядѣлъ въ даль....

О чемъ онъ думалъ, что дѣлалось въ его тоскующей душѣ, или какіе образы проносились въ могучемъ воображеніи, я конечно тогда не спрашивала себя; но вотъ и теперь, послѣ многихъ лѣтъ, я ясно, какъ живую, вижу передъ собой эту выдвинутую среди зеленаго моря задумчивую фигуру, точно всю облитую золотистымъ солнцемъ!... Мы со смѣхомъ бросали ему на колѣни цвѣты, онъ поднималъ голову, тихо улыбался и гладилъ насъ рукой по стриженнымъ головкамъ.

Помнится еще такой-же ясный лѣтній день; мы бродили съ отцомъ по смоленскому кладбищу и все допрашивали его: «гдѣ-же могила дядька Кобзаря?....»

Н. М. Кибальчичъ.

По поводу 25-ти лѣтія „Филологическихъ записокъ".

31 декабря м. г. въ Воронежѣ состоялось скромное празднованіе 25-ти лѣтняго юбилея мѣстнаго изданія «Филологическихъ записокъ». Существованіе провинціальнаго научнаго изданія 25-ти лѣтъ,, притомъ въ г. Воронежѣ, не имѣющемъ ни университета, ни лицея, ни духовной академіи, фактъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, разумѣется, редактору-издателю, бывшему преподавателю въ воронеж-

скомъ кадетскомъ корпусѣ, Алексѣю Андреевичу Хованскому. Нужно имѣть большую любовь къ наукѣ и большое трудолюбіе, чтобы 25 лѣтъ изъ года въ годъ вести научный журналъ, привлечь сотрудниковъ, перечитывать получаемый матеріалъ, слѣдить за корректурой, крайне трудной въ филологическихъ стятьяхъ, слѣдить за ходомъ печатанія, брошюровки и разсылки, и все это при скудныхъ средствахъ матеріальныхъ, при весьма ограниченномъ числѣ подписчиковъ. А. А. Хованскій съ честью для себя и пользой для филологической науки велъ изданіе спеціальнаго научнаго журнала, и нѣтъ сомнѣнія, что всякій, интересующійся успѣхами провинціальной жизни, пожелаетъ г. Хованскому еще многихъ и многихъ лѣтъ для дальнѣйшей почетной и полезной дѣятельности, а самому изданію пожелаетъ всяческаго успѣха, научнаго и денежнаго.

Цѣль этого періодическаго изданія—«развивать и объяснять разные филологическіе вопросы, быть ближайшимъ посредникомъ между преподавателями во всемъ томъ, что относится до изслѣдованія по филологіи, быть сборникомъ разныхъ филологическихъ статей и служить для преподавателей готовымъ матеріаломъ при преподаваніи русскаго языка и словесности въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Академикъ Я. К. Гротъ въ статьѣ «Изъ поѣздки въ Воронежъ», помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., говоритъ: «Съ ничтожными средствами г. Хованскій умѣлъ оказать русской филологіи существенную услугу сборникомъ, вмѣщающимъ въ себѣ уже множество полезныхъ и отчасти замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Кромѣ статей нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ (Аѳанасьева, Буслаева, Котляревскаго, Потебни и др.), въ «Филологическихъ запискахъ» явились первые опыты молодыхъ ученыхъ, обѣщающихъ стать достойными дѣятелями науки, напр. Чудинова, Желтова, Лавренка. Журналъ г. Хованскаго заслуживаетъ благодарность и поддержку всѣхъ любителей русскаго языка».

Немного страницъ въ «Филологическихъ запискахъ» посвящено малорусскому языку и словесности, но все таки въ нихъ есть кое-что и по этой части, напр. цѣнныя статьи А. А. Потебни о нѣкоторыхъ особенностяхъ малорусскаго языка, одинъ весьма любопытный,

украинскій лѣчебникъ, открытый проф. Сырку, также весьма интересный народный апокрифъ о хожденіи Іисуса Христа по землѣ и объ адскихъ мученіяхъ и пр.

Редакція журнала обѣщаетъ выпустить въ непродолжительномъ времени указатель статей, помѣщенныхъ въ «Филологическихъ запискахъ» за все время ихъ существованія,

Н. С.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *непремѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутрь Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

1887 г. (VI годъ изданія.) **1887 г.**

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.**

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

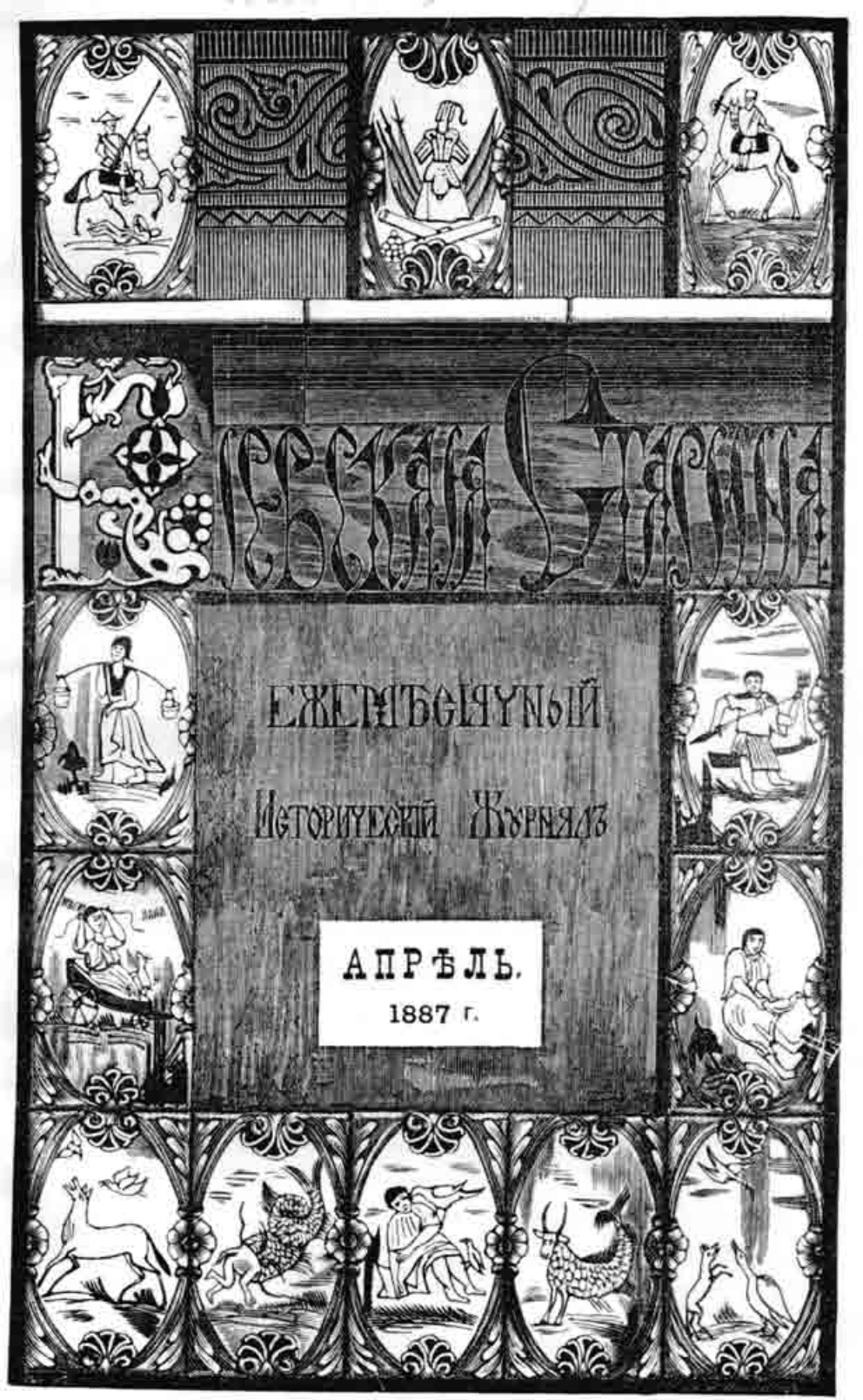
1) Записки гофмейстера И. Д. Селецкаго (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосвѣтскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Нечуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воевода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Адресъ: *Въ редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1887 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VI. КАПИТАНША 1

II. СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО. (Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній. *(Окончаніе)*.—**Сергѣя Венгрженовскаго** 26

III. ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВѢЕВИЧА СБИТНЕВА. (Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ). *(Окончаніе)* . . 52

IV. РОДЪ ВИШНЕВСКИХЪ.—**А. Лашкевича.** 73

V. ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА УКРАЙНЫ КОНЦА XVIII В. (I. Сожженіе вѣдьмы).—**Н. Оглоблина.** 92

VI. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ. *(Продолженіе)*.—**А. М. Туренка** 125

VII. НАСЛѢДСТВЕННОЕ ПОЛКОВНИЧЕСТВО. (Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ). Сообщ. **А. Твердохлѣбовъ.** 152

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Андрей Степановичъ Милорадовичъ, съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2-е. Черниговъ. 1887. —*А. Л.*—б) Складка Альманахъ, Р. Б. 1877. № 1. Спорудывъ Вл. Александровъ. Харьковъ.—*З.*—в) Исторія кіевской духовной академіи. Выпускъ 1-й, Періодъ до-могилянскій. С. Голубева. Кіевъ. 1886 года.—*И. Каманина.*—г) Дополненіе къ библіографическому указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Гр. Шевченка.—*А. Комарова.* . . 171

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Объ имени святителя нетлѣнно почивающаго въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ.—*L.* —б) Жалоба роменскаго духовенства на протопопа Мартына Самойлова.—*А. Востокова.*—в) Изъ народныхъ вѣрованій.—Сообщ. *Юрій Олтаржевскій.*—г) Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигіальнаго братства.—*Я. Г.*—д) Волынская полоненница XVI вѣка и ея «орменскій» обожатель.—Сообщ. *А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій.*—е) На пути въ Іерусалимъ.—*W.*—ж) Старинные проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей 158

X. **Приложеніе.** Снимокъ въ краскахъ съ ожерелья Домны Роксанды Хмельникой, хранящагося въ Спасской Паліевской церкви м. Бѣлой Церкви.

Продолжается подписка на „Кіевскую Старину" 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины", Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

1887 г.

КІЕВЪ.
Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО BOOK SPACE

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го марта 1887 года.